

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

BYZANTINO CAUCASICA III

Москва
2023

THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

BYZANTINOCAUCASICA

Volume 3

Moscow
IOS RAS
2023

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

BYZANTINOCAUCASICA

Выпуск 3

Москва
ИВ РАН
2023

ББК 63
Б90

Ответственный редактор: к.и.н. *В. Н. Чхаидзе*
Executive editor: *V. N. Chkhaidze*, PhD in History

Рецензенты:

к.и.н., доц. *П. В. Кузенков*, к.иск., доц. *Е. А. Виноградова*

Readers:

P. V. Kuzenkov, PhD in History, *E. A. Vinogradova*, PhD of Art History

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института востоковедения РАН

ByzantinoCaucasica. Выпуск 3 : сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Чхаидзе;
Ин-т. востоковедения РАН – М.: ФГБУН ИВ РАН, 2023. – 212 с. : ил.

ByzantinoCaucasica. Volume 3 / Ed. by V. Chkhaidze; Institute of
Oriental Studies RAS – Moscow: IOS RAS, 2023. – 212 p. : ill.

ББК 63

В третьем выпуске сборника рассматриваются актуальные проблемы социально-политической и культурной истории Византии и Кавказа. Часть работ посвящена средневековой археологии, архитектуре, искусствоведению, сфрагистике, вопросам историко-культурного, политического и религиозного взаимодействия народов, входивших в состав Византийской империи и окружающей Ойкумены. Ежегодник предназначен для историков, источниковедов, искусствоведов, а также всех интересующихся историей Византии, Поствизантии, Кавказа, сопредельных территорий.

The third issue of the collection deals with topical issues of the socio-political and cultural history of Byzantium and the Caucasus. Some works are dedicated to medieval archaeology, architecture, art history, sphragistics, issues of historical, cultural, political and religious interaction of the peoples of the Byzantine Empire and the “Byzantine Commonwealth”. The yearbook of interest for historians, source specialists, art historians, as well as anyone interested in the history of Byzantium, Post-Byzantium, the Caucasus, and adjacent territories.

В оформлении обложки использована карта «Imperii Orientalis et Circumjacentium Regionum» из издания: «Atlas nouveau». Amsterdam, 1742.

The cover design uses the map «Imperii Orientalis et Circumjacentium Regionum» from the edition: «Atlas nouveau». Amsterdam, 1742.

ISBN 978-5-907671-98-0

© Авторский коллектив, 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Содержание

<i>Виноградов А. Ю.</i> Крещение правителя и народа в «Истории Армении» Агафангела и древнерусской летописи	7
<i>Евдокимова А. А.</i> Акцентуация и особенности языка греческой надписи из церкви Христа Спасителя в Цаленджихе	33
<i>Косоуров Д. А.</i> К вопросу о локализации «ал-Халидиата» Яхьи Антиохийского и его владетелей	41
<i>Флёров В. С.</i> Строительные блоки и способы их укладки в Правобережной Цимлянской крепости	51
<i>Ендольцева Е. Ю., Быстрицкий Н. И., Дрыга Д. О., Карнаушенко А. Д., Карнаушенко Э. Н., Казеннова Л. К.</i> Нижняя церковь на горе Анакопия (г. Новый Афон, Республика Абхазия): опыт виртуальной реконструкции архитектурной декорации	65
<i>Цымбал М. Л., Бердник Е. С.</i> Комплекс находок из колодца № 2 Раскопа 12 «Южного пригорода» Херсонеса Таврического	89
<i>Нарожный Е. И.</i> Четыре погребения Келийского могильника XIII–XIV вв. с предметами христианского культа	121
<i>Чхаидзе В. Н.</i> Мария Склирена ≠ Мария Аланская: о неверной трактовке уникального моливдовула	145
<i>Дружинина И. А.</i> Бадр ад-Дин ал-‘Айни о черкесах	153
<i>Кабардов И. Б.</i> Ислам у средневековых адыгов: мамлюкский фактор ...	165
<i>Каиштанов Д. В.</i> Материалы для истории раннего русского кавказоведения. О поездке Д. М. Струкова на Кавказ в 1867 году ...	181
Памяти Александра Юрьевича Скакова (1971–2023)	203
Список сокращений	208
Сведения об авторах	209

Contents

<i>Vinogradov A. Yu.</i> The Baptism of the ruler and the people in the “History of Armenia” by Agathangelos and the Old Russian chronicle	7
<i>Evdokimova A. A.</i> The accentuation and of Greek inscriptions from the church of Christ the Savior in Tsalenjikha	33
<i>Kosourov D. A.</i> Toward the questions of localisation of “Al-Khalidiat” Yahya of Antioch and its rulers	41
<i>Flyorov V. S.</i> Right-bank Tsimlyanskaya Fortress: Construction of masonry walls	51
<i>Endoltseva E. Yu., Bystritsky N. I., Dryga D. O., Karnaushenko A.D., Karnaushenko E. N., Kazennova L. K.</i> The Lower Church on Mount Anakopia (New Athos, Republic of Abkhazia): experience of virtual reconstruction of architectural decoration	65
<i>Tsybmal M. L., Berdnik E. S.</i> The Complex of Finds from Well No. 2, Excavation trench 12 in the “Southern Suburb” of Chersonesos Taurica	89
<i>Narozhny E. I.</i> Four burials of Keliysky burial ground of the 13 th –14 th centuries with objects of Christian worship	121
<i>Chkhaidze V. N.</i> Maria Skleraina ≠ Maria of Alania: About an incorrect interpretation of a unique seal	145
<i>Druzhinina I. A.</i> Badr ad-Din al-‘Aini about the Circassians	153
<i>Kabardov I. B.</i> Islam among the medieval Adygs: the Mamluk factor	165
<i>Kashtanov D. V.</i> Materials for the History of the first Caucasian Studies in Russia. The Journey of Dimitrij Strukov to the Caucasus in 1867	181
In memory of Alexander Yuryevich Skakov (1971–2023)	203
List of abbreviations	208
Information about the authors	209

А. Ю. Виноградов

КРЕЩЕНИЕ ПРАВИТЕЛЯ И НАРОДА В «ИСТОРИИ АРМЕНИИ» АГАФАНГЕЛА И ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

Резюме: в статье сравниваются описания крещения правителя и народа в эпитоме «Истории Армении» Агафангела и в древнерусском летописании, что помогает объяснить некоторые особенности летописного нарратива о крещении Владимира и Руси. Это сравнение показывает, что, влияние эпитомы испытал летописный рассказ об обращении и крещении Владимира, созданный, согласно А. А. Гиппиусу, составителем «Свода 1060-х гг.» (= «Свод 1072 г.»): он создал сцены посольства иудеев, ответов Владимира послам, его диалога с Философом, корсунской истории и крещения киевлян, которые затем дополнены подборкой богословскими, гомилетическими и агиографическими фрагментами в «Начальном своде» 1090-х гг. Выявляет ряд параллелей как в структуре повествования (выезд правителя из столицы в другое место – прибытие посольства из Византии – крещение правителя и народа – строительство храмов – передача детей для обучения церковным книгам), так и в отдельных деталях, в т.ч. уникальных (выезд для крещения из столицы, связь крещения с посольством из Византии, крещение в реке, передача детей знати для обучения церковным книгам). Тот факт, что диалог Владимира с Философом напоминает диалоги Тиридата со святым Григорием, подтверждает, что влияние эпитомы испытал весь материал «Свода 1060-х гг.», связанный с христианизацией Руси и ее правителя.

Ключевые слова: Древняя Русь, Армения, летописи, хроники, Начальный свод

Крещение народа и его правителя – ключевой элемент в конструировании идентичности и исторической памяти христианских этносов. Однако если крещение правителя описывается в различных текстах довольно часто, то сцена крещения народа намного более редка. Тем интереснее провести сравнение между двумя описаниями такого рода: в «Истории Армении» Агафангела (далее – ИАА) и в древнерусском летописании, тем более что такой попытки прежде не предпринималось. А, между тем,

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (No 22-00-051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022–2023 гг.

она может объяснить некоторые особенности летописного нарратива о крещении Владимира и Руси, которых нет в т.ч. в альтернативных рассказах об этом (прежде всего, в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха; изд.: *Библиотека...* 1997. С. 316–326).

«История Армении», которая описывает крещение царя Тиридата (Трдата) и армян и автор которой называет себя Агафангелом, работавшим по заказу этого царя в начале IV в., на самом деле, была написана в V в., на армянском языке (ВНО 328–331; рус. пер.: *Агатангелос*, 2004). Весьма скоро был создан ее греческий перевод, с расширением исторической части в начале текста (ВНГ 712). На основе этого перевода была сделана эпитома в виде жития свт. Григория Просветителя (ВНГ 712d), которая затем была переведена на славянский (*Иванова*, 2008. С. 229; *Творогов*, 2008. С. 40–41). Именно последний перевод и мог быть известен русскому книжнику, который создавал рассказ о крещении Владимира и Руси (отразившийся и в более поздних летописях и житиях князя).

Впрочем, время создания этого рассказа, точно фиксируемого впервые в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ; изд.: *Библиотека...* 1997. С. 62–314) и Новгородской первой летописи младшего извода (*Новгородская...*, 1950. С. 132–159), вызывает споры среди исследователей. Еще А. А. Шахматов выделил из летописного текста «Корсунскую легенду», состоящую из большей части событий в Корсуні (кроме некоторых элементов осады города), других «корсунских» пассажей летописи и рассказа о женолюбии Владимира, – он считал ее самостоятельным текстом, включенным в летопись составителем «Начального свода» (далее – НС) 1090-х гг., из-за чего в той появились нестыковки в повествовании о крещении Владимира и Руси (*Шахматов*, 1908. С. 133–149)². Впрочем, аргументация Шахматова относительно слоев летописи во многом произвольная и менялась им самим. Н. И. Милютенко (*Милютенко*, 2008. С. 92, 164, 257–260), следуя гипотезе Шахматова, отметила как след редактирования двукратное отправление Анны³ (хотя, в действительности, второй эпизод не дублирует первый, но завершает вставную «новеллу» о горькой разлуке⁴), а также попыталась найти следы «Корсунской легенды» в проложном житии Владимира (которое, на самом деле, просто изменяет текст ПВЛ; см.: *Введенский*, 2023. С. 128–175). Вместе с тем, исследовательница постулировала, что сюжет со слепотой и исцелением Владимира «твердо связан с легендой

² Подр. об истории стратификации корсунской истории см.: *Сазанов*, 2014б.

³ «И послушаста цесаря и посласта сестру свою и сановники нѣкыя и прозвутеры... Она же, всѣдши в кубару, цѣловавши ужики своѣ с плачемъ, поиде чресь море».

⁴ Сцена прощания с родней Анны, боящейся уезжать на чужбину, чтобы стать женой варварского правителя, находит параллель в сцене прощания Марии, дочери императора Христофора и жены болгарского царя Петра (*Симеон Логофет*. Хроника 136, 51).

о крещении в Корсуне и никогда не встречается отдельно от нее», но предположила, что он «мог входить в нее изначально, а мог появиться в составе летописи» (Милютенко, 2008. С. 260).

Напротив, А. А. Гиппиус счел всю корсунскую историю органичной частью эволюционирующего летописного текста, предложив свою стратификацию летописного повествования о крещении Владимира и Руси. В рассказе собственно о крещении он не видит следов «Ядра» («Древнего сказания»), которое отразилось в истории выбора вер: по его мнению, «Корсунская легенда» заменила собой древнюю версию крещения Владимира в Киеве (отразившуюся у Иакова Мниха⁵ и в полемических заметках летописи⁶). Сам же летописный рассказ о крещении содержит, согласно Гиппиусу, два слоя: в «Своде 1060-х гг./1072» появился рассказ о походе Владимира на Корсунь и его крещении там, а вот рассказ о крещении киевлян, уничтожении идолов и строительстве церквей исследователь первоначально приписывал целиком составителю НС 1090-х гг. (Гиппиус, 2008; принята в: Сазанов, 2014а. С. 137–138), но позднее отнес к нему только агиографические и гомилетические вставки в рассказе о крещении киевлян (относящегося также к «Своду 1060-х гг.»), а также – независимо от Милютенко – историю болезни и исцеления Владимира, которая, как и в других местах летописи, представляет собой «христианское» добавление церковного книжника (Гиппиус, 2012. С. 55–56).

Развивший гипотезу А. А. Гиппиуса А. М. Введенский пытался отнести рассказ о слепоте и исцелении Владимира в купели к другому слою летописи также на основании распределения энклитики *ся* (Введенский, 2023. С. 139). Однако даже если ее распределение и указывает на устное или письменное происхождение текста, здесь оно не слишком показательное: в препозиции она используется только в положении после *аще*, которого нет на данном отрезке текста; а на 3 постпозиции *ся* в нем приходится 5 таких случаев в предыдущей части корсунского рассказа – скорее позиция энклитики *ся* служит здесь маркером прямой речи, да и то не абсолютным. Исследователь считает вставкой составителя НС также фрагмент от слов «Си слышавъ Володимеръ» до «къ тобе сестру твою», потому что этот «пассаж явно разрывает логичный ответ Владимира на просьбу императоров принять крещение» (Введенский, 2023. С. 140–141). Но, на самом деле, данный фрагмент лишь продолжает обмен посланиями между Владимиром и императорами, которые боятся обмана со стороны русского князя, обещающего креститься в точнее не

⁵ «На другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи, на третье Корсунь городъ взя».

⁶ «Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъ есть в Киевѣ, инии же рѣша – в Василевѣ, друзии же рѣша инако сказающе».

определенное время. Более того, в этом отрывке содержится и отсылка к истории испытания вер⁷ из предшествующего слоя летописи, которая выглядит логичней для дополнявшего последний составителя «Свода 1060-х гг./1072 г.», чем для редактора НС. Поэтому, в отличие от четких лингвистических аргументов в пользу отличия корсунской истории от предшествующей истории испытания вер (см.: *Гиппиус*, 2008), ясных доказательств вставки повествования о слепоте и исцелении Владимира в НС нет.

Чтобы разобраться в этих сложных проблемах, сравним сперва два рассказа о крещении правителя и народа в греческом переводе оригинального текста ИАА, в славянском переводе ее эпитомы и в ПВЛ. Курсивом отмечены пассажи ПВЛ, стоящие не на своем месте в последовательности повествования, а подчеркиванием – вероятные «церковные» добавления составителя «Начального свода» (см. выше).

«История Армении» ⁸	Эпитома Агафангела ⁹	«Повесть временных лет» ¹⁰
Исцеление правителя после обращения ко Христу		
89. Поскольку же шесть дней пребыл одержимым глубочайшей скорбью царь от тяги к красоте Рипсимии. И вот, после этого захотел он выйти на охоту вместе с войском. И когда пехотинцы готовили силки и собирались отправиться на охоту на равнину, называемую Фаракана Семаков, царь, поднявшись и сев на колесницу, выехал из города. И тотчас наказание от Бога, настигнув, поражает	По скончаниі же святыхъ дѣвъ мученіа пребывааше царь Тиридать по 6 дний плача, поминая доброту блаженныа Рипсиміа; и по 6 день пришедь на князь своихъ молбу, повелѣ събратися ему воемъ, гакоже изыти ему на ловъ. Сему же бывшу и колесницамъ впряженомъ, възлѣзшу же ему на колесницу, напрасно гнѣвъ отъ Бога посланъ бысть, и порази и духъ золь, и разврати ис колесница, и нача бѣситися и плоть свою	<i>По Божью же строенью въ се время разболѣлся Володимиръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и не домыслиаше, что створити. И посла къ нему цесариця, рекуще: «Аще хоцещи болезни сея избыти, то въскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаети избыти сего». И си слышавъ, Володимеръ рече: «Аще се истина будет, поистѣнь великъ Богъ крестьянскъ». И повелѣ крестити ся.</i>

⁷ «Глаголите цесарема тако, яко азъ кресцюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любовь, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мужи».

⁸ Пер. А. Ю. Виноградова по изд.: *La version grecque...*, 1973. Р. 173–345.

⁹ Цит. по: *Великие Минеи Четии*, 1883. Стб. 2221–2267.

¹⁰ Цит. по: *Библиотека...*, 1997. С. 156–162.

царя нечистым духом на колеснице и повергает его на землю. И он начал безумствовать и пожирать собственную плоть. Но и, подобно Вавилонскому царю Навуходонозору, лишившись человеческой природы и превратившись обликом в кабана, стал жить с ними в тростниках и пастись и, совершенно голый, бродил по равнине. Ведь и охотники из города не смогли удержать его из-за присущей ему физической силы и неистовства бесов, поселившихся в нем. Однако и очень многие из людей в городе, взбесившись тем же самым образом, стали безумствовать, и страшная катастрофа постигла всю страну. А домашние царя, рабы и слуги, точно так же все разом стали наказываться разными казнями. 90. Итак, в то время явилось видение сестре царя, которую звали Кусародукта. И вот, придя, рассказала она его людям, говоря так: «Видение наблюдала я в эту ночь: один человек, переполненный светом, представ, сказал мне: «Никакого исцеления от мучительной язвы вам не будет, если, послав в город Артаксат, вы	кусати, по подобію Навходоносора, царя Вавилопська, в дивий звѣрь преложися: вепрь бо дивій бувъ, въ отишіихъ со дивими звѣрями пасяшеся. Хотяще же иже подь нимъ суть яти и въ граде, и не могоша, сущая ради в немъ отъ естества силы и отъ бѣсовъ дѣйства, пребывша го звѣрства в немъ; не токмо же самъ, но и вси граждане, и вси его воины так оже бяху и своя мяса кусаху, и весь же домъ царевъ тою же язвою одрѣжашеся. Тѣмъ же таковымъ бывающимъ, сестра царя, именовъ Косородукта, вид отъ Господа види, иже видѣ той сущимъ подь царемъ боляромъ и воеводамъ исповѣда, рекущї имъ: в сю ночь видѣхъ въ снѣ чловѣка нѣкакого въ виду свѣта, иже пришедъ ко мнѣ, рече: нѣкакоже язвы тоя избыти, аще не пустивше въ градъ Артаксатъ приведете святаго Григорїя, егоже связавше ввергосте въ глубокий доль, той бо вамъ покаже цѣлбу цѣлений... И обращься къ царю и прикоснувся к рукама его и к ногама, Господа нашего Иисуса Христа ради, остави въ чловѣческое естество.	<i>И епископъ же корсуньскый с попы цесарицины, огласивъ и, и крести Володимѣра. И яко возложи руку на нь, и абье прозрѣ.</i>
--	---	--

не приведете оттуда заключенного Григория, чтобы, придя сюда, он не научил вас целительному лекарству»... 126. Когда же все склонили колени перед Богом, святой Григорий стал усердно молиться, прося и ища исцеления с напряжением и множеством слез. А царь, стоявший посреди людей в вышеописанном облике, внезапно начал трястись и сбрасывать свиную шкуру со своего тела вместе со страшной мордой, клыками и густой шерстью. Освободившись же от толстейшей кожи, лицо его вернулось в свое обличье, а тело стало нежным, как у только что родившегося ребенка, и все его члены полностью исцелились.		
Ниспровержение идолов		
127. ... Итак, царь спешно приказал полновластно, с согласия прочих, чтобы во власти святого Григория было ниспровержение отеческих мнимых богов и их алтарей, дабы удалить оттуда их памятники. И вот царь отправился вместе с войском из города Валероктист в Артаксат, чтобы ниспровергнуть тамошний алтарь Артемиды в так	Скончаном же бывшемъ убо церквамъ свя- тыхъ дѣвъ, всю власть да Тиридать святому Григорію опровержати прадѣдня ему капищныа храмы; и обрѣтаемыа в нихъ кумиры, имже ся Тиридать кланяше, тыа сокрушаше, якоже ногубити и саму ту память скаридыхъ каницъ, а не богъ. Сам же царь отъиде отъ града Алаксапата, якоже ити въ градъ Артаксать...	<i>И яко приде, повель кумиры испровержи, овы истыци, а другыа огньви предати. Перуна же повель привязати къ коневу хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужа пристави бити жезлиемъ. Се же не яко древу чююще, но на поругание бѣсу, иже прильщаше симъ образомъ чловѣкъ, да возмѣтье приметъ от чловѣкъ. «Велий еси, Господи, чюдная</i>

называемых Сномузных местах... 133. А царь, утвердившись в вере, с еще большими угрозами и властью приказал, чтобы в этих краях отказались от поклонения сатане и бесам и покорились сладчайшему и приятнейшему ярму Христову. Это они и здесь сделали, исполнив и дело проповеди с величайшими знамениями. И не столько царская угроза и запрещение могли воздействовать на всех словами, сколько чудеса различных исцелений прославляли всесвятое имя Христово. Все же это делалось по воле и человеколюбию Бога через святого Григория.	Царь же Тиридать теплѣй о вѣрѣ бивъ, пушаше вся, иже бяху подѣ царьствомъ его, отступите отъ капищныа прелсти, обратите же ся и повѣнуги вѣрѣ и ярму Спаса нашего Іисуса Христа... Множество убо но ряду многообращашеся народа не боязнію царевою, но бывающихъ ради знаменій о имени Господа нашего Іисуса Христа проповѣдникъ...	<i>дѣла твоя!» Вчера чѣстимъ отъ челоуѣкъ, а днесъ поругаемъ. И влѣкому же ему по Ручаеви къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людѣ, еще бо не бяху приняли крещенія. И привлекише, и вринуша и въ Днѣпръ. И пристаави Володимѣръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы-то отрѣжьте его отъ берега, донѣдеже пороги проидеть, тогда охавитесь его», Они же повелѣное створиша. Яко пустиша и, и проиде сквозѣ пороги, извѣрже и вѣтръ на рѣнь, яже и до сего дни словетъ Перуна рѣнь.</i>
Первое крещение		
142. ... А после этого, поднявшись на место святилища и собрав людей, он стал учить их богопознанию. И заложил основание церкви на том же месте и поставил престол во имя славы Божьей, там впервые начав строительство церковей и установку жертвенников во имя Христа. Приготовив купель крещения, первыми просветил он путешествовавших вместе с ним великих сатрапов; пробыв же в этой области двадцать.	И вся научивъ, основаніе церкви положи, и жрътвеникъ наткнувъ на славу Господа наш его Іисуса Христа; и създавъ купель, кресті а, наченъ отъ воеводѣ и отъ князь, пришедшая с нимъ в Кесарію. Пребыв же дній 20, и крести вся, иже на предѣли отечества того живяху, чисменемъ 11 темъ; такоже и въ церкви тоя вси поставивъ, повелѣ въ всѣхъ отечствіиихъ в весехъ церкви създати и клиросъ уставляти.	

дней, крестил более девятнадцати мириад человек. Поставив престолы в мартириях святых, построенных им, он принес приношения спасения и причастил животворящего тела и Крови Христовой... и совершил крещения. 143. ... Во многих областях, городках и деревнях он построил церкви, совершил крещение и поставил священников.		
Прибытие на место крещения и посольство из Византии		
Услышал же великий царь Тиридат, что достиг Армянской страны святой Григорий, и взяв свои войска, царицу Асихену и свою сестру Кусародукту, вышел из области Арарат и города Валероктист навстречу архиепископу. И прибыл он в городок Багаван, который называется на парфянском языке городком жертвенников, и остался в нем на месяц, ожидая его... 144. А царь заранее встретил его с войском у истока реки Евфрат. При встрече же тот исполнил всех божественной благодати и евангельских приветствий, тесно связанными с Христовыми учениями. Итак, с большим весельем и радостью они возвратились	Слышав же царь Тиридатъ пришедша преподобнаго Григорія въ Арменскую землю отъ Каподокіа, изыде купно с вой своими и съ женою, еще же и съ сестрою, на срящу святаго. И прииде въ градъ, нарицаемый Вагава, иже начало шествію Ефратъ имать, и срѣте и царь с воины и с перворѣченныма женама на брезѣ того же Ефрата рѣкы. Исполнися радости великія царь и веселія, введе и въ градъ.	<u>Володимеръ же, се слыша, възрѣвъ на небо, и рече: «Аще ся сбудеть, се имамъ креститися».</u> <u>И ту абѣ повелѣ копати прѣкы трубамъ, и переяша воду. И людьє изнемогаху жажею водною и предашася.</u> <u>И вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимеръ къ цесареви, Василию и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имаете дѣвою, да аще ея не вдасте за мя, то створю граду вашему, яко и сему створихъ».</u> <u>И се слышавша цесаря, быста печална, посласта вѣсть, сице глаголюще: «Не достоитъ крестьяномъ за поганяны посягати и даяти. Аще ли ся крестиши, то приимеши се и получиши царство</u>

в городок, и приносят туда несущее мир письмо. Было же оно написано следующим образом: «Выпоротые и наученные, наказанные и исцеленные, умученные и вымуштрованные, потерянные и обретенные, заблудившиеся и вернувшиеся, приняты и возлюблены Господом вы, Тиридат, царь Великой Армении, царица Асихена, великая юница Кусародукта и все ваше общество, кто из этой великой страны. Леонтий, архиепископ митрополии великой Кесарии, все священство этой святой Церкви и сообщество епископов, пресвитеров, диаконов и людей [желает вам] радоваться о Господе! ...»		<u>небесное, и с нами единовѣрникъ будещи. Аще ли сего не хочещи створити, не можевъ дати сестры своей за тя». И сѣ слышавъ Володимѣрь и рече посланымъ от цесарю: «Глаголите цесарема тако, яко азъ крещюся, яко испытахъ прежде сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любовь, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мужи». И се слышавша цесаря и рада быста, и умолиста сестру свою, именемъ Анну, и посласта к Володимеру, глаголющи: «Крестися, тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». И рече Володимиръ: «Да пришедше съ сестрою вашею крестять мя». И послушаста цесаря и посласта сестру свою и сановники нѣкыя и прозвутеры. Она же не хотяше ити яко в поганья, и рече им: «Луче бы ми се умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратитъ Богъ Рускую землю в покаяние, а Грѣчкую землю избавиши от лютыя рати. Видиши ли колико зло створиша русь грѣкомъ? Нынѣ же, аще не идеши, то же имуть творити намъ». И одва принудиста. Она же всѣдши в кубару, цѣловавши ужикы</u>
---	--	--

		<u>своѣ с плачемъ, поиде</u> <u>чресъ море. Яко приде</u> <u>ко Корсуню, и излѣзоша</u> <u>корсуняни с поклономъ,</u> <u>и введоша ю въ градъ, и</u> <u>посадиша ю в полатѣ.</u>
Наставление новокрещенным		
«... Из-за данного вам Богом спасения, о котором нам было сообщено, мы с безмерным весельем возблагодарили за непрестанные дары Христовы, а особенно за святых Божьих мучениц, посланных к вам и прославленных среди вашей страны, чей исход созерцая, подражайте их вере, чтобы быть прославлены и увенчаны тем же венцом. Ведь, поскольку Творец всего позаботился обо всем, чтобы вы унаследовали Его усыновление, то по Своему изволению Он наставил всех, дабы призвать также уставших в Свое Царство и дать покой обремененным (ведь Его ярмо благо и бремя легко), собирая к себе и уча, чтобы сделать всех достойными Своего упокоения. 145. И поскольку вы своевременно не познали должного, поэтому навел на вас Он жезл бича, благодаря которому вы, словно очнувшись от сна, узнали вразумляющее		<i>И крещену же Володимеру в Корсуні, предаша ему вѣру крестьянскую, рекуще сице: «Да не прельстятъ тебе нѣщии от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя: «Вѣрую въ единого Бога Отца, вседержителя, творца небу и землѣ» и до конца вѣру сию. И пакы: «Вѣрую въ единого Бога-Отца нерожена, и въ единого Сына рожена, и въ единъ Святый Духъ исходящъ: три собѣства свѣршена, мыслена, раздѣляема числомъ и собѣствомъ, а не бобѣствомъ, раздѣляеть бо ся не раздѣлно, и совокупляеться неразѣсно. Отець бо, Богъ-Отець, присно сый пребываетъ въ отечествѣ, нерожень, безначалень, начало, вина всимъ, единемъ нерожениемъ старѣй сы Сыну и Духови. От него же ражается Сынъ прежде всихъ вѣкъ, исходитъ же Духъ Святый и безъ време и бесѣгъла; вкупъ Отець, вкупъ Сынъ, вкупъ Духъ Святый есть. Сынъ</i>

Крещение правителя		
вас Его покровительство, и поскольку то, что выше человеческого, вы по-человечески не познали, Он вразумил вас бесчеловечно. Поэтому теперь, кого вы по неведению разгневали, тот утвердил вас в непоколебимом знании. Ведь камень, отвергнутый вами, строителями, стал для вас главой угла. Ведь, кто был раздражен вами, пусть будет умолен слезами. Ведь, кого вы, закрыв глаза, сочли мраком, тот, открыв глаза вашего сердца, просветил вас, снял с вас одежду безбожия и облек в светоносную ризу. Ведь, кого вы, хвастаясь в неведении, хотели убить, тот дарован вам как мудрость и писец жизни. Услышав это, мы погрузились в глубины волнующей любви Христовой, крайне удивились Его непостижимым дарам, непрестанными устами и неумолкающими языками прославили Господа нашего Иисуса Христа, благого чудотворца и дародавца, и Богу Вседержителю вознесли благодарственные слова 146. Даровали же мы и самому Григорию через посещение Святого		<i>подобосуицень и безначалень <...>, рожиениемъ точию разнествуя Отцю и Духу. Духъ есть пресвятый, Отцю и Сыну подобосуицень и присносуицень. Отцю бо отечество, Сыну же сыновъство, Святому Духу исхождение. Ни Отець бо въ Сынъ или въ Духъ пресупааетъ, ни Сынъ въ Отца и Духа, ни Духъ въ Сынъ или въ Отець, неподвижна бо свойствия. Не трие бози – единъ Богъ, понеже едино божество въ трехъ лицахъ. Хотѣнемъ же Отца же и Духа свою спасти тварь, отечьскихъ ядрѣ, иже не отступи, сшед и въ дѣвичьское ложе пречистое, акы Божье стѣмя вшед и плоть съдушъвну, и словесну же, и умну, не преже бывшую, приимъ, изииде Богъ воплощень, родивъся неизрѣченъ и дѣвство матери схрани нетлѣжно, не смятение, ни размѣшение, ни измѣнения пострадавъ, но пребывъ еже бѣ, приемъ рабий зракъ истинною, а не мечтаниемъ, всячьскы, развѣ грѣха, намъ подобень бывъ. Волею родися, волею бо взалка, волею вжада, волею</i>

Духа нетленные дары – через него и вы удостойтесь получить мир Небесного Царства. А нас, далеких от вас телом, но близких душой, вспоминайте в своих неопитских молитвах и в своем грядущем спасении, особенно когда будете совершать память святых со своим ликованием. Завет же свидетельства между обеими странами пусть сохраняется до конца, чтобы этот дар установления священства вашей страны пребывал неизменно в Кесарийской Церкви, которой изначально и был приготовлен для вас дар рукоположения: через него вам даруются и бессмертные явства возрождения посредством Креста Владыки и Тела и Крови искупления Христова, а также божественное блаженство, ибо умножились священники, чтобы возвести вас к соединению с духовным песнопением и к небесному хору Христова воинства. Здравствуя во Христе, всегда наслаждайтесь Господним спасением!»		<i>вжада, волею трудися, волею устращися, волею умре, истинною, а не мечтаниемъ, вся свѣриена, не оклеветанныи страсти челоувѣчества. Распятъ же ся, смерти вкуси безъгрѣшный и въскресе въ своей плоти, и, не въдѣвши истлѣния, на небеса възыде и седе одесную Отца. И придетъ же накы съ славою судити живымъ и мертвымъ, якоже взиде съ своею плотью, тако и сидеть. К сим едино крещение исповѣдаю водою и духомъ, приступаю къ пречистымъ тайнамъ, въруую въ истину тѣло и кровь, и приемлю церковная предания, и кланяюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному и кресту, и всякому кресту и святымъ мощемъ и святымъ съсудомъ. Въруй же семи сборъ святыхъ отець, иже есть первый в Никии 300 и 18, иже прокляша Арья и проповѣдаша въру непорочну и праву. Вторый же сборъ в Костянтинѣградѣ святыхъ отецъ 100 и 50, иже прокляша Македонья духоборца и проповѣдаша Троицу единосущную. 3-й же сборъ въ Ефесѣ</i>
---	--	---

		святыхъ отецъ 200 на Несторья, егоже прокление, проповѣдаша святую Богородицю. 4-й сборъ в Халкидонѣ святыхъ отецъ 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, еюже прокление святии отци, изгласивше свершена Бога и свѣриена челоувѣка Господа нашего Исуса Христа. 5 сборъ въ Цесарѣградѣ святыхъ отецъ 100 и 60 и 5 на Ерегенѣва предания и на Евагрия, ихже прокляша святии отци. 6-й сборъ Цесарѣградѣ святыхъ отецъ 100 и 70 на Сергия и Кура, ихже прокляша святии отци. 7-й сборъ в Никеи святыхъ отецъ 300 и 50, прокляша, иже не поклоняются иконам. Не приимай же от латынѣ учения, их же учение развращено: влѣзъше бо въ церковь, не поклоняются иконамъ, но стоя поклониться <...> и, поклонився, напишетъ крестъ на земли и цѣлуетъ, и встанетъ простъ ногама на немъ, да, легъ, цѣлуетъ, а вставъ попираетъ. Сего бо апостоли не предаша: предали суть апостоли крестъ поставленъ цѣловати, иконы предаша. Лука бо еуангелистъ,
--	--	--

		первое написавъ, посла въ Римъ. «Якоже глаголетъ Василъй, икона на первый образъ приходить». Паки же землю глаголють матерью. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони створи Богъ небо и такоже землю. Тако глаголють: «Отче нашъ, иже еси на небеси». Аще ли по сихъ разуму земля есть мати, почто плюете на матерь свою? Да сѣмо ю лобызаете, а сѣмо ю сквѣрните? Сего же римлянъ не творяху, но исправляху на всихъ сборгъхъ, сходящихся от Рима и от всихъ престолъ. На первомъ сборгъ, иже на Аръя, иже в Никеи, от Рима преже Селивестръ посла епископы и прозвутеры, а от Александрия Афанаasia, от Цесаряграда Митрофанъ посла епископы от себе, и такъ исправляху вѣру. На вторемъ же сборгъ от Рима Дамасъ, а от Александрѣа Тимофѣй, от Антиохия Мелетий, Курилъ Ерусалимскый, Григорѣй Богословець. На третьемъ же сборгъ Келестинъ Римскый, Курилъ Александрийскый. На 4 же сборгъ Леонтий Римскый, Анатолѣй Цесаряграда, Увеналий Ерусалимскый. На
--	--	--

		пятомъ сборѣ Римскій Вилигій, Евѣтухій Цесаряграда, Аполинарій Александрійскій, Домнинъ Антиохійскій. На шестомъ сборѣ от Рима Агафонъ, Георгій Цесаряграда, Феофанъ Антиохійскій, от Александрия Петръ мнихъ. На 7-мъ сборѣ Андрианъ от Рима, Тарасій Цесаряграда, Политьянъ Александрѣйскій, Исиодоръ Антиохійскій, Илья Ерусалимскій. Сии вси съ своими епископы и, сходящися, и правяху вѣру. По семемъ же сборѣ Петръ Гугнивый съ иними шедъ в Римъ и прѣстолъ въсхътивъ, развративъ вѣру, отвѣргъся престола Ерусалимскаго, и Александрѣйскаго, и Цесаряграда и Антиохійскаго. И возмутиша Италию всю, стѣюще учение свое раздно, тѣмъ же держать не в одино съглашение вѣру, но раздно: ови бо поповѣ, одиною женою оженився, служить, а друзии до семи женъ поймающе служить, ина же многа раздно держать, ихже блюдися учения. Працають же грѣхы на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да хранить тѣ, княже, от сего».
--	--	---

Крещение правителя		
147. Когда же все стали принимать его указания и деятельно выполнять указанное, тогда он приказывает, чтобы царский дом вместе с войском тридцать дней провели в посте и молитве... 148. Заложил же он там и фундаменты, построил церковь, сложил оставшиеся святые мощи в доме Господнем и так основал церкви по всей округе, воздвиг престолы и поставил священников, причем все обратились от всего сердца, добровольно, и преуспевали в постах, молитвах и страхе Божьем. А когда пост в определенный день завершился, блаженнейший, взяв войско и самого царя, царицу Асихену и великую юницу Кусародукту вместе с остальным великими людьми, с восходом солнца спускается к берегу реки Евфрата и крестил всех их вместе во имя отца Отца, Сына и Святого Духа.	И събравше града того народъ, и научивъ я слово Господне, и наченъ церкви творити, уготови а до 30 днѣй алкати, дондеже зданіе съвершится святаѣ церкви; такожде же и всѣхъ округниихъ мѣстехъ създати церкви повелѣ. Кончанѣ же бывши церкви въ 30 днѣй, и постави в ней жрътвеникъ; и поимъ царя и вся мужа его и жену его Асихину и сестру его Косородукту, иде къ Ефрату и креста ту вся въ имя Отца и Сына и Святаго Духа.	И повелѣ крестити ся. И епископъ же <u>корсуньскый с попы цесарицины, огласивъ и, и крести Володимѣра</u>. И яко возложи руку на нь, и абѣ прозрѣ. Видив же се Володимеръ напрасное исцѣление и прослави Бога, рекъ: «То первое увидѣхъ Бога истиннаго». Си же увидивше <u>дружина</u> его, мнози крестися... <u>По крещении же приведе цесарицу на обручение</u>.
Крещение людей в реке		
Когда же люди и царь спустились в воды реки Евфрата, Бог явил страшное и необычайное знамение: ведь воды, став на этом месте, омертвели, и	Егда крещахуся, пречюдна дѣла бѣху отъ Господа: влѣзшемъ же в воду имъ, струя рѣчная абѣ стаа, и святое еже помазаніе и масло никаможе разливагася	<u>По сем же Володимеръ посла послы своя по всему граду, глаголя: «Аще не обрящется кто завтра на рѣцѣ, богатъ ли, убогъ, или нищъ, или работенъ —</u>

мощнейший свет, явившись наподобие световидного стопа, стал над водами реки, а над столпом – Господне знамение. И столь сильно он сиял, что даже скрывал и затмевал солнечные лучи, а вылитый святым Григорием в реку огласительный елей разлился повсюду на крещаемых. Все же, дивясь этому, вознесли песнопения во славу Божию. И к вечеру знамение стало невидимым, а они вернулись в городок. 149. А крещенных в этот день было больше пятнадцати мириад человек, вместе с царским войском. Итак, выйдя оттуда с ликованием, белыми одеяниями, псалмами, духовными песнями, свечами и светильниками с большим весельем, просветившись, став равными ангелам, сподобившись евангельского усыновления и дыша ароматом благоухания Христова, они поднялись во Владычный дом. Тогда архиепископ, совершив словесное служение, причащает их таинствам Евхаристии, раздавая всем всесвятое Тело и честную, животворящую и живоносную	обдержашеся, и аки стлѣпъ безмѣрна свѣта надъ водами ста, и надъ тѣмъ столпомъ подобіе Владычня креста. Вечеру же пришедшу и вѣмъ во имя Господне крещенія сподобленомъ, възхитися отъ нихъ преславное то знаменіе и пристрашное, гакоже народу вѣровавшему славити Бога и съ хвалами влѣсти въ градъ; бяше бо числомъ вѣровавшихъ 15 000.	противникъ мнѣ да будетъ». И се слышавше, людье с радостью идяху, радующеся и глаголаху: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояри прияли». Наутрѣ же изииде Володимѣрь с попы цесарицины и корсуньскими на Днѣпрѣ, и снидесе бе-щисла людий. И влѣзоша въ воду и стояху ови до шеѣ, а другии до персий, младѣи же по перси от берега, друзии же младенци держаше, свѣршеніи же бродяху, поповѣ же, стояще, молитвы творяху. И бяше видити: радость велика на небеси и на земли, толико душъ спасаемых, а дьяволъ стенаше, глаголя: «Увы мнѣ, яко отсюду прогонимъ есмь! Здѣ бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть учения апостолскаа, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхуся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣждаемъ есмь от невѣгласа сего, а не от апостолъ и мученикъ, и ни имамъ уже царствовать во странах сихъ». Крестившим же ся людемъ, идоша кождо в дома своя. Володимѣрь же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже великій, створивый небо и
---	---	---

Кровь общего Спасителя Христа. Преподав им богодухновенных даров, он остановился там на семь дней ради духовного увещания. А в эти семь дней крестились из царского лагеря мужчины и женщины с детьми, более четырехсот мириад.		землю! Призри на новыя люди своя, вдаи же имъ, Господи, увѣдiti тебе, истеннаго Бога, якоже увидиша страны крестьяньскыя, и утверди у нихъ вѣру правую и несъвратну, мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣюся на тя и на твою державу, побѣждаю козни его».
Строительство церквей		
И он установил память принесенных им мучеников в день великого торжества так называемой процессии, которое прежде устраивалось ради почитания пустых изваяний от новолетия до начатков плодов и называлось [праздником] гостеприимных богов: его с ликованием совершали в этом месте с древнейших времен в день завершения года. И вот святой определил, в этот день собравшись вместе, праздновать день мучеников: Иоанна Крестителя и мученика Афиногена, в том селении Багаване, где блаженнейший, превратив в дело свое наставление, наполнил духовным вразумлением собравшихся и, пространнейше все разъяснив, всех сделал радостными.	Такое убо святому евангелію въ всей Арменстѣй земли даждь и до Мидь и Лаванъ святыимъ Григоріемъ и благодатию Христовою расширшуся, якоже и въ всѣхъ градахъ ему епископы и клиросъ поставити, еще же и монастыря постави.	<u>И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояше кумиры. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиры – Перунъ и прочии, идеже требы творяху князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и людие на крещение приводити по всемъ градом и селомъ.</u>

150. А после этого, выйдя во все пределы великой страны Армянской, он построил церкви во всех ее провинциях, областях и частях, в городах и городках, в селах, деревнях и усадьбах.		
Обучение детей церковным книгам		
151. И вот царь Тиридат приказывает своею властью по [всем] местам в пределах Армении от земель и областей привести множество юных детей, чтобы выучить их, приставив доверенных учителей. Особенно же он воспитывал род суверенных жрецов и, собрав их в надлежащих местах, приказал доставить все необходимое для их обучения, разделив учащихся на две группы, чтобы одних образовывать на сирийском наречии, а других – на греческом. Благодаря этому дикомысленные, небрежножительствовавшие и звероумные люди стали превращаться в знатоков пророков, исследователей апостолов и наследников евангельских речений. Ведь так, исследовав [с ними] все божественное предание, сделал он их причастными всему этому.	еще же к сему научь и древних жрец отроды и крещением о Господи сподобивъ, въ ученичествомъ чину поимъ.	<u>И, пославъ, нача поимати у нарочитой чади дѣти, и даяти на учение книжное. А матери же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, и еще бо ся бяху не утвѣрдилѣ вѣрою, но акы по мерѣтвѣцѣ плакахуся.</u>

Сравнение текстов показывает не только наличие общих сюжетов и мотивов (см. ниже), но и сходство всей структуры повествования: выезд правителя из столицы в другое место – прибытие посольства из Византии – крещение правителя и народа – строительство храмов – передача детей для обучения церковным книгам. И если крещение правителя и народа и строительства храмов можно считать топосами, то такие элементы этой структуры, как выезд правителя из столицы для крещения в другое место, прибытие посольства из Византии и передача детей для обучения церковным книгам, не позволяют говорить о случайном сходстве. Кроме того, ряд общих элементов находится в двух текстах в разных местах: чудесное исцеление правителя после обращения (в ИАА – перед его крещением, а в летописи – во время) и уничтожение идолов (в ИАА – до крещения правителя, а в летописи – после).

Сходство между текстами проявляется и в отдельных сюжетах. Прежде всего, это исцеление правителя благодаря обращению ко Христу: Тиридат за убийство свв. Рипсимиянок был превращен в кабана, но после покаяния исцелен свт. Григорием, а Владимир после взятия Корсуни разболелся глазами и исцелился только в купели крещения. Мотив божественного исцеления покаявшегося и/или обратившегося правителя известен и в ряде других текстов, из которых русский книжник мог быть знаком с «Сильвестровой легендой» об императоре Константине Великом, «Сказании об Авгаре» и, менее вероятно, с историей Бравлина в «Житии Стефана Сурожского» (о них см.: *Иванова*, 2008. С. 618; *Творогов*, 2008. С. 105–106, 111). Но в двух последних нет связи исцеления с крещением (тем более, совершенным рукой епископа). А вот к «Сильвестровой легенде» летописный сюжет даже ближе, чем к ИАА, потому что там Константин получает исцеление (от проказы¹¹) тоже во купели крещения, а не прежде (туда же может восходить мотив матерей, плачущих о своих детях как о мертвых). С другой стороны, ИАА и «Сильвестрову легенду» объединяет здесь мотив исцеления правителя, наказанного за гонения христиан, тогда как в истории Владимира казнь им варягов-христиан с поражением слепотой напрямую не связана. Однако летописный рассказ объединяет с ИАА один уникальный мотив – путь к исцелению правителя указывает царица (сестра Тиридата Кусародукта и невеста Владимира Анна, соответственно), что указывает на его заимствование из ИАА в летопись.

Общий для ИАА и летописи сюжет с поездкой правителя для крещения из своей столицы в другое место представляет собой скорее исключение в нарративах о крещении монарха: обычно он крестится в том городе, где правит. Мотивация здесь, конечно, несходна: Тиридат

¹¹ Как Владимир в «Житии особого состава»..

отправляется навстречу свт. Григорию, услышав о его приезде, тогда как Владимир отправляется из Киева в Корсунь для захвата этого города (хотя и после слов «То кде крещение приемь?»). Примечательно, однако, что в обоих случаях отъезд правителя не мотивирован: не объясняется ни то, почему Тиридат не принял Григория в Вагаршапате, а ждал его месяц в городке Багаван, ни то, зачем Владимир отправился завоевывать христианскую Корсунь, особенно после предыдущего рассказ о его решении принять крещение (не изъясняется эта причина и у Иакова Мниха), – ниже сам захват Корсуни станет условием крещения. В русском случае такой нарратив о крещении Владимира в Корсуни даже противоречит параллельным преданиям о его крещении в Киеве (как у Иакова Мниха) или Василеве, прямо упомянутым в летописи. Поэтому и в данном случае следует предполагать влияния сюжета ИАА на автора «Корсунской легенды».

С отъездом правителя в ИАА и летописи тесно связан сюжет с посольством из Византии. Подоплека его, опять же, различна: Тиридат отправил Григория в Кесарию Каппадокийскую для рукоположения епископы Армении, тогда как Владимир – посольство в Константинополь для того, чтобы получить в жены сестру императоров Анну. Впрочем, в ИАА тоже есть мотив сватовства некрещенного монарха к христианке: император Диоклетиан и царь Тиридат хотят жениться на Рипсимии из царского рода (гл. 59–89), что невозможно для них как нехристиан, – точно же, как и для Владимира в случае с Анной Багрянородной. Однако в обоих текстах посольство в Византию становится для крещения правителя *conditio sine qua non*: Тиридат не может креститься без прихода епископа, а Владимир не хочет принимать крещение до приезда Анны. Хотя посольства упоминаются в контексте других рассказов об обращении правителя (например, в легенде об Авгаре), такой зависимости крещения от посольства в них нет, что указывает на вероятное влияние ИАА на корсунскую историю летописи.

Наибольшие различия между ИАА и летописью заключаются в сюжетах с самим крещением. Свт. Григорий крестит сначала часть людей до встречи с Тиридатов и лишь затем – его самого, его приближенных и остальной народ. В летописи князь и дружина крестятся вначале, в Корсуни, а его подданные – позднее, в Киеве. Однако помимо того, что в обоих случаях оказываются описаны две сцены крещения, между ИАА и летописью здесь есть и ряд других сходжений. Во-первых, это крещение народа в реке – мотив редкий, причем в обоих случаях подчеркнуто, что таинство совершилось над всеми: в ИАА – благодаря разлившемуся по воде елею, а в летописи – при помощи множества священников. Во-вторых, это мотив чуда во время крещения: в ИАА

и воды остановились, и крестящегося царя и народ осенил столп света, а в летописи князь получил в купели свет своим очам.

Схоже и завершение рассказа о крещении – только в летописи здесь в начале еще добавлен рассказ о ниспровержении идолов, помещающийся в ИАА до сцен крещения. Сама же концовка истории крещения страны в обоих случаях состоит из рассказов об основании церквей и отдании для обучения церковным книгам детей: в ИАА это дети жрецов, а в летописи – «нарочитой чади».

Итак, сходство рассказов о крещении правителя и народа в ИАА и русской летописи несомненно, причем как в отношении общей композиции, так и в отдельных сюжетах и мотивах. Такого сходства с летописным рассказом о крещении не демонстрирует ни один другой историографический или агиографический текст – даже рассказ Иакова Мниха о тех же событиях отстоит типологически намного дальше. При этом возможно предполагать именно знакомство русского книжника с историей крещения Тиридата и армян, так как в доступном ему славянском переводе эпитомы ИАА есть все отмеченные нами элементы, кроме наставления (в летописи представляет собой переработку «Написания о правой вере» Михаила Синкелла), которое, впрочем, неоднократно встречается в ее тексте выше. Все это позволяет утверждать, что автор летописного рассказа о крещении Владимира и Руси ориентировался на эпитому ИАА как на типологически самую близкую модель описания крещения правителя и народа, беря при этом за основу, однако, лишь общую сюжетную канву, но не детали, которые у него ясно отражают русские реалии.

Однако на какой стадии формирования летописного рассказа такое влияние могло иметь место? Если крещальное чудо и рассказ о крещении киевлян были добавлены целиком только в «Начальном своде» 1090-х гг. (см. выше), тогда оно может относиться только к этому этапу. Если же рассказ о крещении князя и киевлян тогда был дополнен только агиографическими и гомилетическими элементами (см. выше), то можно было бы предположить такое влияние и на более раннем этапе «Свода 1060-х гг./1072». Но в таком случае исчезают очень важные общие мотивы исцеления обратившегося правителя и крещального чуда.

Решить эту проблему помогает один важный мотив. Н. И. Милютенко отметила мотив троекратного откладывания Владимиром крещения на протяжении всего рассказа о его обращении (*Милютенко, 2008. С. 260*), хотя не уточнила, о каких именно моментах идет речь: судя по всему, в конце беседы с Философом, после совещания с боярами и после письма Анастаса. Однако, кроме первого случая¹², Владимир прямо не

¹² «Он же рече: “Аще хощеша одесную стати, то крестися”. Вьлодимеръ же положи на сердци своем, рекъ: “Пожду еще мало”»

откладывает крещения, а после совета с боярами в ответ на их вопрос, где крестится князь, наоборот, едет для этого в Херсон, да и оформлены все эти эпизоды совершенно по-разному. Зато в корсунском рассказе четко прослеживается другой мотив – троекратного обета Владимира креститься, оформленного по одной и той же уникальной модели («се слышавъ Володимир рече»)¹³ и даваемого в одинаковых условиях – после обращения византийца: после письма Анастаса («Володимеръ же, се слыша, възрѣвъ на небо, и рече: «Аще ся сбудеть, се имамъ креститися»»), после письма императоров («сѣ слышавъ Володимѣръ и рече посланымъ от цесарю: «Глаголите цесарема тако, яко азъ кресцюся»») и после совета Анны («И си слышавъ, Володимеръ рече: «Аще се истина будет, поистѣнѣ великъ Богъ крестьянеськ». И повелѣ крестити ся»). Логично предположить, что этот сквозной мотив должен принадлежать одному слою повествования, а такое возможно только в том случае, если история болезни Владимира не была вставкой НС. Действительно, ее стиль мало похож на риторические вставки в историю крещения киевлян. Кроме того, сюжет с советом Анны и исцелением Владимира в купели находит подтверждения в ранних источниках: на прямое участие Анны в крещении Владимира указывает Титмар Мерзебургский, работавший до 1018 г., а рассказ о слепоте и прозрении русского князя в связи с крещением есть у Петра Дамиани, писавшего до 1072 г. (*Западноевропейские источники...*, 2010. С. 73, 91–92.). Связь брака с византийской принцессой и крещения Владимира подчеркивает Яхья Антиохийский, чья «Летопись» заканчивается на 1034 г. (*Розен*, 1883. С. 24)¹⁴, и Степанос Таронеци (Асохик), закончивший свою «Историю» в 1004–1005 гг. (*Всеобщая история...*, 1864. С. 200.). В таком случае вся основа рассказа о крещении Владимира и киевлян восходит к «Своду 1060-х гг./1072», составитель которого, очевидно, и подражал ИАА (где, в гл. 128–141, также имплицитно присутствует мотив промедления с крещением правителя, которое откладывается вначале до разрушения идолов, затем – до научения вере и, наконец, – до рукоположения Григория).

Такой тезис подтверждает и анализ предшествующего крещению летописного рассказа об обращении Владимира. Согласно А. А. Гиппиусу (*Гиппиус*, 2012. С. 55–56), посольство представителей разных религий (кроме иудейской) и испытание вер восходит еще в «Ядру» (Древнему сказанию), тогда как к добавлениям «Свода 1060-х гг./1072» относится посольство иудеев, ответы Владимира послам и добавлен диалог

¹³ В ПВЛ она встречается еще лишь раз, в беседе Владимира с Философом: «Си слышавъ, Володимеръ плюну на землю, рекъ: “Нечисто есть дѣло”»

¹⁴ Аналогичный рассказ приводится у Абу-Шуджи, умершего в 1095 г. (см.: *Восточные источники...*, 2009. С. 105–107).

с Философом, который затем дополнен подборкой цитат из пророков и богословской интерполяцией в «Начальном своде» 1090-х гг. Во-первых, при сравнении их материала с ИАА оказывается, что параллели в последней находит только материал «Свода 1060-х гг./1072», а именно диалог Владимира с Философом, который напоминает диалоги Тиридата со свт. Григорием (гл. 22–53). Во-вторых, выше мы уже отмечали, что та же формула «Се слышавъ рече», что и в корсунском рассказе, встречается именно в беседе с Философом, причем в ее первоначальном слое «Свода 1060-х гг./1072».

Таким образом, влияние эпитомы ИАА испытал весь материал «Свода 1060-х гг./1072», связанный с христианизацией Руси и ее правителя. Следы этого влияния обнаруживаются и в первом варианте беседы Владимира с Философом, и в корсунском рассказе, и в истории крещения киевлян.

Литература

- Агатангелос*. История Армении / Пер. с древнеарм. К. С. Тер-Давтяна и С. С. Аревшатяна. Ереван: Наири, 2004. 335 с.
- Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI–XII вв. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: ИРЛИ РАН, 1997. 543 с.
- Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 25–30. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883. 1393–2300 стб.
- Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин [Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том III]. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 251 с.
- Всеобщая история Степаноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. Н. Эмина. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1864. 335 с.
- Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко [Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том IV 4]. М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науки, 2010. 503 с.
- Иванова К.* Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. 721 с.
- Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / Науч. ред. Г. М. Прохоров [Библиотека христианской мысли. Исследования]. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 576 с.
- НПЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М. Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- La version grecque ancienne du livre Arménien d'Agathange / Ed. G. Lafontaine [Publications de l'institut orientaliste de Louvain. Tome 7]. Louvain-la-Neuve: Université catholique de Louvain, Institut orientaliste, 1973. 362 p.

- Введенский А. М.* Сюжеты о христианизации Руси в Повести временных лет и в составе Пролога. Дисс... канд. филол. наук. М., 2023. 194 с.
- Гиппиус А. А.* Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь. № 3 (33). М.: «Индрик», 2008. С. 20–23.
- Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Под ред. Н. А. Макарова. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 37–63.
- Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб.: Типография Академии Наук, 1883. 634 с.
- Сазанов А. В.* Когда же Владимир взял Корсунь? Споры о датах // Русский исторический сборник. Вып. 8. Средневековый Херсон X–XI вв. М.: ООО «Киммерийский центр», 2014. С. 63–231.
- Сазанов А. В.* Корсунский поход: исследование причин и событий // Русский исторический сборник. Вып. 8. Средневековый Херсон X–XI вв. М.: ООО «Киммерийский центр», 2014. С. 11–63.
- Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог. М: Альянс-Архео, 2008. 144 с.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., Типография М. А. Александрова, 1908. 687с.

A.Yu. Vinogradov

**THE BAPTISM OF THE RULER AND THE PEOPLE
IN THE “HISTORY OF ARMENIA” BY AGATHANGELOS
AND THE OLD RUSSIAN CHRONICLE**

Abstract: the author compares the descriptions of the baptism of the ruler and the people in the epitome of the “History of Armenia” by Agathangelos and in the Old Russian chronicle, which helps to explain some features of the chronicle narrative about the baptism of Vladimir and Rus’. This comparison shows that the epitome influenced the chronicle in the stories of Vladimir’s conversion and baptism, created according to A. A. Gippius, by the compiler of the “Compilation of the 1060s” (= “Compilation of 1072”): he wrote scenes of the embassy of the Jews, Vladimir’s answers to the ambassadors, his dialogue with the Philosopher, the Korsun’ history and the baptism of the Kievans, which were supplemented with a selection of theological, homiletic and hagiographic fragments in the “Initial Compilation” of the 1090s. The comparison reveals a number of parallels both in the structure of the narrative (departure of the ruler from the capital to another place – arrival of the embassy from Byzantium – baptism of the ruler and the people – construction of churches – instruction of children in ecclesiastical books), and in individual details, including the unique ones (departure for baptism from the capital, connection of baptism with an embassy from Byzantium, baptism in the river, instruction of noble children in ecclesiastical literacy). The fact that Vladimir’s dialogue with the Philosopher resembles Tiridates’ dialogues with St. Gregory confirms that the epitome influenced the “Compilation of the 1060s” in all the plot concerning the Christianization of Russia and its ruler.

Keywords: Old Rus, Armenia, chronicles, chronicles, Initial code

А. А. Евдокимова

АКЦЕНТУАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСИ ИЗ ЦЕРКВИ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В ЦАЛЕНДЖИХЕ

Резюме: грузинско-греческую надпись XIV в. из церкви в Цаленджихе (Мегрелия) анализировали с разных аспектов, в том числе, как подпись художника, расписавшего фресками часть храма. В данной статье анализируется акцентуация греческой надписи и ее орфография в сравнении с другими надписями из Грузии, изданными в корпусе Каухчишвили. Среди прочих были зафиксированы элементы александрийской системы акцентуации, например, ударение на первом элементе дифтонга, выделение знаком логического ударения значимых слов, некоторая путаница в знаках ударения или придыхания, предпочтение “η” в ситуациях итацизма и в некоторых словах зависимость взаимозамены “ο” и “ω” от ударения. Таким образом, полученные данные показывают, что автор мог быть как носителем понтийского диалекта, поскольку похожие явления как в акцентуации, так и в орфографии с достаточной частотностью встречаются в других надписях корпуса, так и приехавшим из Константинополя греком, по всей вероятности происходившем из Северной Греции.

Ключевые слова: византийский греческий язык, системы акцентуации, Цаленджиха, греческие надписи, диакритические знаки, надписи Грузии, фресковые надписи

Как мы показали в нашей прошлой статье (Евдокимова, 2022б) даже в одинаковых текстах из одного региона, являющихся цитатами из литургических книг, может отличаться не только орфография, но и акцентуация. При этом ряд надписей из одного региона могут содержать характерные сочетания элементов разных систем акцентуации, что позволяет нам учитывать акцентуацию при характеристике особенностей диалекта византийского греческого языка (Евдокимова, 2009; 2022а; 2023). С этой точки зрения, анализ акцентуации греческой надписи из церкви Христа Спасителя в Цаленджихе представляет интерес, в том числе для определения происхождения автора надписи по косвенным признакам.

Многие работы искусствоведов (Такайшвили, 1913–1914. С. 209; Толмачевская, 1931. С. 19–20; Амиранашвили, 1950. С. 281–283; Lordkipanidze, 1977. Р. 1–16; Belting, 1979. Р. 103–114; Лазарев, 1986. С. 226–227. Табл. 534–542; Lidova, 2017. Р. 101. Fig. 10; и т.п.)

представляют анализ фресковой живописи цаленджихской церкви, расписанной при князе Одиши Вамехе (Леване) Дадиани (1384–1396) и его жене Нестан-Дареджан¹, на что указывают греческая и грузинская надписи на лицевых сторонах юго-западного и северо-западного столбов. Исследователи в своих работах описывают особенности стиля как приглашенного для росписи из Константинополя грека *кира* Мануила Евгеника, так и, возможно, его учеников, местных грузинских мастеров Махаребеля Квабалия, Андроника Габисулава и др. Нас же привлекает уже описанная ранее с несколькими вариантами прочтения греческая надпись (*Brosset*, 1850. Р. 16; *Помяловский* 1881. С. 50–51, № 93; Г. С. Дестунис (см.: *Помяловский*, 1881. С. 50–51); *Belting*, 1979. Р. 105; *Kalopissi-Verti*, 1994. Р. 147, no. 11; *Kaukhchishvili*, 1999. Р. 94–95, no. 52).

Особенностью ее более ранних изданий является тот факт, что исследователей в большей степени интересовало содержание текста, а не его акцентуация или особенности его орфографии. Д. П. Гордеев, кратко описавший росписи Цаленджихской церкви, (*Гордеев*, 1923. С. 90), указал на чтение М. Броссе, изданное в 1850 г. (*Brosset*, 1850. Р. 16). У И. В. Помяловского (*Помяловский*, 1881. С. 50, № 93) ссылка на М. Броссе (*Brosset*, 1850. Р. 16) и текст такой же, то есть первое слово понимается, как глагол “ἐλέησον”, однако он ссылается на Г. С. Дестуниса и приводит его чтение, где тот предлагает читать, как и впоследствии Т. Каухчишвили “δέησις”. Однако, в обоих чтениях и И. В. Помяловского и Г. С. Дестуниса в третьей строке “οτήσαντος”. Однако, эта форма не засвидетельствована согласно РН17 в других надписях в таком контексте. Х. Белтинг (*Belting* 1979, Р. 105) и исследователи после (*Kalopissi-Verti*, 1994. Р. 147, no. 11, *Kaukhchishvili*, 1999. S. 94–95, no. 52) предлагают там читать “στορησαντος”, как вариант от “ιστορησαντος” (т.е. расписавший).

В варианте чтения у С. Калописи-Верти (*Kalopissi-Verti*, 1994. Р. 147, no. 11), надпись приводится в оригинальной орфографии в тех частях текста, которые сохранились, однако передача акцентных знаков у нее унифицирована согласно правилам греческих грамматик, описывающих византийскую систему акцентуации.

Сравнение фотографии, хранящейся в архиве Dumbarton Oaks с фотографией из статьи М. А. Лидовой, снятой автором в 2017 г. и фотографией 2018 г., размещенной в интернете Дэвисом Клевинышом (<https://www.flickr.com/photos/davisklavins/53208834922/in/photostream/>) показало, что сохранность надписи не изменилась, поэтому в своем анализе будем ориентироваться на фотографию, сделанную М. А. Лидовой.

Согласно описанию Т. Каухчишвили (*Kaukhchishvili*, 1999. S. 94, no. 51), высота надписи составляет 117 см, ширина – 65 см, она имеет

¹ Вамех Дадиани I и его жена Нестан-Дареджан погребены в западной части этой церкви.

15 строк, повреждена с правой стороны. Длина букв обычно составляет 5½ см, ширина: Ν, Ο, Ε, Θ – 2½ см, Ω – 4½ см.

Чтение (Рис. 1).

Орфография и акцентуация сохранены как в тексте:

[δ]εῆσις τοῦ δοῦλου τοῦ θ(ε)οῦ καὶ | |
 ἁμαρτολου μανουῆ λ τοῦ ἐυγε[νι] | |
 κοῦ του ζογρ'αφου του στ[ορήσαν] | |
 τος τον ναῶν ἐτοῦτ[ον καὶ] | |
 ε'λθῶντος ἀπε τη[ν κωνσταν] | |
 τηνόπολην: ἡγ[ουν ..μο] | |
 ναχοῦς ἔστηλε | | |
 του κο'σμου ἐ[νεκεν ἄρχων] | |
 βάμεκ ὀνόματι τῶν[δε μοναχῶν] | |
 τα ονόματα τάυτα κο[παλιάς] | |
 ὁ μαχαρεβελης κε ἀν[δρόνι] | |
 κος ὁ καπισουλὰς κε [ἀναγινώσκων] | |
 τη'ν γραφήν τάυτην ἀς ἔϋξ[ηταὶ] | |
 μο'υ του ἁμαρτολοῦ κ[αὶ πάν] | |
 των τῶν χρῶστηαν[ῶν, ἀμήν]

Разночтения

в строке 2: у В. εγ[ενη] стр. 105

в строке 6: у В. ἡγ[ουν β' μο]

в строке 7: у В. [αυτους αυτουι]

в строке 8: «ἐ[νεκεν ἄρχων]» у К-V, ἔ[νεκα ὁ] у К., у В. ἔ[νεκα ὁ ἀρχων]

в строке 9: τῶν[δε μοναχῶν] у К. и у К-V.

в строке 12: «κε [ἀναγινώσκων]» у В. и у К-V., К. ссылаясь на В. сомневается, что уместится, т.к. там 15 см. и предлагает [βλέπων]

в строке 13: «ἀς εὐ[ξηταὶ] | |» у К-V / ἀσεύε[σαι] у К. и у В.: ἀσευ[ξεται ὑπὲρ]

в строке 14: В. «[καὶ ὑπὲρ πάν]των».

Гравис сдвинут налево и оказывается на первом элементе дифтонга “καὶ”. А в предыдущем существительном “θ(ε)οῦ” циркумфлекс сдвинут вправо и попадает на пробел после слова. Легкое придыхание вместо густого в “ἁμαρτολου”, в этом же слове “ο” вместо “ω” в предударной позиции в обеих строках в 2 и в 14. Также на первом элементе дифтонга придыхание, которое сдвинуто влево, мы видим в “ἐυγε[νι]κοῦ”. В “ζογράφου” акут сдвинут влево и попадает на согласный “ρο”, а в предударном слоге “ο” вместо “ω”. Над последними двумя буквами в слове “ναῶν” стоит знак сокращения, который также можно интерпретировать, как логическое ударение, при этом вместо

“ο” под ударением “ω”. Придыхание и циркумфлекс сдвинуты вправо и попадают на пробелы между гласной и согласной: “ἐλθῶντος”. Отдельно интересно использование предлога “ἀπε” с “ε” вместо “αι” в ударном слоге (согласно словарю Дворецкого, для предлога “ἀπό” есть вариант “ἀπαί”, который он нашел у Гесиода). В “ἡγουν” знак акута большой, а легкое придыхание смещено влево и оно такое маленькое, что можно решить, что его почти нет: Циркумфлекс в “[μο]ναχοῦς” вместо акута. В “ἔστηλε” придыхание чуть смещено влево и попадает на левый край гласной буквы, и в заударном слоге “ἦ” вместо “εἰ”. Густое придыхание вместо легкого в “ὀνόματι” и “ἦ” вместо “ι” в заударном слоге. Акут сдвинут влево на первую часть дифтонга “ταυτη”. И придыхание, и акут сдвинуты влево и попадают на первый элемент дифтонга в глаголе “ἔυξι[ηται]”. В “χρῶσθ[αν]ων” трема над юпсилоном между двух согласных, и замена “ι” на “ἦ” в предударном слоге перед гласной. Таким образом, в большинстве случаев, если дифтонг не заменен на соответствующий ему после монофтонгизации гласный, то ударения написаны со сдвигом влево на первый элемент дифтонга. Что соответствует как александрийской системе акцентуации, элементы которой характерны для греческих надписей из Грузии, так и ситуации самоспеллинга писца. При этом предпочтение “ἦ” вместо йоты или дифтонга “εἰ” в безударном положении также указывает нам на диалектную особенность. А существующие в некоторых словах взаимозамены “ο” и “ω” явно зависят от ударения, под ударением отдается предпочтение “ω”, а без “ο”.

Анализ орфографических особенностей такого же плана в других греческих надписях из Грузии показал, что использование “ἦ” вместо йоты или других букв и сочетаний, которые в результате процесса итацизма стали читаться как [i], довольно частотны. Чаше встречаются без ударения, но иногда и под ударением или вместо “ε” под ударением. Последнее можно объяснить тем, что, возможно, у писавших было понимание, что “ἦ” когда-то обозначала долгий гласный звук, поэтому ставили ее вместо других букв под ударением, чтобы подчеркнуть удлинение гласного в этой позиции при произношении. В сравнении с другими регионами (Евдокимова, 2008. С. 88–89) выясняется, что предпочтение “ἦ” вместо “ι” характерно для граффити из Каппадокии и Константинополя, а без ударения и для граффити из Киева. В отношении предпочтения “ω” под ударением вместо “ο”, и “ο” вместо “ω” без ударения это характерно не для надписей из Константинополя, а скорее из Киева, Каппадокии и других регионов, где были носители других языков (Евдокимова, 2008. С. 71–79). Возможно, это связано с тем, как они учили греческий и что им рассказывали об этих буквах их греческие учителя.

Анализ других примеров акцентуации из корпуса Т. Каухчишвили (*Kaukhchishvili*, 1999; 2002) дал следующие результаты. Авторы части надписей также в случаях постановки ударения над дифтонгами, ставят его над первым элементом (*Евдокимова* 2009; 2022а), в ряде надписей тоже трема стоит над “υ” между двумя согласными (например: *Kaukhchishvili*, 1999. S. 84). Придыхание часто оказывается над вторыми гласными из двух идущих подряд внутри слова (см.: *Евдокимова*, 2009. С. 165). Элементы логической системы акцентуации встречаются и в Грузии (ср.: *Kaukhchishvili*, 1999. S. 90 – логическое ударение над именем Мария), что также характерно и для надписей Северной Греции (например, примеры на фотографиях в: *Mutsopulu*, 1977) и других регионов.

Таким образом, по совокупности данных, автором этой надписи мог быть как носитель понтийского диалекта, так и грек, происходивший не из Константинополя, а, скорее, из Северной Греции или работавший в тех артелях долгое время. По орфографическим данным он мог бы быть и из Каппадокии или быть носителем каппадокийского диалекта, но на данном этапе исследования не хватает данных по акцентуации надписей соответствующего периода в этом регионе, а исследованные содержат из выделенных признаков только смещение ударения и/или придыхания на первый элемент дифтонга. Возможно, это мог быть и сам Мануил Евгений, тогда полученные данные описывают его идиолект и указывают на происхождение его родителей.

Литература

- Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. Том I. М.: «Искусство», 1950. 526 с.
- Амиранашвили. Ш. Я.* Убиси. Материалы по истории грузинской стенной живописи. Тифлис: Глав. упр. науч. учреждениями Наркомпроса ССР Грузии .1929. 104 л.
- Гордеев Д. П.* Отчет о командировке в Ахалцихский уезд в 1917 году: росписи в Чуле, Сапаре и Зарзме // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Том I. Л.: Изд-во АН СССР, 1923. 95 с.
- Евдокимова А. А.* Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 455 с.
- Евдокимова А. А.* Акцентуированные греческие надписи в Грузии: византийская или александрийская системы акцентуации или влияние понтийского диалекта? // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. М.: Тезаурус, 2009. С. 39–43.
- Евдокимова А. А.* Системы акцентуации в византийских надписях на фресках богородичных церквей Троодоса (Кипр) // XIV Международный Византийский Семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы научной конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022а. С. 83–92.

- Евдокимова А. А. Системы акцентуации в греческих надписях с повторяющимся текстом в Грузии и других регионах Византии // *ByzantinoCaucasica*. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022б. С. 41–53.
- Евдокимова А. А. Системы акцентуации в византийских греческих надписях из Италии // XV Международный византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы научной конференции, Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 97–110.
- Лазарев В. Н. История византийской живописи. М.: «Искусство», 1986. 329 с.
- Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. 94 с.
- Такайшвили Е. Археологическое путешествие по Самегрело // Дзвели Сакартвело, III. Тифлис: 1913–1914. 209 с. (на груз. яз.).
- Толмачевская Н. И. Фрески древней Грузии. Тифлис: Госиздат Грузии, 1931. 54 с.
- Belting H. Le peintre Manuel Eugenikos de Constantinople, en Géorgie // *Cahiers Archeologiques*. 28. 1979. P. 103–114.
- Brosset M. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. II. St-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1851. 1012 p.
- Kalopissi-Verti S. Painters in Late Byzantine Society. The Evidence of Church Inscriptions // *Cahiers archéologiques*. 42. 1994. P. 139–158.
- Kaukhchischvili T. Korpus der griechischen Inschriften in Georgien 1. Tbilisi: Logos, 1999. 442 s. (на груз. яз.).
- Kaukhchischvili T. Korpus der griechischen Inschriften in Georgien 2–3. Tbilisi: Logos, 2002. 440 s. (на груз. яз.).
- Lidova M. Manifestations of Authorship Artists' signatures in Byzantium // *Venezia Arti*. Vol. 26. Dicembre, 2017. p. 89–106. (https://edizionicafoscari.unive.it/media/pdf/article/venezia-arti/2017/26/art-10.14277-2385-2720-VA-26-17-6_uWnadlM.pdf, Дата доступа: 28.10.2023).
- Lordkipanidze I. La peinture de Tsalendjkha. Le Peintre Cyr Manuel Eugenikos // *IIe Symposium International sur l'Art Georgien*. Tbilisi: Mecniereba, 1977. P. 1–16 (на груз. яз.).
- Μουτσόπουλου Ν. Κ. Συμβολή στη μορφολογία της ελληνικής γραφής. Λεύκωμα βυζαντινών και μεταβυζαντινών επιγραφών. Θεσσαλονίκη: Εργαστήριο Αρχιτεκτονικής Μορφολογίας, 1977. 303 σ.
- Velmans T. Le décor de l'église de Calendzikh. Quelques schémas rares ... // *Cahiers Archéologiques*. 36. 1988. P. 137–160.

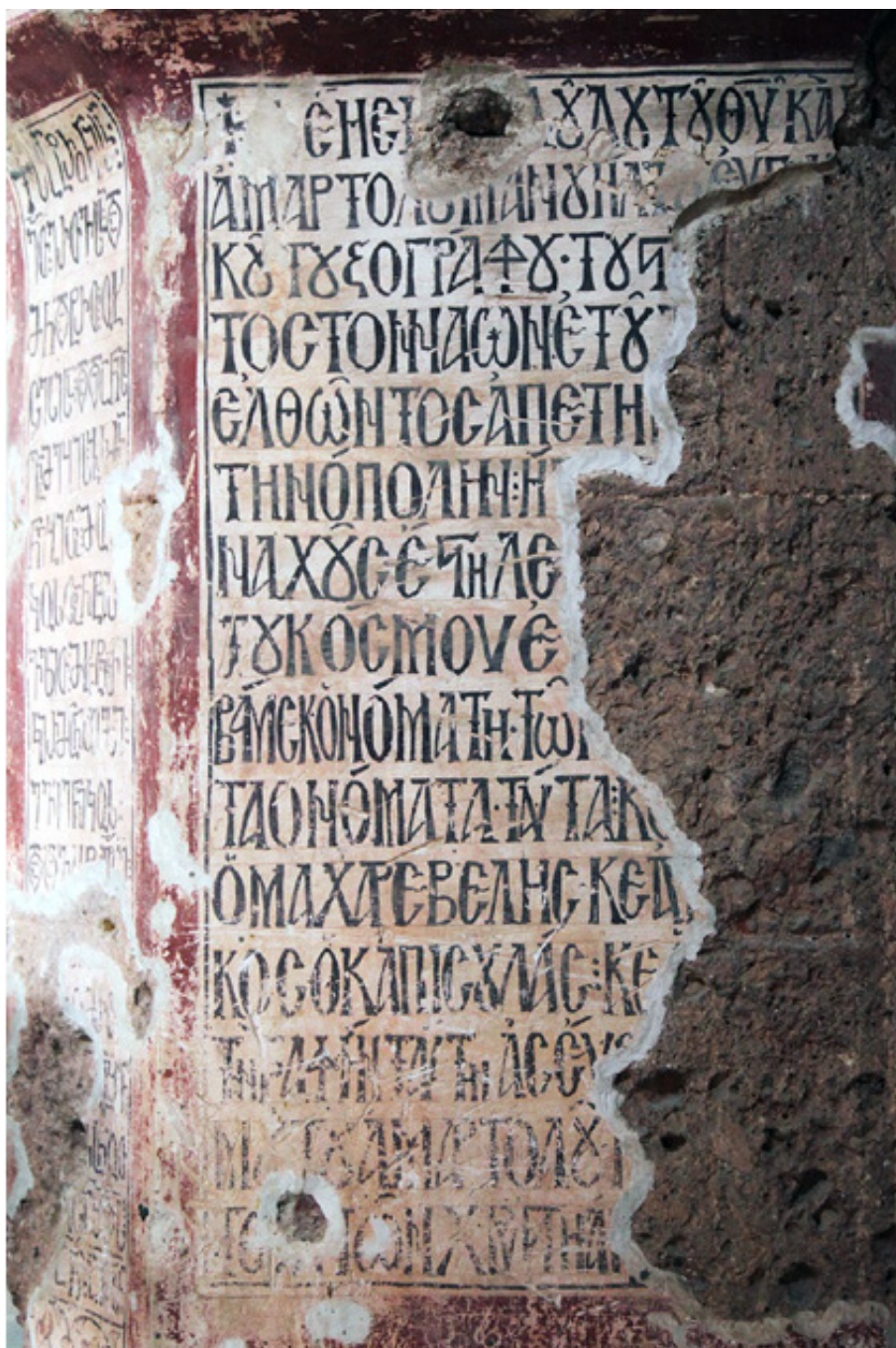

Рис. 1. Греческая надпись из церкви Христа Спасителя в Цаленджихе (фото М. А. Лидовой).

A. A. Evdokimova

**THE ACCENTUATION AND OF GREEK INSCRIPTIONS
FROM THE CHURCH OF CHRIST
THE SAVIOR IN TSALENJIKHA**

Abstract: The Georgian-Greek inscription of the 14th century from the church in Tsalenjikha (Megrelia) was analyzed from various aspects, including the signature of the artist who painted a part of the church frescoes. This article analyzes the accentuation of the Greek inscription and its orthography in comparison with other inscriptions from Georgia published in the *Kaukhchishvili* corpus. Among others, the elements of the Alexandrian accentuation system were recorded, for example, stress on the first element of the diphthong, highlighting significant words with a logical stress by long circumflex sign, some confusion in stress or aspiration marks, a preference for “η” in situations of itacism, and in some words the dependence of the interchange of “ο” and “ω” from the place of accent. Thus, the data obtained show that the author could be either a native speaker of the Pontic dialect, since similar phenomena in both accentuation and spelling are found with sufficient frequency in other inscriptions of the corpus, and a Greek who came from Constantinople, most likely originated from Northern Greece.

Keywords: Byzantine Greek language, accentuation systems, Tsalendjikha, Greek inscriptions, diacritic signs, inscriptions in Georgia, inscriptions on frescoes

Д. А. Косоуров

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ «АЛ-ХАЛИДИАТА» ЯХЪИ АНТИОХИЙСКОГО И ЕГО ВЛАДЕТЕЛЯХ¹

Резюме: рассматривается вопрос о локализации упомянутой в арабской «Летописи» Яхъи Антиохийского области «ал-Халидиат» и идентификации её владетелей, двух неких «патрикиев, сыновей Баграта», принявших вместе с Давидом III Куропалатом участие в неудачном восстании Варды Фоки Младшего (987–989). «Сыновья Баграта» упоминаются также в армянской «Всеобщей истории» Степаноса Таронеци (Асохика) как племянники основателя монастыря Ивилона Иоанна-Торникия. Этот факт позволяет использовать для решения вопроса колофон рукописи Athon. Iber. 9, написанный Иоанном-Торникием, и идентифицировать «сыновей Баграта» как патрикиев Чортванела и Баграта. Их владение, область «ал-Халидиат», за счёт другого сообщения Яхъи Антиохийского о том, что ранее ей управлял Варда Скир, судя по всему, может быть локализовано на юге фемы Халдия, однако это предположение гипотетично.

Ключевые слова: Византийская империя, Давид III Куропалат, Ивирон, Тао-Кларджети, фема Халдия, Яхъя Антиохийский

Загадочные «два сына Баграта, патрикия, владетеля ал-Халидиата», поддержавшие вместе с Давидом III Куропалатом в 988 г. восстание Варды Фоки Младшего против императора Василия II (976–1025), упоминаются лишь в двух письменных текстах: в армянской «Всеобщей истории» Степаноса Таронеци (Асохика) (*Step'anos Tarōnes'i*, 2017. Р. 288–290) и арабской «Летописи» Яхъи Антиохийского (*Яхъя*, 1883. С. 24, 27). В исследовательской литературе до сегодняшнего дня остается популярной точка зрения переводчика и комментатора «Летописи» Яхъи Антиохийского В. Р. Розена об отождествлении «сыновей Баграта» с бывшими владетелями Тарона братьями Григорием и Багратом, перешедшими на византийскую службу в 967 г. (*Яхъя*, 1883. С. 80; *Honigmann*, 1935. S. 149, 155; *Степаненко*, 1999. С. 140–143)². Между

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022–2023 гг.

² Эта точка зрения кратко критиковалась Н. Г. Адонцем и К. Н. Юзбашьяном (*Adontz*, 1938. Р. 161–163; *Юзбашьян*, 1988. С. 137–138).

тем, нахождение этих лиц в близком окружении Давида Куропалата и упоминание Асохиком, что они были «племянниками монаха Торника», позволяет прибегнуть для их идентификации к колофонам рукописей Иверского монастыря на Афоне. Эти документы содержат подробную информацию о семьях наиболее известных деятелей Тао-Кларджети второй половины X в., также сыгравших заметную роль в грузинской монастырской колонизации Афона. Наибольшую ценность здесь представляет информация из колофона рукописи Athon. Iber. 9, написанной полководцем и основателем Ивилона Иоанном-Торником (*Lefort*, 1985. Р. 8–10), так как, судя по данным Асохики, «сыновья Баграта» происходили именно из его семьи. Сопоставление данных колофона № 9 с сочинениями Асохики и Яхьи Антиохийского, на наш взгляд, должно прояснить до сих пор существующую в научной литературе путаницу.

Обратимся теперь к сведениям трех вышеназванных источников, проанализировав имеющиеся данные как о семье Торника, так и о Таронитах.

Асохик: Сыновья последнего князя Тарона, Ашота III (940–967) Григорий и Баграт в 976 г. присоединились к начавшемуся восстанию Варды Склира и «навели ужас» на войско императора Василия II (*Step'anos Tarōnec'i*, 2017. Р. 243).

Асохик: После гибели Варды Фоки Младшего в 989 г. восстание против императора Василия II продолжили его сторонники, среди которых оставался магистр Чортванел, племянник по брату монаха Торника, заседавший в областях Держана и Тарона. Василий II отправил против него патрикия Иоанна Халда, который дал два сражения, во втором из которых убил Чортванела «на равнине Багарича» в Держане в 990 г., тем самым окончательно подавив восстание (*Step'anos Tarōnec'i*, 2017. Р. 289–290).

Асохик: Магистр Григорий Таронит погиб в македонском городе Верия во время болгарского похода императора Василия II в 991 г.³ (*Step'anos Tarōnec'i*, 2017. Р. 296–297).

Асохик: Племянник по брату монаха Торника, патрикий Чортванел, попал в плен к «египтянам» во время сражения при Амамеи против Фатимидского халифата в «988» г.⁴ (*Step'anos Tarōnec'i*, 2017. Р. 299–300).

Асохик: Во время осады марванидского Хлата армией Давида Куропалата в 998 г. погиб магистр Баграт, племянник по брату монаха Торника⁵ (*Step'anos Tarōnec'i*, 2017. Р. 302–303).

³ В исследовательской литературе, тем не менее, датой его гибели считается 995 или 996 г. (*Holmes*, 2005. Р. 403–404).

⁴ Как показал К. Н. Юзбашян, правильной датой этого события является 998 г. (*Юзбашян*, 1988. С. 138).

⁵ При этом в оригинале рукописи вместо «племянник» указано «сын», то есть сын монаха

Яхья Антиохийский: Император Василий II отправил магистра Таронита морем в Трапезунд во время восстания Варды Фоки Младшего (988 г.). Варда Фока Младший через своего сына Никифора попросил помощи у Давида Куропалата, и тот отправил тысячу всадников против Таронита. В этом же походе участвовали «оба сына Баграта, патрикии, владельцы ал-Халидиата», которые также отправились вместе с тысячей всадников в поход против Таронита и разбили его. Узнав о взятии Василием II Хрисополя, «раб Давида грузинского со своими людьми и также оба сына Баграта» вернулись к себе, объяснив свое отступление Варде Фоке тем, что они уже исполнили его просьбу и разбили Таронита (*Яхья*, 1883. С. 24).

Яхья Антиохийский: На четырнадцатый год своего правления (≈ 990 г.), император Василий II, в гневе за помощь грузин Варде Фоке Малдшему, отправил против Давида Куропалата и двух сыновей Баграта, владельцев ал-Халидиата, войско патрикия Джак-руса (= Иоанна Халда). Джак-рус убил старшего из сыновей Баграта и сослал младшего (*Яхья*, 1883. С. 27).

Колофон № 9 из рукописей Ивилона (979–984 гг.): «Торник имел братьями Иоанна Варазваче и уже умерших Баграта, Ариушая и Абухарба. Племянники Торника: сыновья Варазваче (Михаил, Чортванел зоравар, Чоролоди и Торник), а также Чортванел патрикий, Баграт патрикий и уже умерший Баграт магистр» (*Lefort*, 1985. Р. 9).

При сопоставлении трех источников мы получаем следующую картину. Сыновья Ашота III Таронского, Григорий и Баграт, в 976 г. поддерживали восстание Варды Склира против императора Василия II и приняли активное участие в военных действиях (*Асохик*). Тем не менее, в 988 г. магистр Таронит (судя по всему, Григорий, исходя из дальнейшей судьбы) уже на стороне императора Василия II воевал с мятежниками Варды Фоки Младшего. Против Таронита, по просьбе Варды Фоки Младшего, были отправлены тысяча всадников Давида Куропалата и тысяча всадников «двух сыновей Баграта, патрикиев, владельцев ал-Халидиата», которые побеждают Таронита (*Яхья*). После гибели Варды Фоки Младшего в 989 г., в 990 г., император Василий II мстит Давиду Куропалату и отправляет против него и «сыновей Баграта» в Дерджан и Тарон (*Асохик*) войско патрикия Иоанна Халда («Джак-руса» *Яхьи*). Иоанн Халд убил одного брата, магистра Чортванела, племянника по брату монаха Торника (*Асохик*) и сослал другого брата (*Яхья*).

По «Всеобщей истории» Асохика, при сопоставлении ее текста с данными ивирского колофона мы можем попытаться реконструировать судьбы большинства членов семьи Иоанна-Торника. Прежде всего, следует закрыть вопрос с отождествлением «двух сыновей Баграта» с Таронитами, Григорием и Багратом, как это предлагал В. Р. Розен

Торника, что неверно, так как по данным Ивирских колофонов у Торника не было детей.

(Яхъя, 1883. С. 80). Историк зацепился за факт отождествления ал-Халидиата с Тароном, так как по сведениям Яхьи Антиохийского сначала «*владельцем ал-Халидиата*» являлся Варда Склир, а Григорий и Баграт, по данным Асохика, поддержали восстание Склира, а также были «*настоящими*» «*владельцами ал-Халидиата*», будучи сыновьями Ашота III Таронского. Явно спутало В. Р. Розена и то, что Яхья Антиохийский назвал «сыновей Баграта» патрикиями, то есть историк, зная, что Григорий и Баграт получили должности патрикиев за сдачу Тарона византийскому императору Никифору II Фоке в 966/7 г., во многом именно на этом основании посчитал их «*сыновьями Баграта*» арабоязычной «Летописи». Тем не менее, выглядит крайне нелогичным, что эти самые «*сыновья Баграта*» в 988 г. воевали с Таронитом, то есть, следуя точке зрения В. Р. Розена, Григорий и Баграт должны были воевать сами против себя (если принять его гипотезу, что «*сыновья Баграта*» – это патрикии Григорий и Баграт Тарониты).

Вернемся теперь к отождествлению родственников Торника по колофону № 9 Ивилона с данными Асохика и Яхьи Антиохийского. Зная имя одного из убитых Иоанном Халдом братьев, магистра Чортванела (Асохик), на этом основании мы можем предположить, что вторым братом был патрикий Баграт, так как по состоянию даже на 979–984 гг. еще один из братьев, магистр Баграт, был уже мертв. Интересно, что, по сравнению с данными колофона 979–984 гг., изменяется титулатура братьев, и Чортванел, будучи патрикием по состоянию на 979–984 гг., к 990 г. уже стал магистром (по сведениям Асохика), что свидетельствует о стремительном карьерном росте Чортванела на византийской службе всего за несколько лет. Аналогична ситуация и с его братом, патрикием Баграмом: можно предположить, что сведения о его дальнейшей судьбе также имеются у Асохика, и идентифицировать его с магистром Баграмом, погибшим при штурме Хлата войском Давидом Куропалата в 998 г.

По тексту Асохика известен еще один патрикий Чортванел, который попал в плен к египтянам в 998 г. в сражении, где погиб византийский военачальник Дамиан Далассин. Исходя из хронологических данных (другой Чортванел, магистр, был убит Иоанном Халдом в 990 г.) и наличия определенной связи между патрикиями Чортванелом и Баграмом ивирского колофона, мы можем предположить, что этот Чортванел, попавший в плен, отождествляется с Чортванелом зораваром из колофона, то есть сыном Иоанна Варазваче и еще одним племянником Торника по брату, в чем прав Асохик. Более этого, армянский писатель, очень вероятно, располагал сведениями и о дальнейшей судьбе этого зоравара Чортванела: по данным «Всеобщей истории», внук Абухарба Чортванел был одним из таойских азнауров, погибших в 1001 г. во время столкновения с русским отрядом императора Василия II (*Step'anos Tarōnec'i*, 2017. Р. 308–309).

Дополнительным аргументом к отождествлению «*двух сыновей Баграта*» с патрикием Чортванелом и патрикием Багратом является фрагмент из Мученичества Евгения Трапезундского (BHG 612), которое датируется XIV в. Согласно ему, военачальнику Панкратию, участвовавшему в мятеже Варды Фоки Младшего вместе со своим братом Цурбанелом, поступил приказ мятежника атаковать Трапезунд. Жители города молились своему покровителю, св. мученику Евгению, и он явился Панкратию, отговорив того осаждать Трапезунд и вовсе отказаться от поддержки мятежа (Rosenqvist, 1996. Р. 252–254). Сопоставление данных «Жития» с последующими событиями в судьбе братьев дополнительно иллюстрирует факт того, что «уверовавший» Баграт сохранил себе жизнь, тогда как его брат, Чортванел, погиб от рук официальных византийских властей по итогам мятежа. В любом случае, сведения этого агиографического источника служат дополнительным аргументом для отождествления «*сыновей Баграта*» именно с патрикиями Чортванелом и Багратом из семьи Иоанна-Торника.

Гораздо более сложным выглядит вопрос с локализацией ал-Халидиата, «*владельцами*» которого согласно «Летописи» Яхьи Антиохийского являлись «*сыновья Баграта*». Ключевой «точкой отсчета» вокруг которой следует строить локализацию этой местности должно быть еще одно сообщение арабоязычного писателя о том, что правителем ал-Халидиата также был Варда Склир, получивший эту должность от императора Василия II в 976 г. (Яхья, 1883. С. 1). Грузинские историки Н. Ю. Ломоури и М. Д. Лордкипанидзе локализовали этот топоним на территории бывшего Таронского княжества (Ломоури, 1957. С. 38; Лордкипанидзе, 1988. С. 330). Как показал К. Н. Юзбашян, вряд ли верна идентификация Н. Г. Адонца, который предлагал отождествлять ал-Халидиат с территорией Халтой Арича, полученной Давидом III за помощь императору Василию II против Варды Склира в 978 г., и которая якобы, по мнению Н. Г. Адонца, была отдана Давидом III семье Торника (Юзбашян, 1988. С. 137). Сомнительно, что Варда Склир получил в управление столь маленькую территорию, и к тому же Яхья Антиохийский сообщает, что помимо аль-Халидиата Склир стал правителем и области Ханзит, который, по мнению В. Зайбта, более явно локализуется как район фемы Месопотамия на Евфрате (Seibt, 1976. S. 36). Серьезным аргументом против отождествления аль-Халидиата с Халтой Аричем является и административная структура самой территории, в которой находилась только одна крепость, которой, если следовать Н. Г. Адонцу должны были владеть два правителя (причем оба носящие высокое звание патрикиев), что также крайне сомнительно. Кроме того, судя по данным Аристахэса Ластивертци, крепость Халтой

Арич мог получить полководец Давида Куропалата, Ферс (*Аристакэс*, 1968. С. 65–66). Версия же самого В. Зайбта о локализации ал-Халидиата в местности Калудия в контексте нападения Склира на расположенную неподалеку Малатью (*Seibt*, 1976. S. 36), кажется нам маловероятной в связи уже с контекстом истории самих «сыновей Баграта», которые вряд ли могли получить в управление территорию, находящуюся крайне далеко на запад от самого Тао.

Наиболее логичным кажется отождествление ал-Халидиата с фемой Халдия⁶. Во-первых, она была расположена недалеко от фемы Месопотамия (района Ханзита в случае Варды Склира), а во-вторых, также географически близка Тао и приобретенным Давидом III Куропалатом землям (*Step'anos Tarōnec'i*, 2017. P. 244). Предположительно, Чортванел и Баграт могли быть турмархами южной Халдии – пограничной области вблизи владений Давида III. Дополнительным свидетельством в пользу этого является факт убийства Чортванела Иоанном Халдом в округе Дерджана⁷ – не решившись атаковать столицу фемы, Трапезунд, братья поспешили обратно в свои владения на юг, где вскоре на них и напал императорский карательный отряд.

Тем не менее, версия отождествления ал-Халидиата с Халдией также не лишена проблем. Прежде всего, территория этой фемы никогда до этого не принадлежала картвелам, в связи с чем не совсем понятно назначение родственников Торникия именно в этой области. Еще больший вопрос, в случае идентификации «сыновей Баграта» как турмархов Халдии, вызывает их «мотивация» в участии в мятеже Варды Фоки Младшего. Позиция Давида III Куропалата здесь выглядит более ясной: дружба с Вардой Фокой Младшим⁸ и стремление превратить пожизненное владение «новыми землями» (полученными от Византии после 978 г.) в наследственное (конфликт с наследником Багратом III еще не произошел), тогда как мотивы Чортванела и Баграта никак не прояснены из-за отсутствия письменных свидетельств. В этой связи следовало бы искать отождествление ал-Халидиата с «новыми землями» из владений Давида III (братья также могли стремиться к получению наследственных прав), однако, подобно ситуации с Халтой Аричем, как мы постарались показать выше, эта версия имеет еще больше недостатков. В любом случае, факт предоставления «сыновьями Баграта» военной

⁶Такую же локализацию предлагал и К. Н. Юзбашян, ограничившись, правда, указаниями на текст Яхьи Антиохийского (*Юзбашян*, 1988. С. 137).

⁷Область к западу от Феодосополя (*Hewsen*, 2001. P. 125). Аналогичный путь отсюда на север, к Трапезунду, братья совершили согласно «Житию Евгения Трапезундского» (*Rosenqvist*, 1996. P. 252).

⁸Иоанн Скилица сообщает, что Давид III подружился с Вардой Фокой Младшим, когда тот был как раз дукой Халдии (*Ioannis Skylitzes*, 1973. P. 326.85–86).

помощи Варде Фоке Младшему равной по возможностям самому Давиду Куропалату (*тысяча всадников*), позволяет судить об их сильной заинтересованности в успехе мятежа. Таким образом, в виду отсутствия более сильных контраргументов и крайней скудости имеющейся информации из источников, мы осторожно отождествляем ал-Халидиат с фемой Халдия, ограничивая владения «сыновей Баграта» пограничной с землями Давида III Куропалата южной Халдией. Дополнительным аргументом здесь также может служить факт строительства двух храмов с явными элементами таойской архитектуры Давида III в Варзахане близ Пайперта (совр. Байбурт), то есть в южной части фемы Халдия, во второй половине X в. (Виноградов, 2020. С. 388).

Подводя основной итог вышесказанному, мы отождествляем «сыновей Баграта» Яхьи Антиохийского как патрикия Чортванела и патрикия Баграта из колофона рукописи Athon. Iber. 9. Ал-Халидиат, которым владели братья, а до них принадлежал Варде Склиру, что явилось ключевым фактором при идентификации, локализуется нами в южной части фемы Халдия, на границе с «новыми землями» Давида III Куропалата, полученными от византийцев в 978 г.

Литература

- Аристакэс: Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци / пер. с древнеарм., вступ. ст., коммент. и прил. К. Н. Юзбашяна. М.: Наука, 1968. 190 с.
- Яхья: Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб.: Типография Академии наук, 1883. 447 с.
- Ioannis Skylitzes: Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Recensuerunt I. Thurn [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 5]. Berlin: De Gruyter, 1973. LVI, 580 p.
- Lefort: Actes d'Iviron I: Des origines au milieu du XIe siècle / Ed. dipl. par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, avec la collaboration d'H. Metreveli. Texte Paris: P. Lethielleux, 1985. 318 p.
- Rosenqvist: Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. Uppsala: University Press, 1996. 561 p.
- Step'anos Tarōnec'i: Greenwood T. The Universal History of Step'anos Tarōnec'i: Introduction, Translation, and Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2017. 358 p.
- Виноградов А. Ю. Архитектура на стыке культур: храмовый комплекс Варзахана близ Байбурта в свете новых находок // АДСВ. 2020. Том. 48. С. 368–407.
- Ломоури Н. Ю. К истории восстания Варды Склира // Труды Тбилисского государственного университета. 1957. Том 67. С. 29–47.
- Очерки истории Грузии (в 8-и томах). Том II. Грузия в IV–X веках / Ред.: М. Лордкипанидзе, Д. Мухелишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 580 с.
- Степаненко В. П. Чортванели, Торники и Тарониты в Византии (к вопросу о существовании т.н. тайкской ветви Торникянов) // АДСВ. 1999. Том 30. С. 130–148.

- Юзбашиян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. 304 с.
- Adontz N.* Tornik le moine // Byzantion. 1938. Vol. 13. No. 1. P. 143–164.
- Hewsen R. H.* Armenia: A Historical Atlas. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 341 p.
- Holmes C.* Basil II and the Governance of Empire (976–1025). Oxford: Oxford University Press, 2005. 640 p.
- Honigmann E.* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. 269 s.
- Seibt W.* Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigulographische Studie. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1976. 127 s.

D. A. Kosourov

**TOWARD THE QUESTIONS OF LOCALISATION
OF “AL-KHALIDIAT” IN YAHYA OF ANTIOCH
AND ITS RULERS**

Abstract: the article deals with the issue of localization of the area “al-Khalidiyat” mentioned in the Arabic “Annals” by Yahya of Antioch and identification of its rulers, two certain “patricians, sons of Bagrat”, who together with David III Kuropalates took part in the unsuccessful rebellion of Bardas Phokas the Younger (987–989). “Bagrat’s Sons” are also mentioned in the Armenian “Universal History” by Stepanos Taronetsi (Asoghik) as nephews of the founder of the Monastery of Iviron John Tornike. This fact allows us to use the colophon of the manuscript Athon. Iber. 9, written by John Tornike to solve the question and identify the “Bagrat’s Sonst” as patricians Chortvanel and Bagrat. Their possession called “al-Khalidiyat” as it seems from another report by Yahya of Antioch, formerly ruled by Bardas Skleros, appears to be localized in the south of the theme of Chaldia, but this assumption is hypothetical.

Keywords: Byzantine Empire, David III Kuropalates, Ivron Monastery, Tao-Klarjeti, Theme of Chaldia, Yahya of Antioch

В. С. Флёров

СТРОИТЕЛЬНЫЕ БЛОКИ И СПОСОБЫ ИХ УКЛАДКИ В ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЦИМЛЯНСКОЙ КРЕПОСТИ¹

Резюме: рассматривается проблема, названная в заголовке. Тема мало разработана и для других белокаменных крепостей Хазарского каганата, включая Хумаринскую. Используются результаты раскопок южной в 1987–1990 г. и восточной стен крепости в 2007–2010 г. Хорошо сохранились необработанные плиты основания крепостных стен. При том, что лежавших на них блоков сохранилось очень мало, получены интересные результаты. Предложены реконструкции кладок. Привлечены аналогии из крепостей Нижнего Дуная.

Ключевые слова: VIII–IX вв., Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, фортификация, крепости Правобережная Цимлянская и Хумаринская

Обращаясь к археологическому контексту Правобережной крепости в пределах салтово-маяцкой культуры, в первую очередь укажу на Хумаринскую крепость. Из всех каменных крепостей Хазарского каганата только в их фортификации использовались прямоугольные башни, а кладки блоков в стенах почти идентичны. По признаку «прямоугольные башни» к ним добавляется кирпичный Саркел. Таким образом данная публикация адресуется не только изучающим донскую, но и северокавказскую раннесредневековую фортификацию. В более широком смысле речь идет о проникновении в каганат особенностей византийских строительных технологий, к образцам которой обратимся ниже.

Стены Правобережной Цимлянской крепости (Рис. 1, 1, 5) сохранились в отличие от хумаринских, чрезвычайно плохо. С XVIII в., а возможно и с более ранних времен, блоки из стен растаскивали казаки. На месте остались немногие единичные. Не лучше сохранились плиты основания стен и башен, но они-то и позволили определять направление стен и очертания башен.

В данной статье использованы результаты моих раскопок на южном углу крепости и на ее восточной стене.

¹ Работа подготовлена в соответствии с Соглашением между Национальным Археологическим институтом с музеем Болгарской академии наук (НАИМ БАН) и Институтом археологии РАН о сотрудничестве от 03.04.2019 г.

Первая попытка реконструировать систему кладки блоков в стенах Правобережной крепости была предпринята для южной стены крепости на основе двух групп блоков, условно названных «кладка 2» и «кладка 3» (Флёров, 1994. С. 462, 494, 495. Рис. 3, 4). Наиболее информативной была «кладка 2». В ней, в нетронутом положении зафиксировано одиннадцать белых известняковых блоков, из которых *десять относятся к самому нижнему слою кладки, один – ко второму* (Рис. 2). Блоки заметно различаются по длине (от 73 до 120 см), менее вариабельна ширина (30–44 см), но зато достаточно стандартна высота (от 29 до 31 см).

Такое редкое скопление блоков дает возможность предложить реконструкцию первого слоя кладки с усредненными форматами блоков. Частично реконструирован и второй слой (Рис. 3, 5). Как и к любой реконструкции, к ней должно относиться критически, даже при том, что ей не противоречит на южной стене положение блоков в кладке 3. Как бы то ни было, облик кладки ведет к выводу: *в южной стене лицевые блоки нижнего слоя укладывались поперек стены, блоки второго лицевого слоя – вдоль стены*. Тем самым происходила перевязка швов между блоками в сопредельных слоях. Обратим внимание на то, что кладка лицевых рядов в каждом из слоев не соответствует регулярной системе «тычок-ложок», «биндер-лойфер» (binder-loifer).

Система кладки блоков в южной стене Правобережной крепости находит полную аналогию в крепости Хумара (Биджиев, 1983. Рис. 19) (Рис. 4, 1), хотя кладки разных участков стен и башен Хумары далеки от единообразия.

Аналогична кладка на двухметровом отрезке северо-западной стены Верхне-Ольшанской крепости на р. Тихая Сосна – притоке Среднего Дона (Флёров, Флёрова, 2012. С. 144, 145. Рис. 6, 7).

Такой же тип кладки нижнего слоя использован в крепостях Нижнего Дуная, в т. ч. на ряде участков крепости Сексагинта Приста (на территории г. Русе, Болгария) (Рис. 4, 2). Но здесь, в двух нижних рядах стен встречаются иные типы кладок.

В качестве примеров укажу на другие памятники Нижнего Дуная. Плиска, в которой блоки первого ряда в положении «торцом» к лицевой стороне известны, хотя не являются преобладающими (Антонова, Витлянов, 1985. С. 52. Обр. 15). Более яркий пример даёт Великий Преслав, в котором блоки нижнего слоя не только местами лежат «торцом», но и выдвинуты за лицевую плоскость, образуя своеобразную ступень (Гатев, 1985. С. 19. Обр. 8).

Лежащие «торцом» нижние блоки есть в праболгарской крепости Пъкуюл луй Соаре на острове в низовье Дуная, Северная Добруджа (территория Румынии). Кстати, толщина ее и стен Правобережной одинаковы – 4,20 м. (Кузев, 1981. С. 197)

* * *

Перейдем к блокам, сохранившимся от восточной стены Правобережной крепости в раскопе 7 – основному предмету рассмотрения. Здесь включительно по 2010 г. обнаружено 16 блоков разной сохранности, от целых до больших обломков, по которым можно было установить их положение в стене, – продольное или поперечное (Рис. 5). Что касается целых, то они до раскопок сохраняли форму, будучи, однако, уже растрескавшимися (Рис. 6: 1). После расчистки они распадались на множество кусков. Блок 4 был одним из двух, сохранившихся полностью, хотя и с поперечной трещиной (Рис. 6, 1, 2)². Целым оказался и вертикально вкопанный блок 3, о котором ниже.

Сначала о южной половине раскопа 7 на 2010 г., где вдоль внутренней лицевой стороны стены осталось шесть блоков. Из них рядом в кв. 6, 13 «тычком» лежали три блока (Рис. 5, 6). Один, в кв. 14, лежит вдоль стены, «ложком». Аналогичным могло быть положение еще двух блоков, которые с большой вероятностью реконструируются у внешней лицевой стороны стены юго-восточнее блоков 12-13 в кв. 5, впритык к блокам 12-13 (Рис. 6).

Реконструкция кладки блоков восточной стены. В северной половине раскопа (Рис. 5, 7) реконструкция строится на основе обломков двух блоков с общим номером 5, лежавших вдоль внутренней лицевой стороны стены в кв. 8. Положение блоков внутри стены реконструируется в том же квадрате по положению блока 4. Обе реконструкции достаточно вероятны.

Промежуточное заключение. На восточной крепостной стене в пределах раскопа 7 на 2010 г. часть лицевых блоков нижнего слоя лежат как в кладке 2 южной стены – поперек стены, «тычком», другие – вдоль стены, «ложком». Указать на преобладающее положение невозможно. Констатируем: *в кладке раскопанного участка восточной стены нет устойчивой системы, что и было отмечено выше для крепостей Хумара и Нижнего Дуная.*

* * *

Блоки в башне IV. От башни осталось немного. К моменту раскопок в 2007 г. около ее половины уже обрушилось в водохранилище. Из оставшегося особенно выразительна ее боковая северная стена (Рис. 5). С использованием в качестве образца размеров башни VI (Рис. 2) в 1994 г. была предложена первая реконструкция башни IV с размерами 8×8 м. Башня VI – самая южная на восточной стене крепости (Флёров,

² Хранится в коллекции муниципального музея г. Цимлянска вместе с подавляющим количеством находок из Правобережной Цимлянской крепости. Здесь же сохраняются как образцы отдельные обломки блоков. Часть находок передана в Гос. Исторический музей в Москве и музей г. Волгодонска Ростовской обл.

1994. С. 499. Рис. 2, 2; С. 494. Рис 3). Однако в эту предварительную реконструкцию не укладывался блок 2003 г. Его изолированное местоположение оставалось необъяснимым. Столь же непонятным было и положение блока 3, вкопанного вертикально среди плит основания стены в кв. 2 (см. ниже). В итоге возникла новая реконструкция очертаний башни, в которую оба указанных блока были включены. Учтено и то, что эта реконструкция более соответствует размерам башни IV на плане И. Сацыперова (Флёров, 1994. С. 492. Рис. 1, 1). По новой реконструкции ширина башни – 12 м. Вопрос о том, был ли в башне проезд, оставлен без ответа.

Особо о вертикально вкопанном блоке 3 (Рис. 8). Он уникален по расположению – вмонтирован на одном уровне с плитами основания башни IV и прилегающей куртины (кв. 2). Сечение блока – 42×38,5 см. Как глубоко он уходил вниз, неизвестно. Попытка извлечь его, не разрушая кладку соседних плит, не удалась. Блок был оставлен на месте, а к 2017 году береговой обрыв подошел к нему, и он обрушился одновременно с соседними плитами. О назначении блока судить трудно. Не исключено, что он помечал точку, чем-то необходимую строителям крепости. Предположение пока не имеет прямых доказательств. Остается надеяться на находку в будущем второго или нескольких блоков в аналогичном вкопанном положении.

Среди блоков заметно выделяются целый трапецевидный с овальным широким торцом и обломок, возможно, такого же (Рис. 3, 9, 10). Смог припомнить единственную аналогию в каганате – каменные блоки из облицовки колодца в Саркеле (Артамонов, 1958. 26. Рис. 8). Если так, то колодец был глубиной не менее 10 м – на этом уровне залегает верхний водоносный слой под крепостью³.

О реконструкциях строительных объектов по археологизированным материалам. Эту проблему я рассмотрел на примере плохо сохранившихся кладок Правобережного Цимлянского городища. Исходный материал для реконструкций был более чем невелик.

Совершенно очевидно, что реконструкцию кладки южной овальной стены крепости (Рис. 3, 5) следует воспринимать исключительно как идеальную схему. Так стена могла выглядеть только при условии того, что строительство производилось, во-первых, из стандартных по размерам и пропорциям блоков, во-вторых, профессиональными каменщиками. Действительность была иной. Размеры и пропорции блоков неустойчивы, часто они с перекосами. Особенно удивляет разнообразие в длине.

³ Вода из него истекает до настоящего времени. На уступе обрыва вокруг этого источника образовалась небольшая заросль камыша. Нижний водоносный слой со значительным дебетом залегает на метр выше зеркала Цимлянского водохранилища. Вода в обоих пластах без солей, пригодна для питья.

В установке их на места не заметно мастерства опытных строителей. Это хорошо отражено в группе блоков под условным названием «кладка 2».

На восточной стене даже такой концентрации блоков не оказалось. Для нее произведена частичная реконструкция по отдельным блокам. Но даже такая ограниченная реконструкция не несет в себе гарантии того, что несохранившиеся блоки лежали именно в таком положении.

Больше проблем возникло с реконструкцией *баши* IV. Реалистичнее выглядит новая реконструкция «по Сацыперову», так как она позволила объяснить положение блока 2003 г. и вертикально вкопанного блока 3.

Из полученного опыта прихожу к заключению: реконструкция – не более чем этап в исследованиях. Одному варианту реконструкции может быть противопоставлен другой.

Литература

- Антонова В., Витлянов Ст. Плиска. Западна крепостна стена – сектор Север (Археологически разкопки 1973–1975 г.) // Плиска-Преслав. Том 4. / Гл. ред. Димитр Ангелов. София: Издателство на БАН. С. 44–78.
- Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК. Вып. 131. Л.: ОГИЗ, 1935. 118 с.
- Артамонов М. И. Саркел–Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I / МИА № 62. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 7–84.
- Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1983. 168 с.
- Гатев П. Северната крепостна стена на Вътрешния град на Преслав по данни от разкопки (1973–1977) // Плиска-Преслав. Том 4. / Гл. ред. Дм. Ангелов. София: Издателство на БАН. С. 189–200.
- Кузев А. Островна крепост до Дръстър // Български средновековни градове и крепости, Т. I. Градове и крепости по Дунав и Черно море / Сост. А. Кузев, В. Гюзелев. Варна: «Георги Бакалов», 1981. С. 196–200.
- Плетнёва С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 271–397.
- Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 441–517.
- Флёров В. С., Флёрова В. Е. Верхне-Ольшанское городище: извлечение из Отчета о раскопках в 1991 году // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за атеріалами Міжнар. наукової конференції “ХVІ Слобожанські читання”. Харків: Видавець Савчук О. О. ОКЗ “Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини”, 2012. С. 90–95.

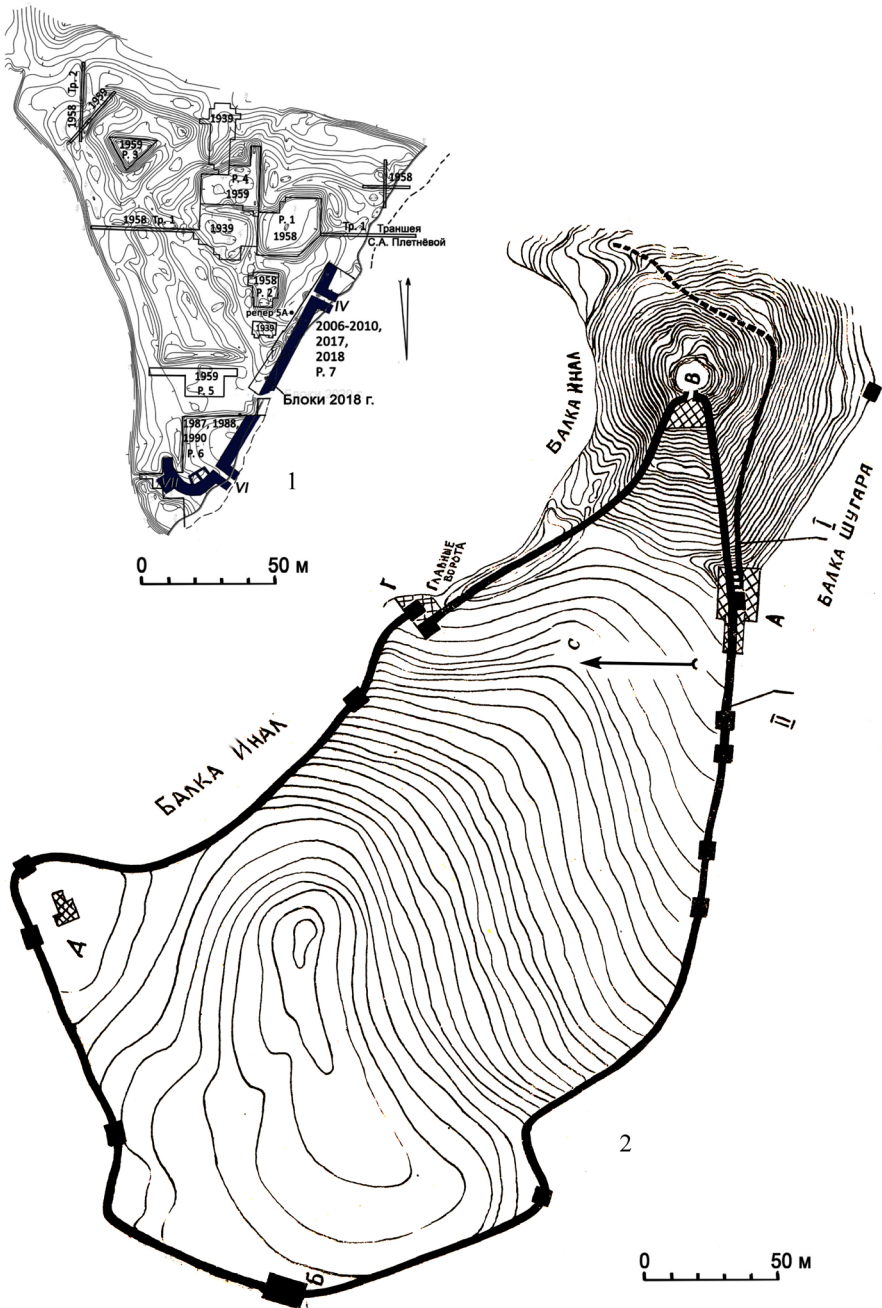

Рис. 1. Крепости Правобережная Цимлянская и Хумаринская:
 1 – Правобережная Цимлянская (синим тонированы южная и участок
 восточной стен с башнями), раскопки 1987–2020 гг.
 2 – Хумаринская (по: Биджиев, 1983. Рис. 1).

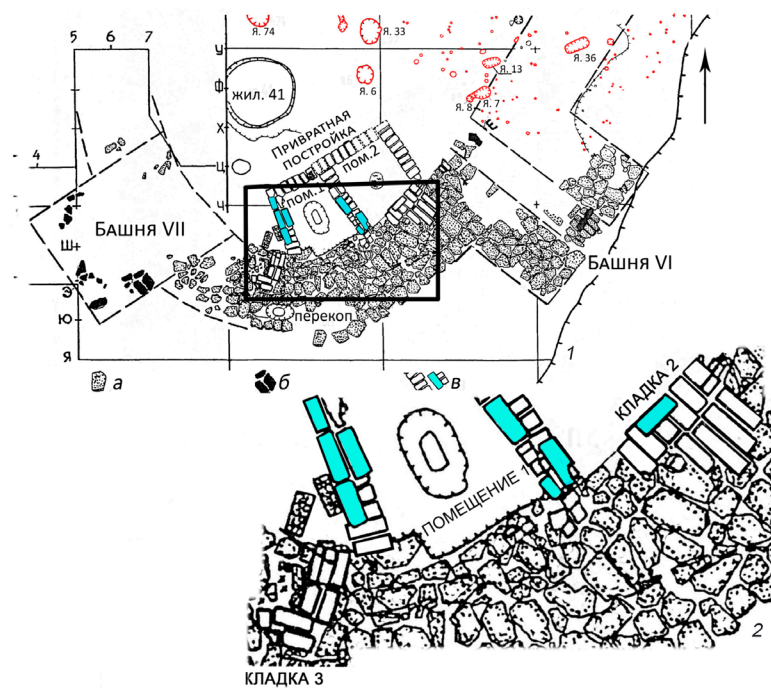

Рис. 2. Правобережная Цимлянская крепость: 1 – южный угол крепости; 2 – фрагмент плана с кладками 2 и 3 (блоки второго слоя кладки тонированы) 3 – помещение 1 двухкамерного строения, вид с запада. Условные обозначения: а – плиты основания стены, песчаник, ракушечник; б – плиты, черный сланец; в – блоки.

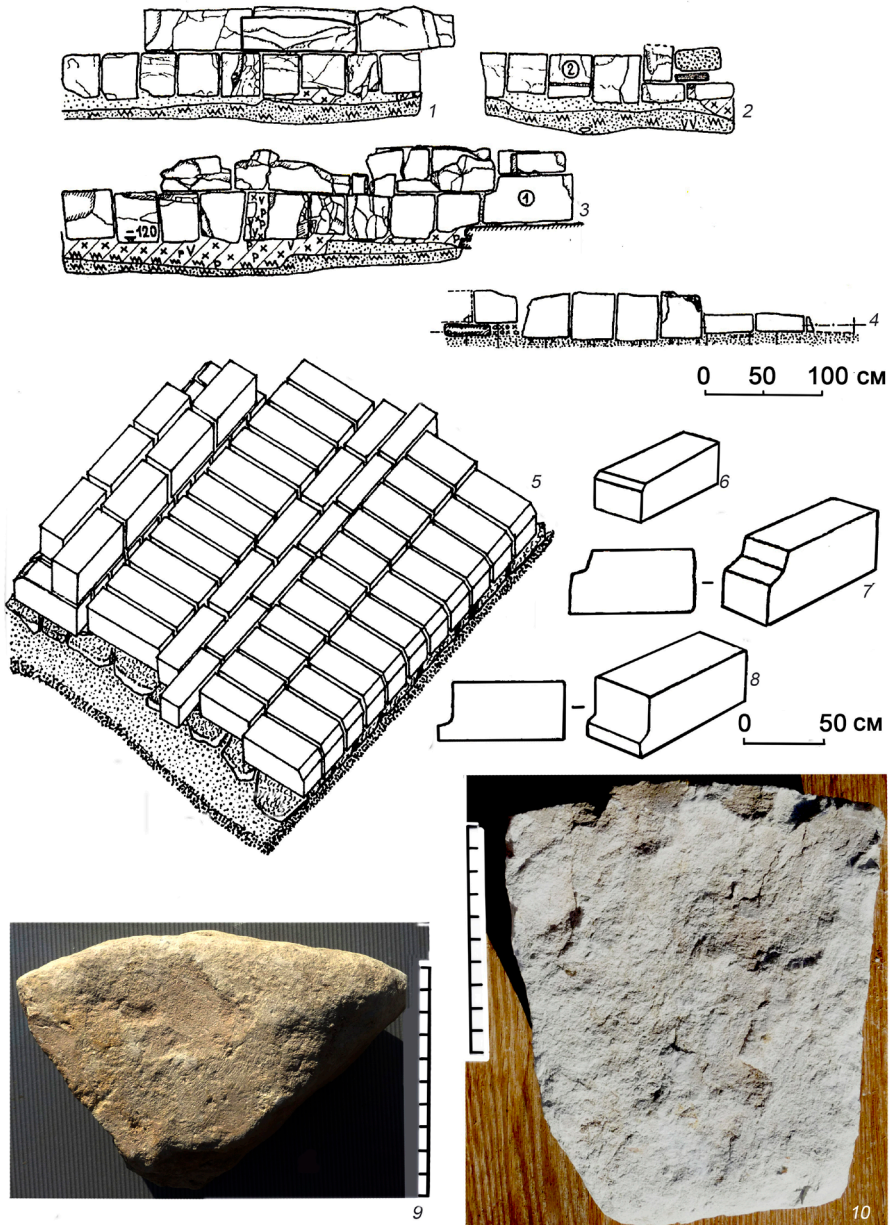

Рис. 3. Типы кладок двухкамерной постройки, южной стены и блоков Правобережной Цимлянской крепости:

- 1 – западный фас; 2 – внутренний фас северной стены в помещении 1;
 3 – западный фас внутренней стены помещения 1; 4 – восточный фас постройки;
 5 – реконструкция кладки южной крепостной стены;
 6–8 – типы блоков из двухкамерной постройки;
 9–10 – обломок блока и блок с восточной стороны крепости, раскопки 2017 г.

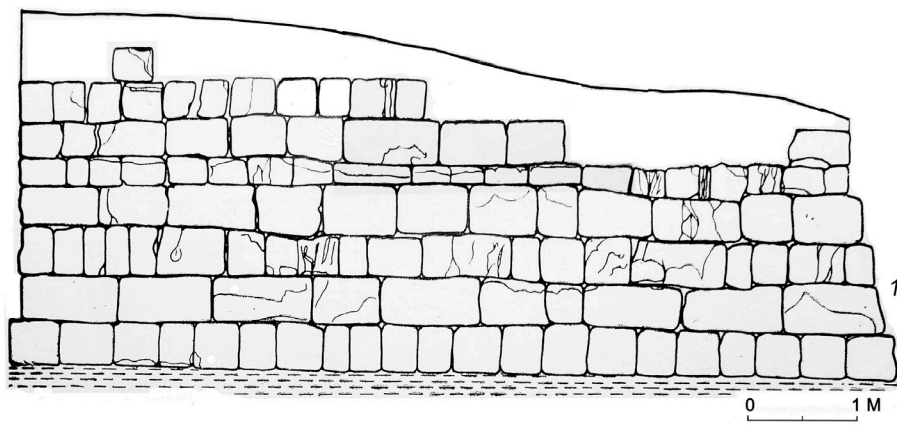

Рис. 4. Кладки в крепостях Хумара и Сексагинта Приста:
1 – внешний фас башни № 2 крепости Хумара (по: Биджиев, 1983. Рис. 19);
2 – стена в крепости Сексагинта Приста
(фото 2018 г. Е. Коматаровой-Балиновой и В.С. Флёрова).

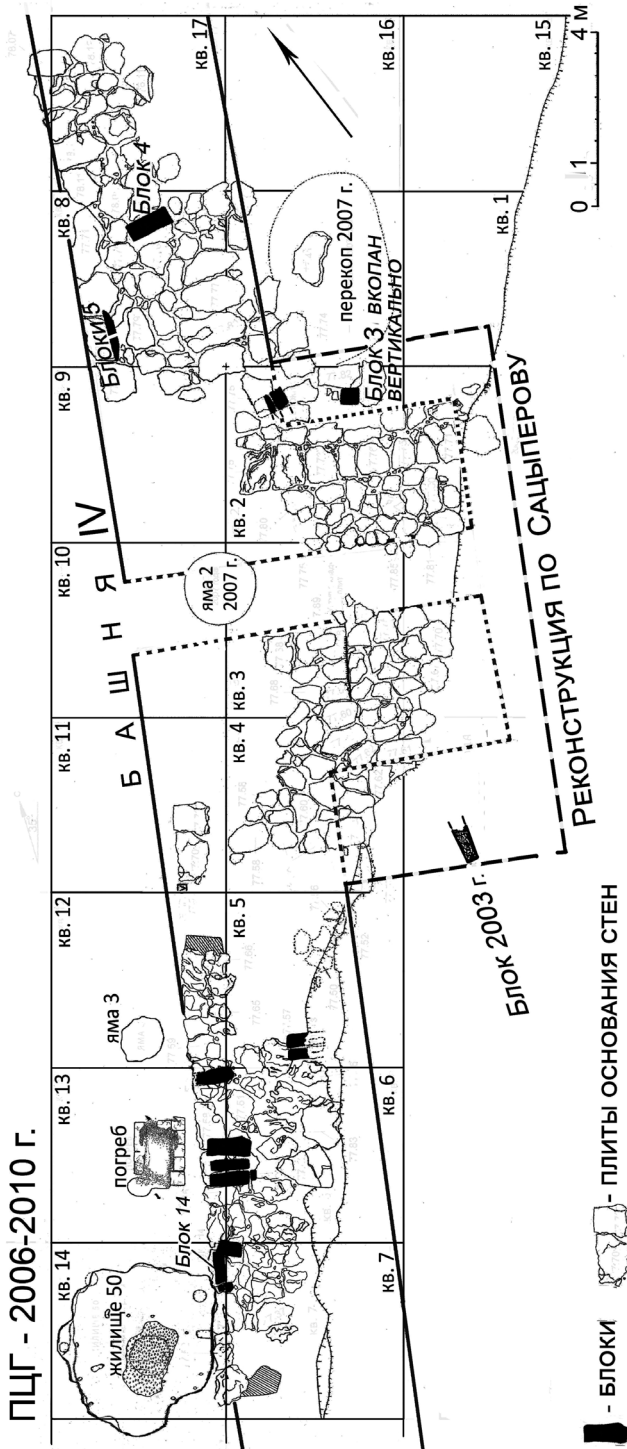

Рис. 5. Правобережная Цимлянская крепость. Восточная стена по раскопкам 2006–2010 г.

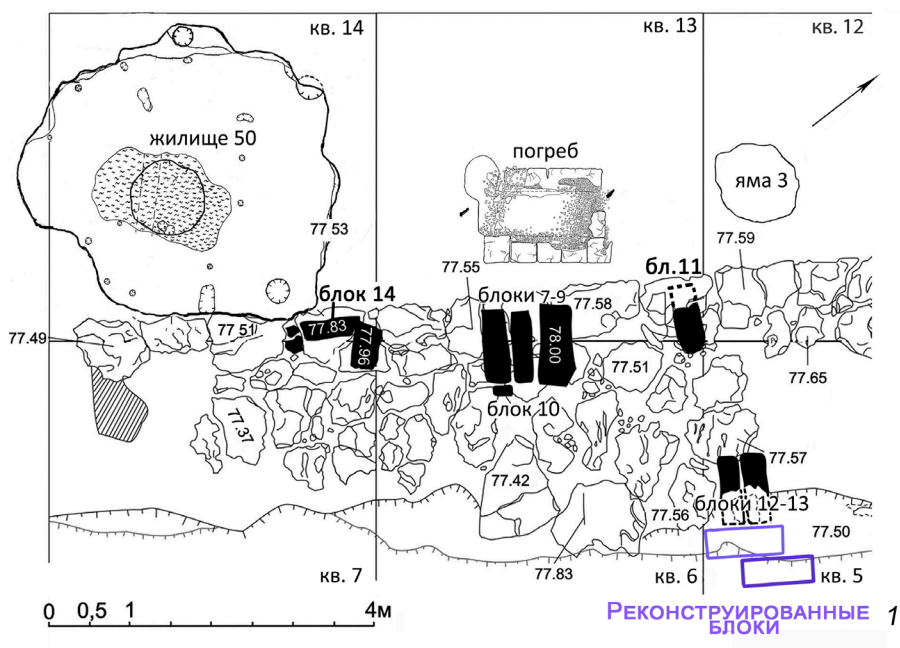

Рис. 6. Правобережная Цимлянская крепость:
1 – блоки в кв. 5-7, 12-14;
2 – слева блоки внутреннего фаса восточной стены крепости.

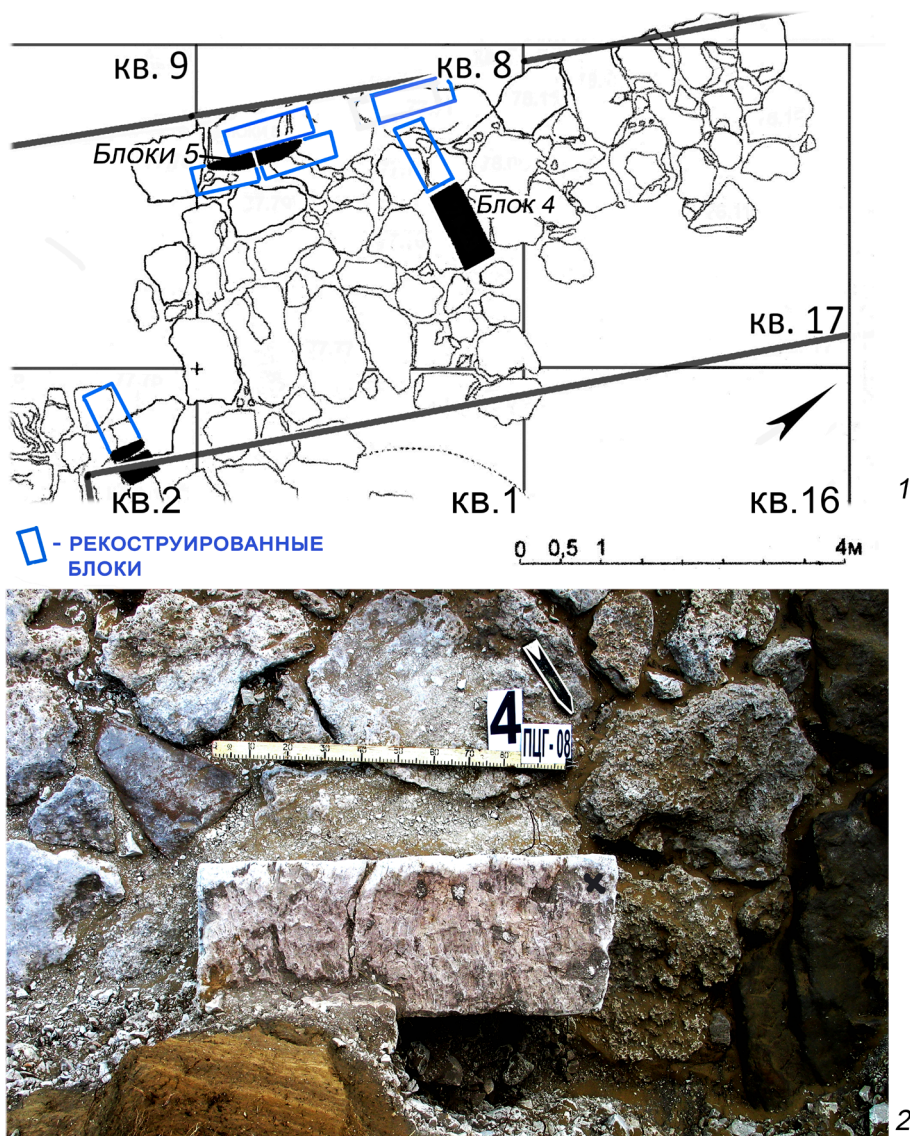

Рис. 7. Правобережная Цимлянская крепость. Раскопки 2007 г.:
 1 – реконструкция кладки блоков внутреннего фасада восточной стены;
 2 – блок 4 in situ в кв. 8, помечен крестиком (см.: Рис. 5).

Рис. 8. Блок 3 (указан стрелками) среди плит в основании башни IV, раскопки 2007, 2008 гг.

V. S. Flyorov

RIGHT-BANK TSIMLYANSKAYA FORTRESS: CONSTRUCTION OF MASONRY WALLS

Abstract: the article is dicated to an unexplored problem: the system of masonry blocks in the largest iimestone fortress in the river Don basin. The opic is poorly investigated for other lime-stone fortresses of the Khazar Khaganate. The article is based on the materials of excavations of the southern and Eastern walls of the Right-Bank fortress in 1987–1990 and 2007–2010 (Fig. 1). The raw slabs of the base of the fortress walls are well preserved. But there are very few blocks lying *in situ*, so the author was forced to resort to reconstructions. For the southern wall, an “idealized” reconstruction was performed in 1994. Careful reconstructions were made for Eastern wall (Fig. 5–7). A new reconstruction of tower IV is proposed by I. Satsiperov. Now The width of the tower reached 12 m. It includes block 2003 and block 3. It remains unclear whether there was a passage in the tower. The most “mysterious” block was dug vertically among the slabs. From the experience of reconstructions, the author came to the conclusion: reconstruction is nothing more than a research tool. One reconstruction option can be contrasted with another, examples of which are often found in publications.

Keywords: 8th–9th centuries, Khazar Khaganate, Saltovo-Mayak culture, fortification, Right-bank Tsimlyanskaya and Khumar fortresses

Е. Ю. Ендольцева, Н. И. Быстрицкий, Д. О. Дрыга
А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова

НИЖНЯЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОРЕ АНАКОПИЯ (г. НОВЫЙ АФОН, РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ): ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕКОРАЦИИ¹

Резюме: крепость на горе Анакопия имеет древнюю историю, в ней расположены две церкви: св. Феодора в цитадели и Нижняя. Обе в руинированном состоянии. С этой же горы происходит одна из самых богатых на территории Абхазии лапидарных коллекций. Ее изучением один из авторов этой статьи занимался с 2007 г. В ходе многолетних исследований удалось идентифицировать изображения на рельефах, датировать их и поставить в культурно-исторический контекст. В статье изложен заключительный этап: визуализация архитектурной декорации Нижней церкви, о церкви св. Феодора готовится отдельная статья.

Ключевые слова: архитектурная декорация, кресты, ортофотоплан, фотограмметрия, плетеный ленточный орнамент, алтарная преграда

В церкви св. Феодора, находящейся в цитадели крепости на горе Анакопия (г. Новый Афон. Республика Абхазия), хранилась одна из самых богатых и загадочных лапидарных коллекций (около 90 фрагментов каменной резьбы) на территории Абхазии. Когда мы приступили к работе с ней (2007 г.), датировка рельефов, происхождение орнаментальных схем, украшавших их, этапы истории, которые они могли бы отражать, и др. были неясны и не складывались в общую картину. С тех пор многое удалось объяснить, а главное – представить на фоне исторических событий и эстетических тенденций определенной эпохи, буквально по небольшим фрагментам реконструировать цельный образ. Некоторым результатам работы на последнем этапе этого процесса посвящена данная статья.

Помимо фрагментов архитектурной декорации, которые с 2016 г. хранятся в так называемом Музее Абхазского царства (Ендольцева, 2020. С. 32), на горе Анакопия из культовых зданий (т. е. христианских церквей) сохранились руины церкви св. Феодора и фундамент Нижней

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФ № 23-28-00648.

церкви. Работы по виртуальной реконструкции убранства церкви св. Феодора также закончены, их результаты планируется опубликовать в отдельной статье. Это исследование посвящено исключительно Нижней церкви, обстоятельствам и фактам, позволяющим выработать гипотезу относительно скульптурного убранства ее фасадов и малых форм (алтарная преграда, престол).

История исследования христианских памятников на горе Анакопия, а также основные выводы по датировке рельефов и соображения по поводу общекультурного контекста, к которому они могли бы принадлежать, подробным образом изложены в трех монографиях (Ендольцева, 2011; 2020. С. 32–187; Виноградов, Белецкий, 2015. С. 103–104, 110–124). Напомним основные вехи и тезисы.

Город-крепость на горе Анакопия и две христианские церкви в нем не раз привлекали внимание исследователей. Помимо упоминаний в записках графини П. С. Уваровой (Уварова, 1894. С. 7–34) и описаний, сделанных архимандритом Леонидом (Архимандрит Леонид, 1887), нужно упомянуть о В. В. Латышеве, который впервые прочитал надписи, сделанные на рельефах с горы Анакопия (Латышев, 1911. С. 169–198). Важным этапом в изучении истории Анакопии, ее крепостных сооружений и Нижней церкви стали археологические раскопки полевых сезонов 1957–1958 гг. под руководством известного абхазского археолога М. М. Трапша (Трапш, 1975. С. 88–149). Л. Г. Хрушкова (Хрушкова, 1980. С. 26–32) впервые опубликовала и проанализировала изображения на некоторых рельефах с горы Анакопия, однако, предложенные ею датировки подверглись существенной корректировке впоследствии. В коллективной монографии 2011 г. подробным образом рассматриваются различные аспекты истории христианских памятников на горе Анакопия (Ендольцева, 2011), отдельные главы посвящены храмовой архитектуре Анакопийской крепости (Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов), каменным рельефам (Е. Ю. Ендольцева), эпиграфике надписей (А. Ю. Виноградов) и иконографическим материалам древностей (старые фотографии и открытки) (А. С. Агумаа). В этом исследовании впервые был проведен комплексный анализ художественных особенностей рельефных изображений с использованием данных археологии, эпиграфики, выявлен исторический контекст. Опубликован каталог, в который вошли все 89 рельефов, обнаруженные на тот момент в алтаре церкви св. Феодора. В результате удалось показать, что каменные рельефы были выполнены скорее всего в период правления Константина IX Мономаха (который упомянут в надписи на одном из рельефов (Ендольцева, 2011. С. 115), когда в крепости находились византийцы. Относительно Нижнего или Малого крепостного храма Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов

согласились с мнением М. М. Трапша, который отнес его к X–XI вв. (Ендольцева, 2011. С. 23). Однако позже, в монографии, посвященной церковной архитектуре Абхазии в эпоху Абхазского царства, Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов скорректировали эту гипотезу в пользу X в. (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 104). В строительных работах в церкви св. Феодора, строительстве Нижней церкви и изготовлении рельефов они увидели следы активной строительной кампании царя Георгия II (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 165). На наш взгляд, аргументов для столь точной датировки недостаточно, однако стилистические и иконографические особенности рельефов ей не противоречат. Более убедительны все же, как кажется, свидетельства благоустройства, которое проводилось в крепости при византийцах (40 гг. XI вв.), поэтому будем считать, что рельефы и Нижняя церковь были выполнены между серединой X в. и серединой XI в. (Ендольцева, 2020. С. 38).

Напомним, что основные вехи истории крепости Анакопия можно реконструировать благодаря археологическим и эпиграфическим данным, которые дополняют летописные свидетельства (Ендольцева, 2020. С. 47–53).

Благодаря эпиграфическим данным выясняется (Ендольцева, 2011. С. 212–221), что церковь св. Феодора вместе с другими постройками комплекса внутри цитадели, возможно, была украшена при Константине IX Мономахе и освящена в честь св. Феодора в 1049 г. Наиболее серьезные археологические изыскания проводились на территории Анакопии под руководством М. М. Трапша в полевых сезонах 1957–1958 гг. Целью экспедиции было изучение оборонительных линий крепости. Исходя из особенностей кладки, ученый сделал вывод, что сооружение стен цитадели следует относить *«ко времени не ранее рубежа V–VI вв.»*. Исследователь отметил, что башни цитадели могли быть построены позднее, в VII–VIII вв. Это утверждение не уточняет датировку ее стен. При осмотре церкви св. Феодора в цитадели М. М. Трапш обнаружил ее неоднократные перестройки. Ученый согласился с мнением А. С. Башкирова, который считал, что основной объем храма был возведен до VIII в., а перестройку храма датировал XI–XII вв. При исследовании культурного слоя внутри башен второй линии обороны экспедицией были найдены, помимо прочего, остатки керамики и монеты, по которым М. М. Трапш установил следующую хронологию развития поселения на Анакопийской горе: IV–II вв. до н.э. – эллинистическое поселение на склонах горы; VII–XI вв. н.э. – период функционирования Анакопийской крепости; VIII–IX вв. – первый период интенсивного строительства оборонительных сооружений; XI в. – второй

период интенсивного строительства и обновления оборонительных сооружений (*Трапиш*, 1975. С. 147). С последним периодом связано не только обновление и восстановление башен и стен второй линии обороны, но и строительство гражданских зданий и других объектов. В их числе печь для обжига извести, обнаруженная на одной из террас крепости (*Трапиш*, 1975. С. 128. Рис. 45), и небольшая одноапсидная церковь (Нижняя церковь), найденная в 1957 г. неподалеку от южной стены внешнего кольца оборонительных сооружений (*Трапиш*, 1975. С. 101).

Следующие по времени археологические исследования имели место внутри цитадели в 2004 г. в связи с подготовкой к реставрации восточной башни. Работами руководил Ю. Б. Бирюков. Исследуя культурный слой внутри сооружения, археолог пришел к выводу, что, судя по характеру керамики и фрагментам резных плит с плетенкой, найденным в верхнем слое, его можно датировать XI в.² При этом Ю. Б. Бирюков отметил, что толщина культурного слоя не дает возможности говорить об активной строительной деятельности здесь ранее VIII–IX вв.³ Никаких следов существования более древних построек на территории цитадели до сих пор не обнаружено. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий, переосмыслив некоторые свои наблюдения, предложили более дробную хронологию работ в храме св. Феодора и в Нижней церкви. Они предположили, что перестройка этого здания была произведена при Георгии II, между 928 и 955 гг. (*Виноградов, Белецкий*, 2015. С. 123). Сопоставляя эпиграфические и археологические свидетельства, которые как нельзя лучше согласуются друг с другом, можно заключить, что храм внутри Анакопийской крепости был построен не ранее VI и не позже начала X в. Функционировал же он вплоть до XI–XII вв.⁴ В XI в. при византийском императоре Константине IX Мономахе, согласно надписи на утерянном рельефе, опубликованном В. В. Латышевым (*Ендольцева*, 2011. С. 115) (дата 1046 г.) и данным археологических раскопок М. М. Трапша, в крепости были проведены крупномасштабные строительные работы по укреплению южной стены и башен второй линии обороны. Тогда же внутри крепости была построена небольшая одноапсидная церковь, а главная церковь цитадели, возможно, украшена (облицована) и освящена во имя св. Феодора. Найденная в крепости известковая печь свидетельствует о том, что строительные материалы изготавливались на территории

² Авторы благодарят сотрудников Управления по охране памятников Республики Абхазия за возможность ознакомиться (в 2008 г.) с неопубликованным отчетом Ю. Б. Бирюкова и самого Ю. Б. Бирюкова, за разъяснения и соображения, высказанные в личной беседе.

³ Данное предположение было высказано в личной беседе.

⁴ Оставляем в стороне проблему локализации византийской крепости Трахея VI в., упомянутой у Прокопия Кессарийского (см.: *Бгажба, Лакоба*, 2007. С. 89–90; *Хрушкова*, 2018. С. 62–67).

Анакопии. Из сообщений «Картлис Цховерба» ясно, что решающую роль в судьбе крепости сыграла битва с арабским полководцем Мерваном ибн Мухаммедом. В 737 г. он подошел к стенам города, но вынужден был покинуть пределы Абхазии (*Анчабадзе*, 1959. С. 93). С этого момента начинается новая страница в истории Анакопии как главного центра независимого Абхазского царства. В 80-е гг. VIII в. правитель абхазов Леон II отложился от власти византийского императора и провозгласил себя царем. Начинается процесс присоединения соседних земель, в результате которого восточная граница Абхазского царства в первой половине X в. «*простиралась до Сурамского хребта, а на юге – до реки Чорох, то есть до границ Тао, Кларджети и Картли*» (*Анчабадзе*, 1959. С. 117). К началу XI в. возникло новое государственное образование – «*царство абхазов и картлийцев*» во главе с царем Баграта III, который по материнской линии был внуком абхазского царя Георгия II (929–957 гг.), а по отцу происходил из рода Багратидов⁵.

Из «Летописи Картли» известно, что вторая жена царя Георгия I, аланская царевна Альда, вместе с сыном Димитрием с 1027 г. жила в Анакопии и пыталась организовать заговор с целью свержения старшего брата Димитрия царя Баграта IV (1027–1072 гг.). После неудачной попытки переворота Димитрий сдал Анакопию византийцам, которые владели городом до середины 1070-х годов (*Анчабадзе*, 1959. С. 93179)⁶. Именно в это время здесь и были произведены крупномасштабные строительные работы, отраженные археологическими и эпиграфическими свидетельствами. По всей вероятности, рельефы анакопийской коллекции были изготовлены именно в это время. Не исключено, что при византийцах в Анакопии работали местные или приехавшие из Анатолии мастера (*Ендольцева*, 2011. С. 97–98), которые в своем творчестве воспроизводили художественные формы, бытовавшие на территории Абхазского царства, Тао и Кларджети или Каппадокии примерно на полвека ранее. Р. Шмерлинг объясняет подобное культурное явление принадлежностью мастеров «*не к младшему, а к старшему поколению художников этого времени*» (*Шмерлинг*, 1962. С. 115).

Приблизительно с XV в. крепость приходит в запустение. После присоединения к Российской империи Абхазского княжества (1866 г.) территория Анакопийской горы с древними сооружениями была передана русской части греко-русской братии Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря (1875 г.) (*Ендольцева*, 2011. С. 227). При благоустройстве территории монахи собрали по склонам горы Анакопия древние

⁵ Подробнее об истории Абхазского царства (см.: *Виноградов, Белецкий*, 2015. С. 17–89).

⁶ Здесь следует упомянуть также найденную в Болгарии свинцовую печать, принадлежавшую стратегу Сотириуполю и Анакопии, которая датируется 40-ми годами XI в. (см.: *Seibt, Jordanov*, 2006. S. 231–239).

рельефы (89 фрагментов) и смонтировали их в виде импровизированного иконостаса в стену внутри апсиды церкви св. Феодора.

В октябре 2016 г. по распоряжению А. В. Аргуна, директора Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», без санкции Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия все рельефы были выпилены и перенесены к подножию горы Анакопия, в недавно открытый Музей Абхазского царства, где и пребывают сейчас.

Задача финальной фазы исследований лапидарной коллекции, происходящей с горы Анакопия, заключалась в том, чтобы создать виртуальную реконструкцию архитектурного убранства (включая малые формы) каждой из двух церквей максимально, где это возможно, используя перенесенные в музей Абхазского царства рельефы.

Сосредоточимся на Нижней церкви⁷. Как уже говорилось, основные сведения об архитектуре, плане и возможном убранстве этого здания известны благодаря археологическим исследованиям М. М. Трапша (*Трапш*, 1975. С. 100–108). Храм находится на склоне Иверской горы между стенами цитадели и второй линии обороны, его руины заросли.

Описываемый в настоящей работе проект по виртуальной реконструкции нижней церкви на горе Анакопия синтетически использует предшествующий опыт отечественных и международных проектов по виртуальной реконструкции памятников культурно-исторического наследия (*Ендольцева, Быстрицкий*, 2022. С. 614–631). Состав научных работ по реконструкции изучаемого памятника состоял из основных этапов:

- исследование и оцифровка сохранившихся участков и фрагментов;
- создание 3D-моделей, анализ и атрибуция фрагментов (камней);
- создание и верификация 3D-модели алтарной преграды и здания;

На первом этапе для получения трехмерной метрической модели Нижнего храма на объекте была выполнена наземная фотограмметрическая съемка. С целью точного сохранения масштаба были получены контрольные промеры основных элементов конструкции, длина, ширина сооружения, дополнительно были произведены замеры дверных проемов и высоты отдельных участков сохранившейся кладки. В процессе съемки использовались маркированные планшеты, которые позволяли автоматизировать процесс масштабирования трехмерной модели. Для ориентации модели в пространстве использовался встроенный в фотокамеру ГНСС приемник⁸.

⁷ Работы проводились на базе лаборатории комплексных цифровых технологий ИВ РАН. Благодарим за консультации Д. В. Белецкого.

⁸ Благодарим за содействие в проведении работ начальника Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия Г. А. Сангулия.

В результате фотограмметрической обработки были получены поверхностная триангуляционная модель Нижней церкви, а также ортофотоплан (Рис. 1) и цифровая модель поверхности. Комбинация ортофотоплана и матрицы высот позволили достаточно точно выделить основные контуры стен на объекте. Трехмерная модель в дальнейшем использовалась для создания виртуальной реконструкции.

Помимо этого, были получены трехмерные модели некоторых сохранившихся камней, которые были расположены в Музее Абхазского царства⁹. Так как съемка производилась в помещении был использован искусственный источник освещения, для достижения оптимального разрешения изображений.

На втором этапе работы над проектом, полученные группы фотограмметрических 3D-моделей были разделены на отдельные камни. Каждый камень был проанализирован и классифицирован по своему назначению: облицовка стен, украшения фасадов, фрагменты алтарной преграды, наличники окон и дверей и другие архитектурные детали. Таким образом, был составлен полный каталог всех декорированных камней, и выдвинут ряд гипотез, об их местоположении в ансамбле здания.

Для подготовки к публикации 3D-моделей камней в разных форматах, создан специальный шаблон. В этом шаблоне пространство орфографической камеры разделено на 4 секции в каждой секции камень представлен с фронтальной, двух боковых сторон, а также в $\frac{3}{4}$ без перспективы. Такие ракурсы позволяют наглядно показать результаты замеров габаритных размеров каждого исследованного каменного объекта. Для улучшения видимости рельефа (как декоративного, так и повреждений) нанесённого на камень, используется особая настройка рендер-камеры под названием Cavity, в то же время размеры камней замерялись с помощью модуля MeasureIt позволяющего выполнять точные замеры расстояний и высот с точностью до 4 знаков после запятой.

Процесс обработки каждого каменного объекта состоял из следующих этапов:

1. Экспорт выбранной группы камней, представленных одним чанком Metashape в транспортный формат Autodesk FBX с пометками «бинарный тип, без камер».
2. Импорт полученного FBX-файла, в 3D-редактор Blender
3. При необходимости, производилась разрезка 3D-модели группы камней на несколько частей, для того чтобы каждый камень можно было

⁹ К сожалению, руководство музея не проявило заинтересованность в данных исследованиях и не способствовало им, поэтому некоторые фрагменты сняты не со всех возможных ракурсов.

представить как самостоятельный объект. Разрезка выполнялась либо с помощью индивидуальной ломаной плоскости и инструментов булевой математики: Modifier: Boolean, Type: Difference, Operand: Object, Solver: Exact, либо путём выделения и удаления «пояса» полигонов между интересующими объектами

4. Далее такой камень клонировался и поворачивался строго на 90 градусов, относительно необходимой для каждого ракурса оси, за исключением ракурса $\frac{3}{4}$.

5. Добавлялась камера для рендеринга, устанавливался тип «Orthographic», и задавался поворот строго перпендикулярной плоскости фронтальной поверхности обрабатываемого камня, параллельно с подстройкой масштаба камеры с помощью параметра «Orthographic Scale».

6. Выполнялись замеры габаритов каждой полученной модели следующим образом: Вокруг каждого камня, исходя из самых дальних его точек, создавалось «каркасная коробка» под названием “Bounding Box”, ее стороны замерялись измерительным плагином MeasureIt. Каждая выноска с размерами настраивалась отдельно, исходя из композиции всего предполагаемого кадра.

7. В настройках рендеринга устанавливался тип WorkBench, добавлялась опция “Cavity” с параметрами “Type: Screen, Ridge:1.0, Valley: 1.0”,

8. Параметры заднего фона задавались в простом формате “Background Type: Color”.

9. Для объединения данных замеров и с конечным рендером использовалась специальная схема, созданная в режиме “Compositing”. Здесь задавались 2 входных блока, типа “Image”, одна из которых берет данные из “ViewLayer” (вывод с рендер – камеры), а вторая – из MeasureItOutput (вывод рендера размеров с одноимённого плагина), цветовые выходы объединялись через блок – конвертор типа Color, под названием “AlphaOver”, вывод полученной комбинации происходит через финальный блок вывод “Composite”.

10. Конечный результат представляет из себя набор изображений, с разрешением 4096×3072 пикс, нанесёнными размерами в миллиметрах, в цветовой палитре 256 оттенков серого, по одному на каждый каменный объект.

На третьем этапе на основе имеющихся данных создана реконструкция нижнего храма в виде полигональной 3D-модели, используя исторические и архитектурные материалы, замеры фотограмметрической 3D-модели здания, а также сравнивая полученные результаты с аналогичными памятниками эпохи. Камни размещены на предполагаемых местах

восстановленного здания, учитывая их форму, размер и особенности декора, физические свойства и архитектурную целесообразность. Таким образом, удалось визуализировать как современное состояние здания, так и условную реконструкцию, которая показывает, как мог выглядеть храм в момент, когда он был действующим храмом.

Для демонстрации работы создано виртуальное пространство, где заскриптованная камера перемещается по храму и позволяет рассматривать реконструкцию с камнями со всех сторон. Сделаны также рендеры каждого камня в высоком разрешении, они добавлены в анимированный оверлей в видео, чтобы показать детали и особенности каждого каменного элемента.

Процесс обработки модели здания идентичен в первой части до пункта 2 включительно (импорт модели в Blender) процессу обработки каменных объектов. Отличие при работе со зданием заключалось в использовании камеры с типом «Perspective», т.е. имеющей стандартное перспективное искажение, свойственное реальной камере с линзой 50 миллиметров. Ещё одно отличие заключалось в том, что камера была анимирована таким образом, чтобы совершить облёт вокруг здания со всех сторон, а также внутри здания, в направлении алтарной преграды.

Другой важной стадией работы над зданием, было создание реконструкции храма с крышей, оконными и дверными проёмами, выполненной в форме полигональной модели. Для того, чтобы наглядно сопоставить полученную фотограмметрическую модель современного состояния здания и нашу реконструкцию, к ней был применён особый инструмент “Modifier: Whireframe”. Он позволяет визуализировать полигональную 3D-модель в виде «проволочного каркаса», вместо непрозрачных поверхностей «виртуального макета».

В процессе работы над моделью здания, на поверхности реконструкции были «прикреплены» оптимизированные модели избранных нами декоративных камней к поверхностям реконструированных стен и алтарной преграды.

Замеры высот отдельных архитектурных элементов, равно как и здания в целом, выполнялись тем же измерительным плагином MeasureIt, но без применения инструмента “BondingBox”, т.к. здание имело свои собственные опорные точки по краям измеряемых областей, следовательно процедура нанесения размеров на рендер сходна с применённой при обработке камней: выноски оформлялись каждая отдельно, после чего размеры рендерились отдельным слоем и наносились поверх основного рендера через режим “Compositing” и блок “AlphaOver”.

Выходные изображения, с нанесёнными на них размерами и моделями задний с избранными камнями выполнены в полноцветной палитре, в разрешении 7680×4320 пикс, формат PNG, сжатие 15%.

В тоже время, запись с анимированной камеры выполнена в формате полноцветной видеозаписи в высоком разрешении. Для выделения положения размещённых камней на видео (в движении) используется альтернативная конфигурация режима “Compositing”: При рендеринге каждого кадра, группа 3D-моделей с исследуемыми каменными объектами, добавляется в специальную группу, под названием “Cryptomatte”, затем к ним применяется фильтр “Prewitt” создающий точный контур вокруг края избранных моделей, после чего, с помощью двух блоков — математического “Greater Than” и цветового “Mix Color”, контур получает особый избранный цвет с заданной толщиной. Результат комбинирования этих данных вводится в кадр видео.

При выборе рельефов для составления реконструкции принимались во внимание следующие соображения. В анакопийской коллекции есть группа рельефов, которые по своей форме явно выполняли роль верхних наличников щелевидных окон, часть из них тематически и стилистически распадается на две группы: три рельефа с зооморфными образами (Ендольцева, 2020. С. 80–88) и два рельефа с крестами под арочками (Ендольцева, 2020. С. 111–114). Рельефы с зооморфными образами органичны (смысл изображений, размеры, система украшения) на фасадах церкви св. Феодора¹⁰, рельефы с крестами – на Нижнем храме. Фрагменты с крестами расположены на южном и восточном фасаде (Рис. 2, 3). Окна в Нижнем храме помещены только в самых вероятных местах. Одно окно в центре апсиды, второе – на западной стене над дверью (Рис. 4) и третье – на южной стене, чуть ближе к алтарю (Рис. 5). На северной стене окон не поместили по двум причинам: во-первых, в храмах Абхазии старались не делать окон на северной стене, во-вторых, северная стена обращена к склону холма (Рис. 6).

Рельеф с тремя крестами под арочкой помещен на восточном фасаде (Рис. 7), поскольку, по наблюдениям Л. Рчеулишвили (Рчеулишвили, 1983. С. 1–14), такая композиция (Голгофские кресты) во второй половине X – первой половине XI вв. (предполагаемый период строительства храма) предпочтительно располагалась именно на восточном фасаде.

Стилистические и иконографические параллели для двух рельефов с крестами (Рис. 8–11), а также обоснование их датировки, полученные методами комплексного художественного анализа, изложены в соответствующих статьях каталога (Ендольцева, 2020. С. 88–99, 111–114).

При выборе фрагментов для алтарной преграды и престола учитывались возможные пропорции Нижнего храма и размер фрагментов с плетеным геометрическим орнаментом, а также их форма (наличие пазов и др.) (Рис. 12, 13).

¹⁰ О реконструкции этого памятника готовится отдельная статья.

Среди наиболее информативных камней, задействованных при реконструкции престола – плита полукруглой формы с надписью на торце, ставшая крышкой престола (Ендольцева, 2011. С. 218, № 4) (Рис. 14). По версии А. Ю. Виноградова, в надписи упоминается об интронизации храма св. Феодора при архиепископе Михаиле.

Ножкой для престола служит плита с характерной нишкой (Ендольцева, 2011. С. 132–133, № 6) (Рис. 15), а основанием – плита с пазом (Рис. 16).

Для реконструкции алтарной преграды использовались фрагменты небольшого (относительного) фрагментов для алтарной преграды церкви св. Феодора) размера (соразмерно масштабам здания) с простым плетеным ленточным орнаментом (Ендольцева, 2011. С. 142–144). Символическое значение этих мотивов в концепции украшения храмов средневизантийского периода подробно анализировалось (Ендольцева, 2022. С. 131–159), стилистические и иконографические параллели к каждому фрагменту рассмотрены в соответствующих статьях каталога рельефов анакопийской коллекции (Ендольцева, 2011. С. 159–160, № 27; С. 188–189, № 57, 59; С. 171–172, № 39; С. 155–156, № 23, 24) (Рис. 17–20). Поскольку размеры фрагментов, опубликованных М. М. Трапшем, не указаны, они задействованы в реконструкции преграды так, чтобы пропорционально соответствовать остальным частям (Ендольцева, 2011. С. 207–208, № 88, 89).

Нижний храм Анакопийской крепости по своей архитектуре был одноапсидным, зальным и имел скромные размеры. Сохранились только основания стен. Основание апсиды сохранилось частично. Хорошо виден порог западного входа. По нему достаточно достоверно можно определить ширину дверного проёма, которая равна 0,85 м.

3D-модель Нижнего храма построена нами по фотограмметрической модели в программе Blender. По модели длина храма – 6,65 м, ширина – 4,63 м, ширина дверного проема – 0,85, внешний диаметр апсиды – 3 м, внутренний диаметр апсиды – 1,84 м.

М. М. Трапш датирует храм X–XI вв., в чем с ним полностью согласны Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов (Ендольцева, 2011. С. 23). А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий также отмечают: «из архитектуры Абхазии конца IX–X в. полностью исчезает балочно-стропильное перекрытие: все зальные храмы и базилики, не говоря о купольных церквях, перекрыты сводами» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 268). Опираясь на это утверждение, мы перекрыли храм полуциркульным сводом. Эти же авторы утверждают, что «все известные нам крыши над сводами храмов Абхазии конца IX–X в. двускатные» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 269). Этим обусловлена двускатная крыша на

реконструкции. По наблюдениям М. М. Трапша, пол «в нижнем храме Анакопийской крепости – керамическими плитками» (Трапш, 1975. С. 1–3). При дальнейшей работе над моделью возможно вымостить пол керамической плиткой.

«Пространство алтаря почти во всех храмах Абхазии, не только зальных (кроме Леснянской I базилики и *croix libre* у Крион Нерона), выделено подъемом пола (до 0,5 м, в Монастыре и Аба-Анте), согласно обычной практике византийского Востока. <...> Судя по храмам в Ачануа и Монастыре, алтарная преграда в зальных церквях проходила прямо по линии примыкания апсиды» (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 268), в соответствии с этим утверждением, в алтаре сделано небольшое возвышение. Алтарная преграда поставлена по линии примыкания апсиды.

Таким образом, в ходе проведенных исследований с использованием методов виртуальной реконструкции удастся сформулировать обоснованную гипотезу о том, как могла выглядеть архитектурная декорация Нижней церкви на горе Анакопия. Судя по имеющимся данным, облик этой церкви был типичен для небольших храмовых построек в горных районах или крепостях на Кавказе, начиная со второй половины X в. Парадоксальным образом она объединяла в себе черты «сурового» стиля, характерного для западной и центральной Грузии, Южной Осетии и т.д. (к примеру, две церкви в Ахалсопели и др.) и декоративные мотивы, распространявшиеся в то время по всей территории Византийской империи из греческих провинций и Малой Азии (плетеные ленточные орнаменты, как, к примеру, на алтарных преградах из Хосиос Лукас).

Литература

- Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми: Абгиз, 1959. 303 с.
- Архимандрит Леонид [Кавелин Л. А.]. Абхазия и ее христианские древности. М.: Типография И. Ефимова, 1887. 104 с.
- Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум: [б.и.], 2007. 392 с.
- Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М.: Индрик, 2015. 372 с.
- Ендольцева Е. Ю. [ред.]. Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб: Издательство РХГА, 2011. 272 с.
- Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М.: ИВ РАН, 2020. 431 с.

- Ендольцева Е. Ю.* Плетеный ленточный орнамент на Кавказе в период Македонской династии: истоки и значение мотива (на примере архитектурной пластики) // *ByzantinoCaucasica*. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022. С. 131–159.
- Ендольцева Е. Ю., Быстрицкий Н. И.* Архитектурная пластика христианских церквей Восточного Причерноморья X–XI вв.: возможная попытка реконструкции декоративной системы // *Ориенталистика*. № 5 (3). М.: ИВ РАН, 2002. Р. 614–631.
- Латышев В. В.* К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб.: Типография В. Ф. Каршбаума, 1911. С. 169–198.
- Рчеулишвили Л. Д.* Композиция трех крестов в архитектурном декоре грузинских храмов средневековья // IV международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси: Мецниереба, 1983. С. 1–14.
- Трапи М. М.* Труды. Т. IV: Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми: Алашара, 1975. 227 с.
- Уварова П. С.* Христианские памятники / МАК. Вып. IV. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1894. 197 с.
- Хрушкова Л. Г.* Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 127 с.
- Хрушкова Л. Г.* Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград; М.: РОС-ДООАФК, 2018. 480 с.
- Шмерлинг Р.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси: Издательство АН ГССР, 1962. 293 с.
- Seibt W., Jordanov I.* Στρατηγὸς Σωτηρίουπόλεως καὶ Ανακούπης. Ein mit telbyzantinisches Kommando in Abchasien (11. Jahrhundert) // *SBS*. 2006. Vol. 9. S. 231–239.

Рис. 1. Ортофотоплан Нижней церкви. Съемка Д. О. Дрыга, 2023 г.

Рис. 2. Ракурс Нижней церкви с юго-востока.
Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

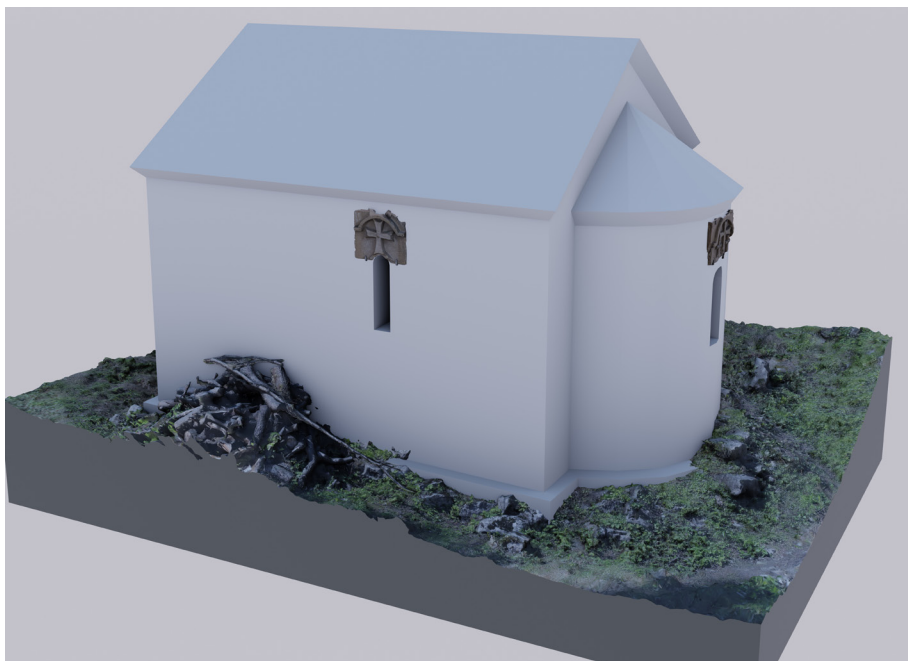

Рис. 3. Ракурс Нижней церкви с юга.

Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

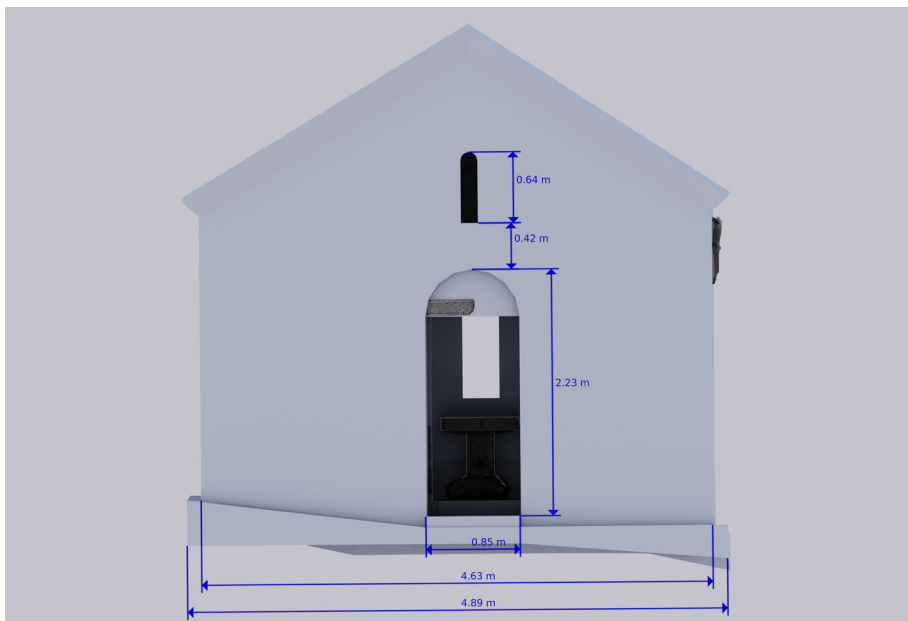

Рис. 4. Западный фасад Нижней церкви.

Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

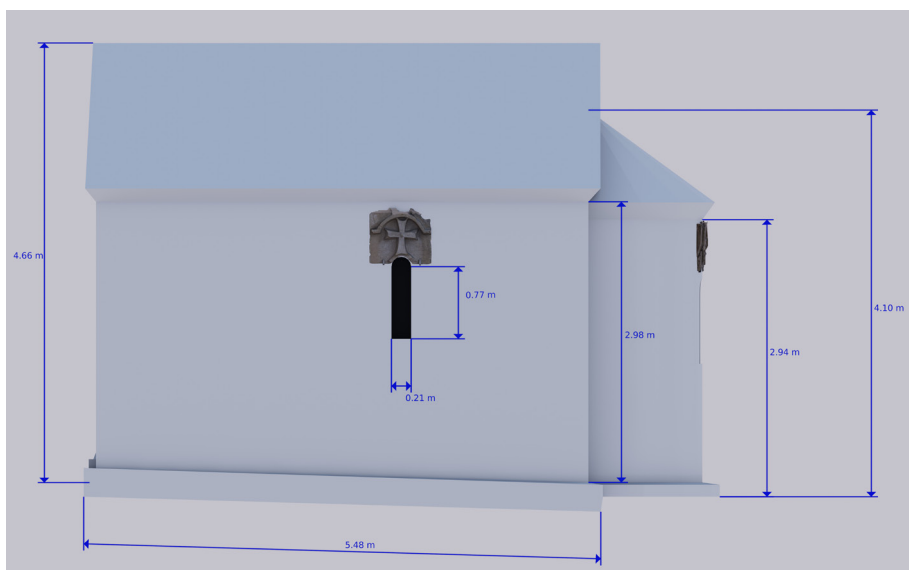

Рис. 5. Южный фасад Нижней церкви.

Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

Рис. 6. Ракурс Нижней церкви с северо-запада.

Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

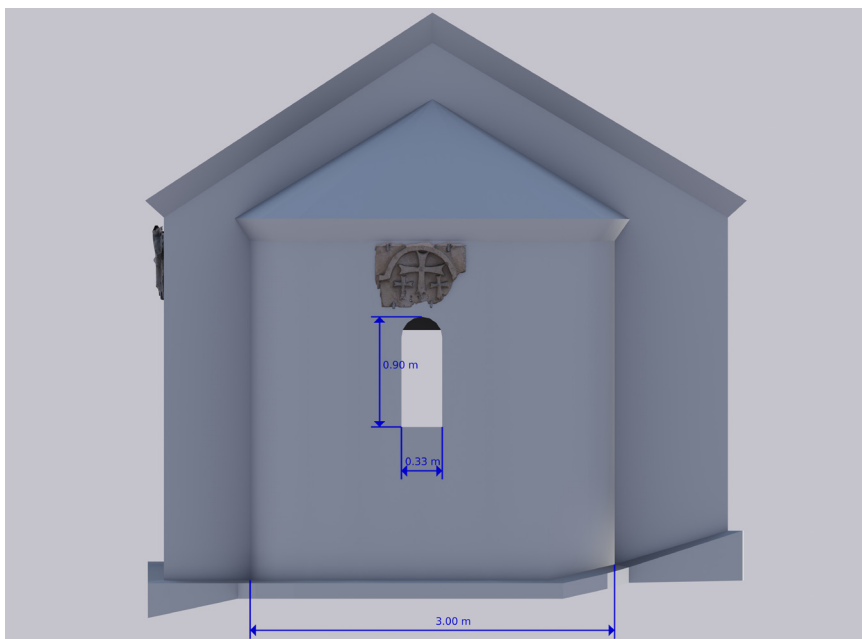

Рис. 7. Восточный фасад Нижней церкви.
Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

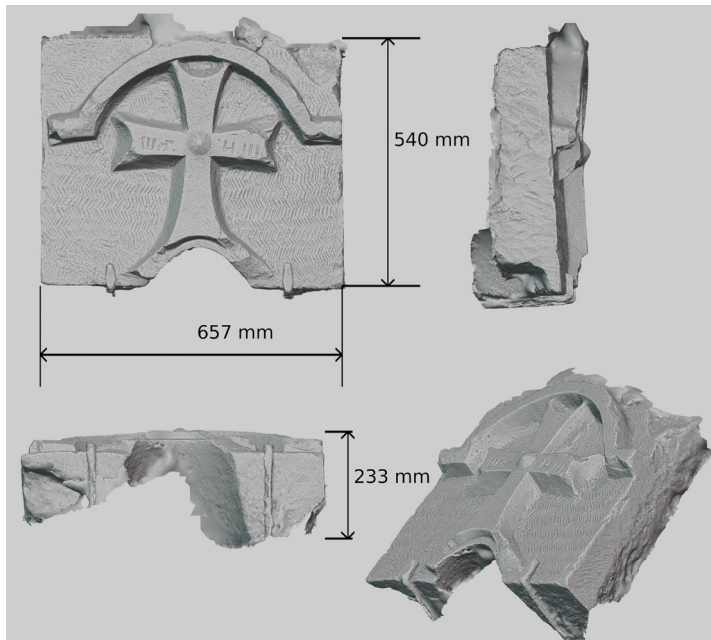

Рис. 8. Плита с крестом из Музея Абхазского царства.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

Рис. 9. Плита с крестом из Музея Абхазского царства.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

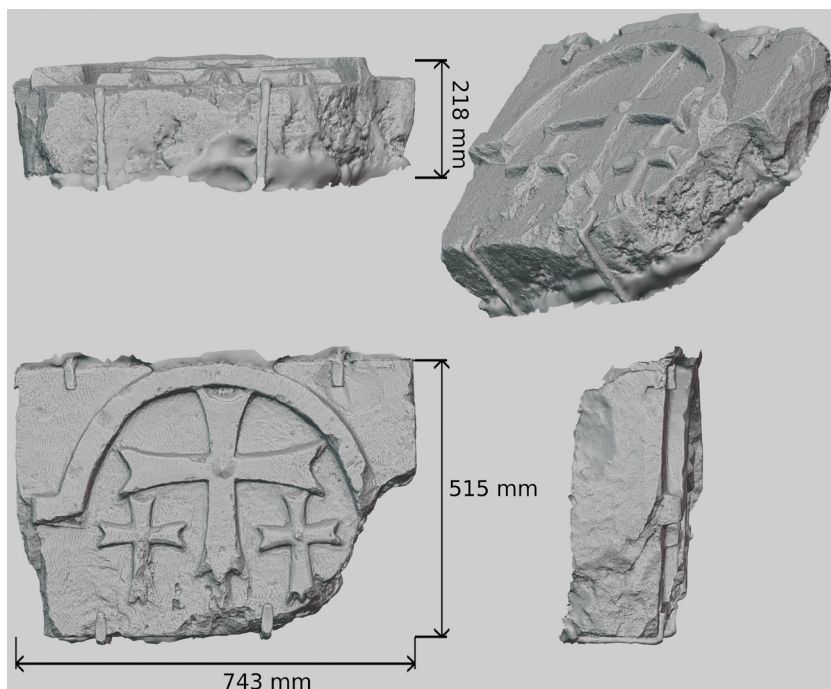

Рис. 10. Плита с тремя крестами из Музея Абхазского царства.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

Рис. 11. Плита с тремя крестами из Музея Абхазского царства.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

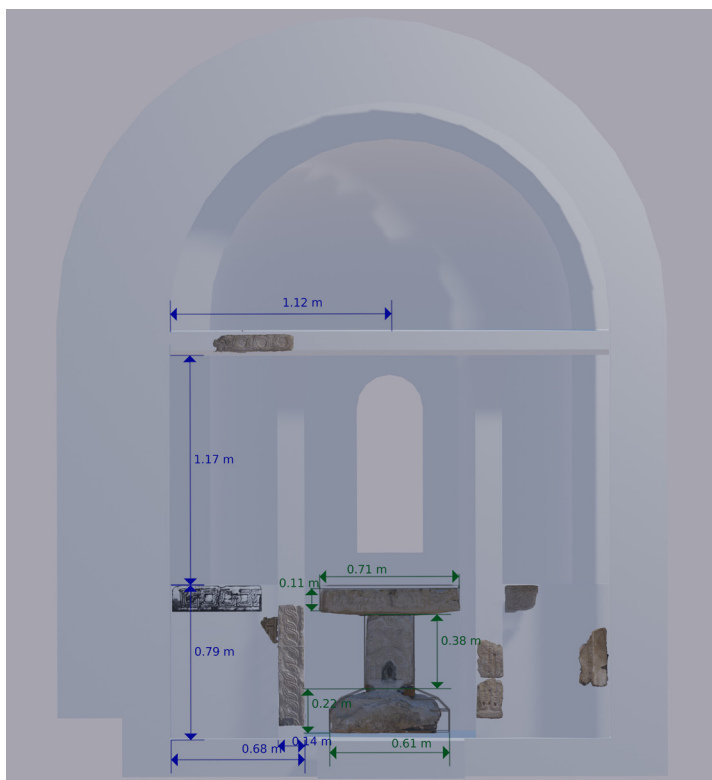

Рис. 12. Алтарная преграда и престол Нижней церкви.
Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

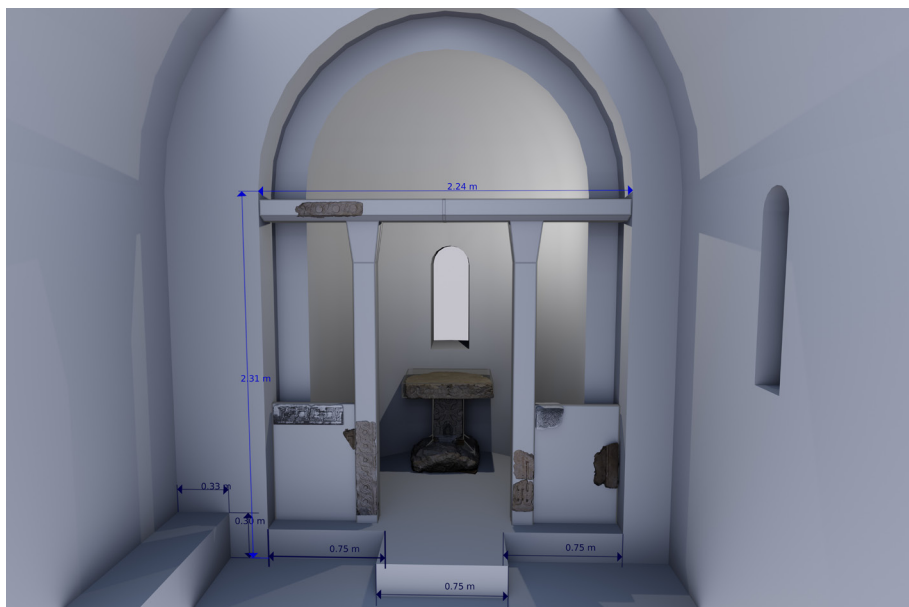

Рис. 13. Интерьер Нижней церкви.
Реконструкция А. Д. Карнаушенко, Э. Н. Карнаушенко, Л. К. Казеннова, 2023 г.

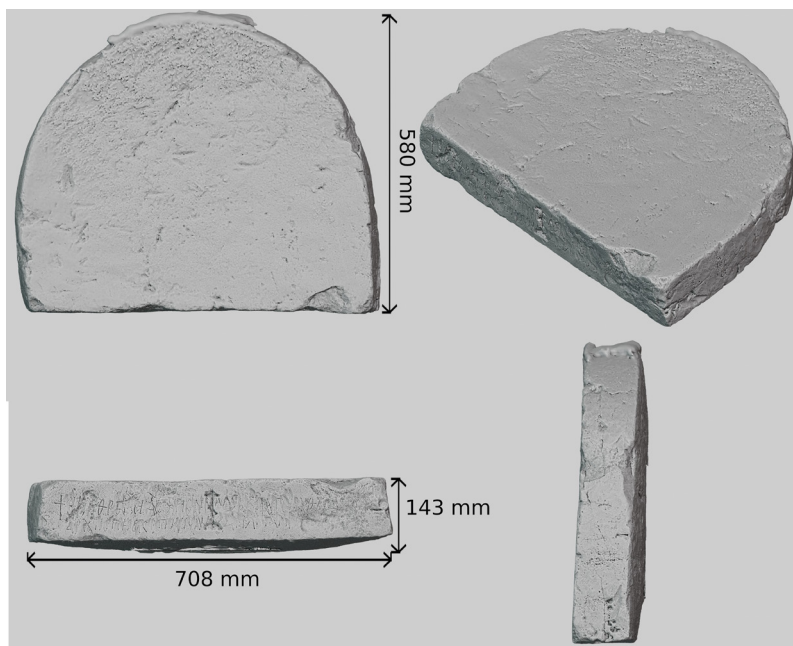

Рис. 14. Плита с надписью. Крышка престола.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

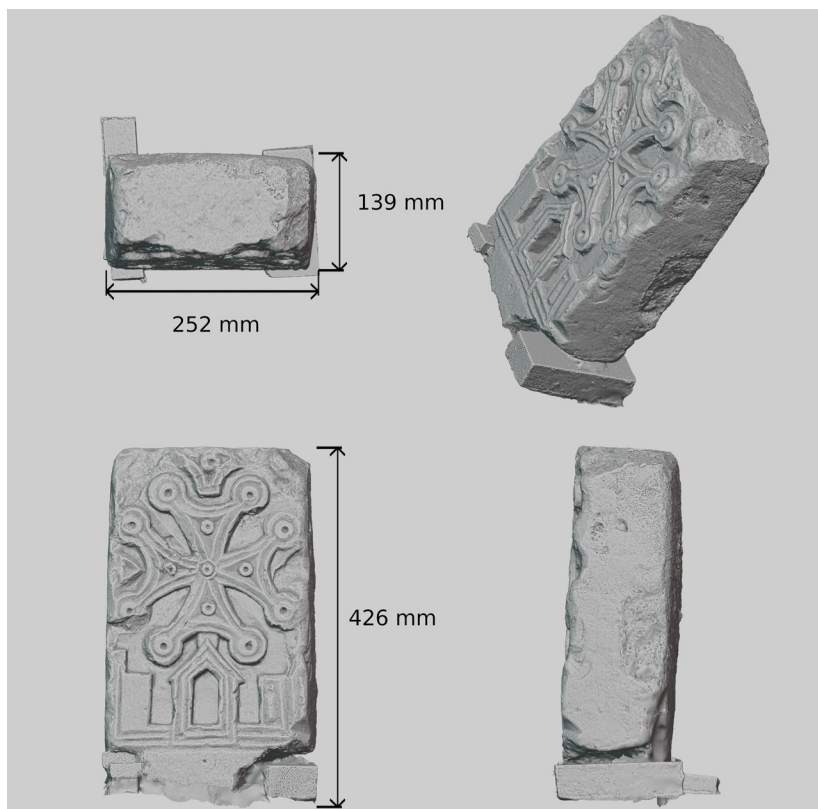

Рис. 15. Плита с крестом, ножка престола.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

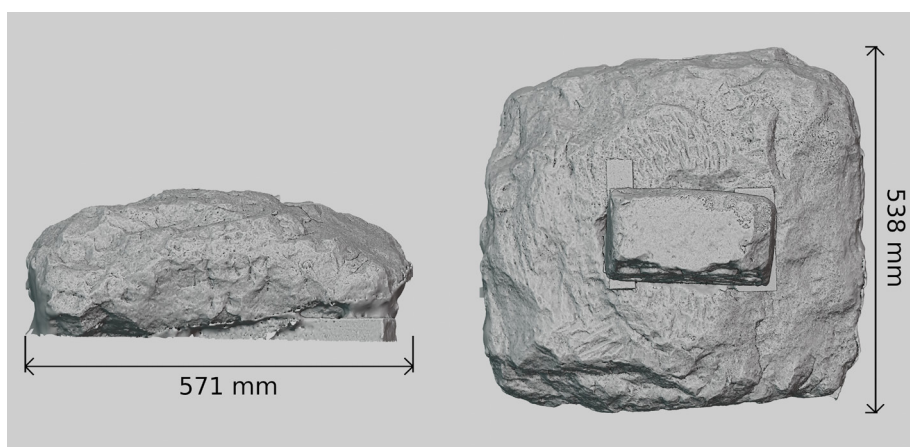

Рис. 16. Плита с пазом, основание престола.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

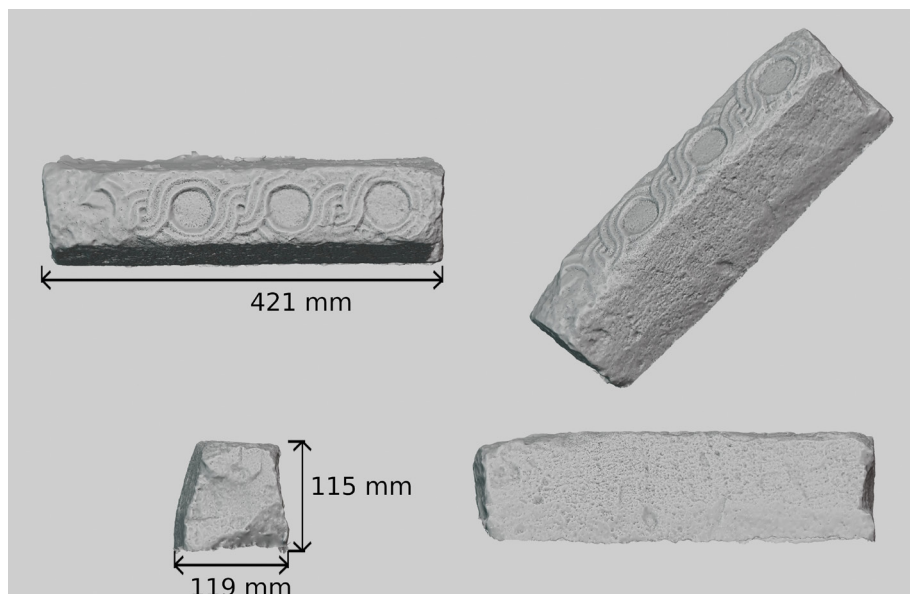

Рис. 17. Фрагмент столбика алтарной преграды. Нижняя церковь.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

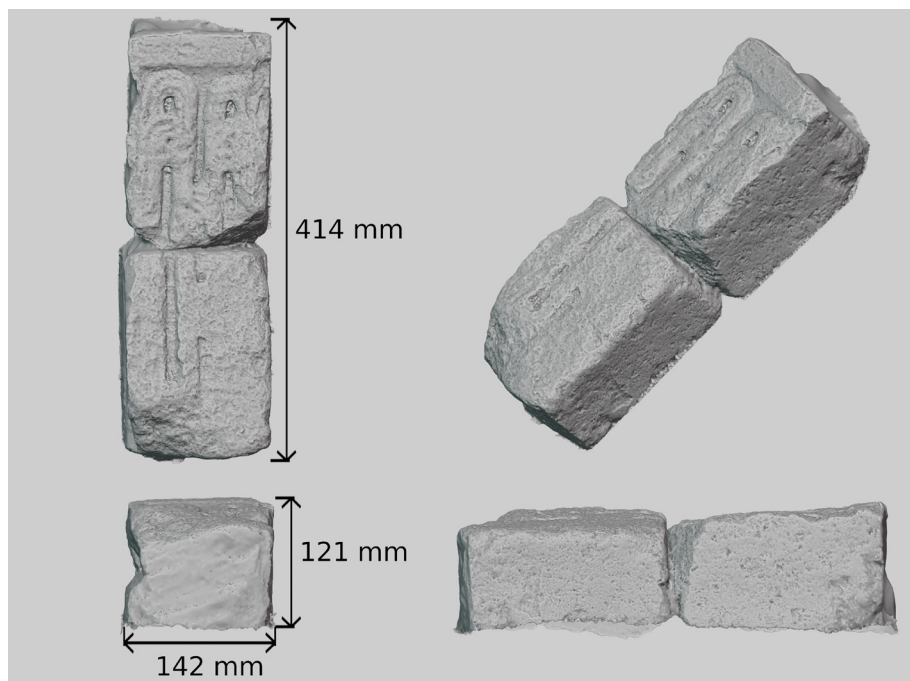

Рис. 18. Фрагмент столбика алтарной преграды. Нижняя церковь.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

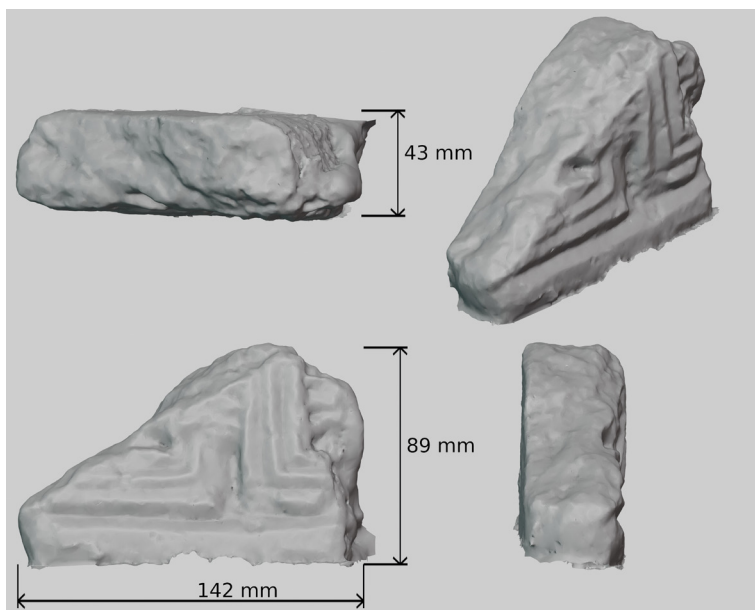

Рис. 19. Фрагмент плиты алтарной преграды. Нижняя церковь.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

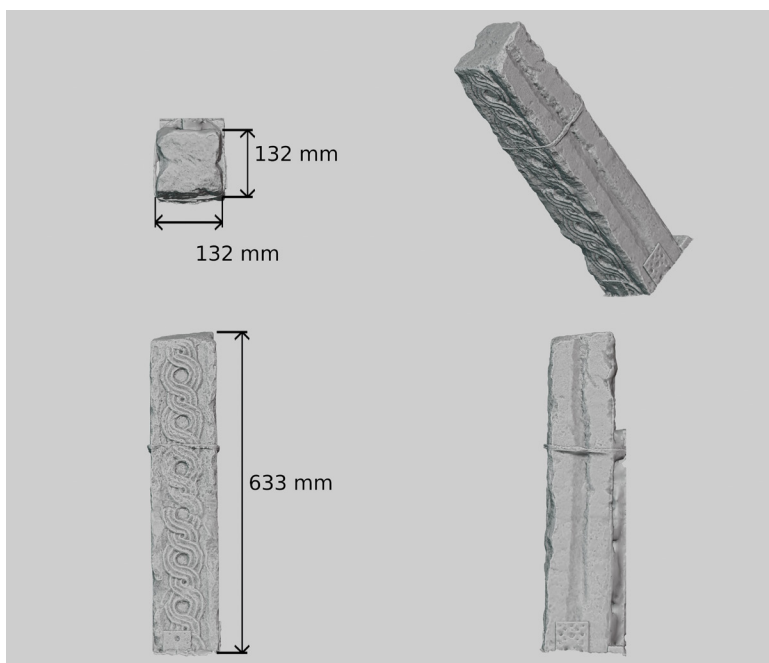

Рис. 20. Фрагмент столбика алтарной преграды. Нижняя церковь.
Съемка Д. О. Дрыга, обработка Л. К. Казеннова, 2023 г.

E. Y. Endoltseva, N. I. Bystritsky, D. O. Dryga, A. D. Karnaushenko,
E. N. Karnaushenko, L. K. Kazennova

**THE LOWER CHURCH ON MOUNT ANAKOPIA
(NEW ATHOS, REPUBLIC OF ABKHAZIA):
EXPERIENCE OF VIRTUAL RECONSTRUCTION
OF ARCHITECTURAL DECORATION**

Abstract: fortress on Mount Anacopia has very long history, there are two Christian churches inside, church of saint Theodore and the so-called Lower church. The both are ruined. One of the richest lapidary collections on the territory of Abkhazia is also from this mountain. One of the authors of the present article analyzes it since 2007. In course of long-term researches, it became possible to identify the images on the reliefs, to date it and to put into cultural-historical context. The article focuses on the last period of the research: visualization of the architectural decoration of the Lower church, another article is prepared about the church of saint Theodore.

Keywords: architectural decoration, crosses, orthophotomap, photogrammetry, braided lintel ornament, altar barrier

М. Л. Цымбал, Е. С. Бердник

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ КОЛОДЦА № 2 РАСКОПА 12 «ЮЖНОГО ПРИГОРОДА» ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО¹

Резюме: в статье представлен комплекс находок, происходящих из раскопок условно закрытого комплекса, колодца, засыпанного не позднее последней четверти XIII в. на территории Южного пригорода Херсонеса Таврического. В состав комплекса входит типичный для аналогичных комплексов набор керамики: тарная представлена местной и импортными группами, столовая и кухонная – местным производством, поливная – исключительно импортная. Он дополняется индивидуальными находками: деревянной ложкой, гардой ножа из кости, изделиями из стекла и металла. На основании датировок этого и других комплексов, авторами сделан вывод о прекращении какой-либо деятельности на территории ближайшей округи Херсонеса в последней четверти XIII в.

Ключевые слова: Херсонес, слой пожара XIII в., Византийский Херсон XII–XIII вв., археологический комплекс, амфоры, поливная керамика

В ходе археологического исследования на территории объекта культурного наследия (ОКН) «Южный Пригород Херсонеса Таврического» в 2021–2022 гг. на территории раскопа 12 в квадрате 165/89 были обнаружены два водосборных колодца (Рис. 1). Первый, в центре раскопа, получил условное обозначение «объект 18». Вторым, находящийся в юго-восточном углу раскопа, получил условное название «объект 19» (Рис. 2, 3, 1). Время засыпи первого колодца, материалы которого также готовятся к публикации, может быть связано с катастрофой второй половины X – первой половины XI вв., которая привела к разрушению значительной части города и его округи. Время разрушения Херсона в данный период традиционно связывают с походом князя Владимира (Белов, 1946. С. 143; Якобсон, 1979. С. 14–15) или с землетрясением, гипотезу о возникновении которого предложил

¹ Авторы выражают большую благодарность С. Л. Соловьеву за возможность изучить и опубликовать находки, а также С. В. Ушакову и Д. А. Юнкину за содействие в написании работы.

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

Л. В. Фирсов (*Фирсов*, 1976. С. 160–161), а впоследствии поддерживали ряд ученых (*Романчук*, 1989. С. 188; *Она же*. 2000. С. 134–135 и т. д.). На данный момент хронология разрушения Херсонеса в X–XI вв. является дискуссионным вопросом (*Завадская*, 2010; *Ханаев*, 2016). Учитывая близость взаиморасположения колодцев и материала их заполнения, датировка засыпи «объекта 18» совпадает с нижней датой «объекта 19». Можно утверждать, что один колодец был засыпан в результате одного из событий того времени, а второй был выкопан рядом уже после того, как первый был разрушен. Целью данной работы является публикация комплекса находок из второго колодца («объект 19»), главным образом, материалов XIII в.

Рассматриваемый объект представляет собой сложную конструкцию, ориентированную на север-юг и состоящую из вырубленной в скале ямы и каменной кладки, выстроенной на материковой скале. Верхний уровень камней зафиксирован в слое техногенного характера, хотя основная её часть лежит в слое темно-серого суглинка. Кладка состоит из камней среднего и крупного размера. Она частично разрушена, что ясно по аналогичным камням, обнаруженным вокруг конструкции. Кладка выложена из необработанных камней среднего и крупного размеров в один ряд и 3-5 слоев, без скрепляющего раствора (Рис. 4, 1). Внутренняя часть кладки облицована. Камни уложены в один ряд без связующего раствора. Высота кладки в восточной части – 0,85-1 м, в северной части – 1-1,5 м, в западной части – 0,8-0,9 м, в южной – 0,7-0,8 м. Основная часть конструкции представляет собой округлую в плане вырубку в скале. Стенки вертикальные, хорошо обработанные. В нижней половине колодца на уровне мягких пластов породы имелись небольшие ниши. Дно горизонтальное, ровное. Размеры скальной части конструкции: диаметр – 1,2 м, глубина – 2,15-2,20 м (Рис. 3, 2).

В ходе зачистки скальной части колодца, с учетом изменения грунта, было выделено четыре слоя заполнения (Рис. 4, 2). Первый уровень заполнения – темно-серый суглинок с мелкими камнями и обрушившимися камнями кладки. Мощность – 0,4 м. Второй уровень заполнения – сплошная каменная забутовка, состоящая из необработанных камней среднего и крупного размера. Мощность – 0,7-0,8 м. Третий уровень заполнения – темно-серый суглинок с включением известняковой крошки и большим количеством камней среднего и мелкого размера. Мощность – 0,7-0,75 м. Придонный уровень заполнения – серая глина с камнями различного размера.

Материал распределен неравномерно (Табл. 1). В первом, втором и четвертом слоях содержится небольшое количество профильных фрагментов, которые относятся к разному времени. Первый, второй

и третий слои относятся к периоду засыпи колодца. Большая часть находок содержалась в третьем слое. Материал этого слоя представляет собой единовременную засыпь из большого количества подбирающихся фрагментов керамики, а также немногочисленных изделий других групп. Основным материалом среди профильных находок – это столовая, тарная и кухонная керамика. Находки из слоя также хорошо коррелируют с аналогичными объектами как на территории «Южного Пригорода» Херсонеса (в данный момент опубликована лишь небольшая часть находок, например, частично из колодцев 21 и 22 раскопа 6) (Власов и др., 2022. С. 65; Ушаков, Байбуртский, 2022. С. 269) и Херсонесского городища (Голофаст, Рыжов, 2003; Романчук, 2004; Ушаков, 2005; Седикова, 2018), так и на других памятниках (Мыц, 1987; Айбабин, 2014). При сопоставлении материала колодца с другими комплексами периода разрушения Херсонеса как городского центра, данный комплекс можно отнести к событиям, произошедшим не позднее последней четверти XIII в. (Мыц, 2016; Ушаков, Байбуртский, 2018).

Датировка

В ходе анализа материала из колодца, а также места его обнаружения, можно более точно установить датировку: придонный слой был образован во время использования колодца и датируется преимущественно материалом второй половины X / начала XI – второй половиной XIII вв. Третий слой – засыпь образовавшаяся не позднее последней четверти XIII в. Первый и второй слои – засыпь из камней кладки колодца и немногочисленных находок разных периодов.

Заполнение

Основной задачей данной работы является рассмотрение находок периода разрушения Херсонеса XIII в. Останавливаться на описании более раннего материала нецелесообразно, стоит лишь отметить, что хронологически он представлен античным и средневековым временем. В третьем слое также присутствует небольшая примесь керамики более ранних периодов, которая ещё во время камеральной обработки весьма значительно выделялась из общего материала. Дальнейшее описание будет посвящено именно единовременной части третьего слоя засыпи колодца. Материал первого, второго, четвертого и примеси «снизу» представлен на иллюстрациях отдельно (Рис. 5, 6). Помимо нумерации, принятой в статье (цифры в скобках), каждый рисунок сопровождается номером по полевой описи.

Тарная керамика представлена тремя наиболее типичными и массовыми находками для комплексов XIII в. Набор тарной керамики характерен для комплексов Херсонеса, Юго-Западного (Айбабин, 2014. С. 246–249) и Южного Крыма (Тесленко, 2020).

Самыми массовыми являются круглодонные амфоры с дуговидными ручками (тип XXIII по I херсонесской классификации (*Антонова и др.*, 1971. С. 94), класс 45 по II херсонесской классификации (*Романчук и др.*, 1995. С. 73–77), type IV (*Günsenin*, 1990. Р. 31–32), т. н. трапезундский тип (*Волков*, 1993. С. 144–150). Среди профильных находок имеются одна фрагментированная амфора (Рис. 8, 1), ручка с неясным граффито на нижней части (Рис. 8, 4), ручки с верхними прилепами (Рис. 7, 1, 4–14), а также донья (Рис. 7, 2–3).

Вторыми по количеству являются находки амфор, считающихся продуктом местного производства: они отличаются плоским дном, покрытием ангобом и бугристой внутренней поверхностью (тип XXV по I херсонесской классификации (*Антонова и др.*, 1971. С. 95), класс 52 по II херсонесской классификации (*Романчук и др.*, 1995. С. 83–88). Этот тип тарной керамики в колодце в основном был представлен малоинформативными фрагментами (стенки и ручки), единственной профильной частью является фрагмент венчика (Рис. 7, 3).

Самой малочисленной группой были удлиненные амфоры с высокоподнятыми ручками (тип XXII по I херсонесской классификации (*Антонова и др.*, 1971. С. 93), класс 48 по II херсонесской классификации (*Романчук и др.*, 1995. С. 78–81), type III (*Günsenin*, 1990. Р. 28), т. н. триллийская группа (*Волков*, 1993. С. 150, 153). Данная группа амфорной тары, как и в случае с кувшинами-амфорами с бугристой внутренней поверхностью, состояла в основном из стенок и фрагментов ручек. Единственная информативная профильная часть – венчик с верхним прилепом ручки (Рис. 7, 2).

Неполивная керамика представлена различными сосудами, глина и покрытие которых имеют аналогичные характеристики как у т. н. «амфор с бугристой внутренней поверхностью», так и у строительной керамики. Хотя керамические печи так и не были найдены, исследователи обычно не сомневаются в том, что данная керамика является продуктом местного производства (*Якобсон*, 1950. С. 109; *Ивашута*, 1975. С. 14). Разнообразие сосудов невелико. В основном материал представлен закрытыми (кувшинами, куманами, квадрифолиями и т. д.) и намного реже открытыми формами. Большая часть сосудов имеет несложную профилировку по корпусу: различные врезные линии, накладки, накладные валики, пояски вдавлений «шишечки» и т. д., а также покрыта легким слоем ангоба. Среди находок наиболее целыми являются частично подобранные куманы (Рис. 9, 1–2, 4, б) и кувшин (Рис. 9, 5). Остальные профильные части сосудов закрытых форм состоят из крупных фрагментов стенок (Рис. 11, 1–4), носиков куманов (Рис. 12, 1), венчиков с прилепами ручек (Рис. 13, 1–7), венчиков (Рис. 13, 8–24) и доньев

(Рис. 10, 3–7; 11, 5–12; 12, 2–18). Интерес также представляют нижние части двух сосудов закрытого типа, деформированных с одной стороны во время формовки (Рис. 10, 1–2). На фоне остальных находок выделяется край единственного из группы неполивной керамики открытого сосуда, назначение которого неясно (воронка?) (Рис. 9, 3).

Кухонная керамика в слоях гибели города, по мнению исследователей, наименее информативная. Формы кухонных сосудов весьма типичны, они, как считал А. Л. Якобсон, сложились ещё в IX–X вв. и практически не изменялись на протяжении долгого времени (Якобсон, 1979. С. 117). Кухонная керамика в средневековом Херсоне представлена небольшим разнообразием изделий различных размеров и простой формы, не имеющих декора на тулове. В рассматриваемом объекте кухонную керамику по цвету черепка условно можно поделить на две группы: коричневоглиняную и сероглиняную.

Первая группа – это тонкостенная коричневоглиняная керамика. Она представлена нижней частью горшка (Рис. 14, 1), а также крупными фрагментами стенок (Рис. 14, 2) и доньями закрытых сосудов (Рис. 14, 3–5).

Группу сероглиняной керамики можно разделить на три подгруппы. Первая подгруппа – тонкостенные лощеные горшки (2 фрагмента венчиков) (Рис. 14, 6–7). Вторая подгруппа – тонкостенные кухонные сосуды с белой (известковой) примесью (Рис. 15). Третья подгруппа имеет более массивные стенки и более отмученную глину, чем сосуды второй подгруппы. К данной подгруппе относится стенка с граффито (Рис. 17, 1), нижний прилеп ручки с отверстием посередине (Рис. 17, 2), венчик с верхним прилепом (Рис. 16, 1), а также венчики (Рис. 16, 2–4, 6) и донья (Рис. 16, 5, 7–11, 17, 3–7).

Поливная керамика – это более ценная и информативная с точки зрения хронологии, по сравнению с неполивной, группа сосудов. Она представлена немногочисленными фрагментами нескольких типов.

Одним из них являются поливные сосуды с подглазурной росписью ангобом (группа 8 (Якобсон, 1979. С. 144), Slip-Painted Ware (Hayes, 1992. Р. 46–47), керамика с росписью ангобом (Залеская, 2011. С. 179–181). Сосуды данного типа являются весьма распространенными и встречаются во многих опубликованных комплексах времени разрушения Херсонеса. По версии Чарльза Моргана, данный тип посуды выпускался в Греции в XIII–XIV вв. (Morgan, 1942. Р. 79–80). Рассматриваемая группа керамики в колодце представлена дном тарелки с концентрическими кругами (Рис. 18, 1) и краем миски с простой профилировкой (Рис. 18, 2).

Вторая группа – белоглиняные поливные сосуды, покрытые монокромной зеленой глазурью, синхронные группе с подглазурной росписью зеленой и марганцевой красками (Glazed White Ware IV

(Hayes, 1992. Р. 30–33), группа 9 Якобсон, 1979. С. 144, 146), керамика с зелено-коричневой бесконтурной росписью (Залесская, 2011. С. 71–94). Данные группы сосудов в слоях разрушения Херсонеса являются одними из самых массовых. Производство группы GWW IV, по мнению Дж. Хейса, осуществлялось в Константинополе, где данная керамика является самой многочисленной (Hayes, 1992. Р. 30–33). В нашем комплексе белоглиняная монокромная поливная керамика представлена исключительно ручкой закрытого сосуда (Рис. 18, 3).

Третья группа поливной керамики из колодца – плоскодонные кувшины с росписью белым ангобом (группа 3 (Зеленко и др., 2012. С. 131–133). Учитывая большую схожесть сосудов, данную группу можно отнести к более крупной группе поливной керамики с подглазурной росписью ангобом или к группе керамики с врезным орнаментом, выполненным по слою ангоба (группа 1 (Якобсон, 1979. С. 120–126), керамика типа «Зевксипп» (Залесская, 2011. С. 147–170). Однако в настоящий момент времени эта группа сосудов большинством исследователей выделяется отдельно. Рассматриваемая керамика на территории Херсонеса весьма редка (Романчук, 2003. Табл. 1, I, 3; 2, 4–6, 29. Рис. 7, 2). Подобная керамика также найдена и в округе Херсонеса (Яшаева, 2005. С. 252–253. Рис. 1, I, 2, 9). Эта керамика характерна в целом для комплексов второй половины XIII – первой половины XIV вв., встречается в городах Северного Причерноморья (Волков, 2005. С. 158–159. Рис. 20, 21), наиболее известна из материалов крушения близ пос. Новый Свет (Waksman, Teslenko, 2010; Waksman and etc., 2009). К этой группе сосудов можно отнести крупный фрагмент стенки, собранной из нескольких фрагментов (Рис. 18, б), и венчик, схожий по глине и глазцевому покрытию со стенкой (Рис. 18, 5).

Последняя группа поливной керамики представлена красноглиняным венчиком закрытого сосуда (кувшина), покрытого глазурью желто-коричневого и коричневого цвета (Рис. 18, 4). Атрибуция данного изделия затруднительна ввиду невыразительности находки.

Группа изделий из металла представлена тремя разными предметами. Первый – прямоугольное свинцовое грузило с одним отверстием наверху, небрежно отлитое, имеются следы деформации (Рис. 19, 3). Второй предмет представляет собой кольцо из медного сплава со множеством небольших углублений, выполненных по всей внешней части корпуса (Рис. 19, 2). Исходя из этого, можно предположить, что это наперсток. Последний предмет представляет изделие круглой формы из железа (Рис. 19, 1). Его точное назначение определить невозможно.

Изделий из стекла всего два экземпляра. Первый из них – дно сосуда (предположительно, стакана) голубовато-зеленоватого оттенка с

«пузырьками» и различными примесями (Рис. 19, 4). Второе изделие – браслет из синего стекла, круглый в сечении (Рис. 19, 5), по типологии З. А. Львовой принадлежит к простейшему технологическому типу (Львова, 1959. С. 308–310). Подобные браслеты довольно часто встречаются в слоях в Херсонесе IX–XIII вв. В слоях разрушения XIII в. аналогичные стеклянные браслеты происходят из раскопок X квартала в северном районе Херсонеса (Голофаст, Рыжов, 2003. С. 221–223). Ещё в советское время была выдвинута идея о Херсоне как об одном из центров стекольного производства в Северном Причерноморье (Кропоткин, 1957. С. 36; Щапова, 1983. С. 118). Однако на данный момент свидетельств о наличии местного производства стеклянных браслетов нет (Голофаст, Мастыкова, 2020. С. 254). Сравнительно недавно были начаты исследования браслетов, найденных в Херсонесе (Лобода и др., 2022; Чугунова, 2021) и Эски-Кермене (Плохов и др., 2020), с использованием химического анализа, но на данный момент устойчивой корреляции между химическим составом и типологией вывести не удаётся.

Единственное изделие из дерева, найденное в колодце, – это ложка (Рис. 19, 7). Для Херсонеса весьма редки находки из дерева: в связи с особенностями почвы и климата предметы из данного материала сохраняются весьма редко, в отличие от памятников Древней Руси. К примеру, в Новгороде уже к 1971 г. было найдено более 650 деревянных ложек (Колчин, 1971. С. 11). Деревообработка, вероятно, не была сильно развита в Херсоне, однако удовлетворяла базовые потребности. В разных слоях пожара были найдены различные инструменты для деревообработки: топоры, тесла, долота и т. д. (Голофаст, 2008. С. 356).

В заполнении объекта присутствовали также кости животных. Единственным изделием из кости является костяная гарда подовальной формы с сужением по краям (Рис. 19, 6). По всей видимости, она была частью небольшого ножа. Исходя из наличия по крайней мере одной косторезной мастерской и находок некоторого количества ремесленных инструментов, а также большого количества однообразных находок из кости (часть из которых была опубликована в работе Романчук (Романчук, 1981), можно предположить, что данное изделие является продуктом местного производства.

В заключение нужно отметить, что публикация других материалов из раскопок «Южного Пригорода» Херсонеса Таврического, краткие результаты которых были представлены также в каталоге выставки, посвященной его раскопкам (Соловьев, 2022), позволит лучше характеризовать жизнь в ближайшей округе Херсонеса. На основании этого и других комплексов из раскопок «Южного Пригорода» сейчас

вполне аргументированно можно утверждать, что за территориями городских стен жизнь после последней четверти XIII в. прекращается вовсе, в отличие от городища, где на небольшой территории (почти не выходящей за пределы портового района) жизнь существовала по крайней мере до середины / второй половины XIV в. (Романчук, 2008. С. 446–447).

Табл. 1. Распределение находок из колодца 19 по слоям

	1 слой (список 188)	2 слой (список 189)	3 слой (список 190)	4 слой (список 195)
Строительная керамика	25	17	124	28
Тарная керамика	40	36	232	51
Кухонная керамика		9	174	4
Столовая керамика	9	4	376	7
Кости	201		16	7
Костяные изделия			1	
Металлические изделия			3	
Стеклянные изделия			2	
Деревянные изделия			1	
Всего	275	66	929	97

Литература

- Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Сб. 7. С. 81–107.
- Белов Г. Д. Херсонес Таврический // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 142–143.
- Власов В. П., Ушаков С. В., Турова Н. П., Байбуртский А. М., Тихомиров В. А., Матросов М. А. Спасательные раскопки на территории Южного Пригорода Херсонеса Таврического в 2021–2022 годах (раскоп № 6) // ИАК. 2022. Вып. XVII. С. 57–102.
- Волков И. В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. 1993. № 1. С. 143–157.
- Волков И. В. Поливная керамика комплекса Кабарди // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 122–159.

- Голофаст Л. А.* Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 345–384.
- Голофаст Л. А.* Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 275–377.
- Голофаст Л. А., Мاستыкова А. В.* Стекланные браслеты из средневековых погребений в Горзувитах (Южный Берег Крыма) // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 244–266.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
- Завадская И. А.* Катастрофа в Херсоне в конце X–XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 456–487.
- Залесская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011. 256 с.
- Зеленко С. М., Тесленко И. Б., Ваксман С. Й.* Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования). // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Збірка наукових праць. Київ: СПД ФОП Чальцев, 2012. С. 129–148.
- Ивашута Л. П.* Неполивная керамика позднесредневекового Херсона. (По материалам раскопок портового квартала) // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 14–22.
- Колчин Б. А.* Новгородские Древности. Резное Дерево. М.: Наука, 1971. 62 с.
- Кропоткин В. В.* О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 35–43.
- Лобода А. Ю., Хайрединова Э. А., Исмагулов А. М.* Браслеты из синего стекла городища Эски-Кермен // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами: Материалы Всероссийской научной конференции, Симферополь, 05–07 октября 2022 года. Симферополь: «Антиква», 2022. С. 82–86.
- Львова З. А.* Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской экспедиции. Том II. / МИА. 1959. № 75. С. 307–332.
- Масловский А. Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАИАНД в 2004 г. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. № 21. С. 308–473.
- Мыц В. Л.* Завоевания поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII вв. // Рах Mongolica и Евразийские потрясения XIII–XIV вв. / Stratum plus. 2016. № 6. С. 69–106.
- Мыц В. Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 233–238.
- Плохов А. В., Новоселова Н. Ю., Егорьков А. Н.* Стекланные браслеты византийского Херсона: морфология и химический состав (по материалам раскопок 2018 г.) // Международная научная конференция памяти Ю. Л. Щаповой. М.: ИНФРА-М, 2020. 87 с.

- Романчук А. И.* Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. 1981. Вып. 18. С. 84–105.
- Романчук А. И.* «Слой разрушения X в.» в Херсонесе (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира) // ВВ. 1989. Том 50. С. 182–188.
- Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 390 с.
- Романчук А. И.* Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. 224 с.
- Романчук А. И.* Находки в Херсонесе из слоев пожара XIII в. // ВВ. 2004. Том 63. С. 158–166.
- Романчук А. И.* Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонесе: местное производство и импорт // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 93–109.
- Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2: Византийский город Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2008. 623 с.
- Романчук А. И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 170 с.
- Седикова Л. В.* Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 402–458.
- Соловьев С. Л.* (ред.). Сокровища Южного пригорода Херсонеса Таврического Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2022. 36 с.
- Тесленко И. Б.* Археологические комплексы и керамические находки XII–XIII вв. из раскопок средневекового Партенита (по материалам исследований 1985–1988 гг.) // ИАК. 2020. Вып. XII. С. 269–290.
- Ушаков С. В.* Поливная керамика из комплексов XIII в. северо-восточного района Херсонеса (квартал XCVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 70–92.
- Ушаков С. В., Байбуртский А. М.* О финальной истории византийского Херсона и его взаимоотношениях с золотой Ордой (на примере археологических комплексов второй половины XIII в. в северо-восточном районе города) // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 309–313.
- Ушаков С. В., Байбуртский А. М.* Средневековый Херсонес в второй половине XIII в.: город, поселок, торговый пункт? // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 264–273.
- Фирсов Л. В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск: Наука, 1976. 222 с.
- Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI века). Симферополь: Н. Оріанда, 2016. 572 с.
- Чугунова К. С.* Декор стеклянных браслетов из Херсонеса Таврического (предварительные результаты) // Стекло: наука и практика (GlasSP2021):

сборник тезисов Третьей Российской конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 13–17 сентября 2021 года. СПб.: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2021. С. 183–185.

Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М.: Изд-во Московского университета, 1983. 200 с.

Якобсон А. Я. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 258 с.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

Яшаева Т. Ю. Поливная керамика из загородных пещерных монастырей Херсона// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 247–256.

Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques / Thèse de doctorat. Paris: L'Université de Paris, 1990. 319 p.

Hayes J. W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Oxford: Princeton University Press, 1992. 455 p.

Morgan Ch. The byzantine pottery / Corinth. Vol. XI. Results of the Excavations Conducted By the American School of Classical Studies at Athens. Cambridge: Harvard University Press, 1942. 343 p.

Waksman S. Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology. 2010. Vol. 39.2. P. 357–375.

Waksman S. Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Svet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis // Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marzo de 2006. T. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arceología Medieval, 2009. P. 851–856.

Рис. 1. 1 – Месторасположение ОКН «Южный пригород Херсонеса Таврического» на карте
2. – Общий план ОКН «Южный пригород Херсонеса Таврического» 3 – Общий план раскопа 12.

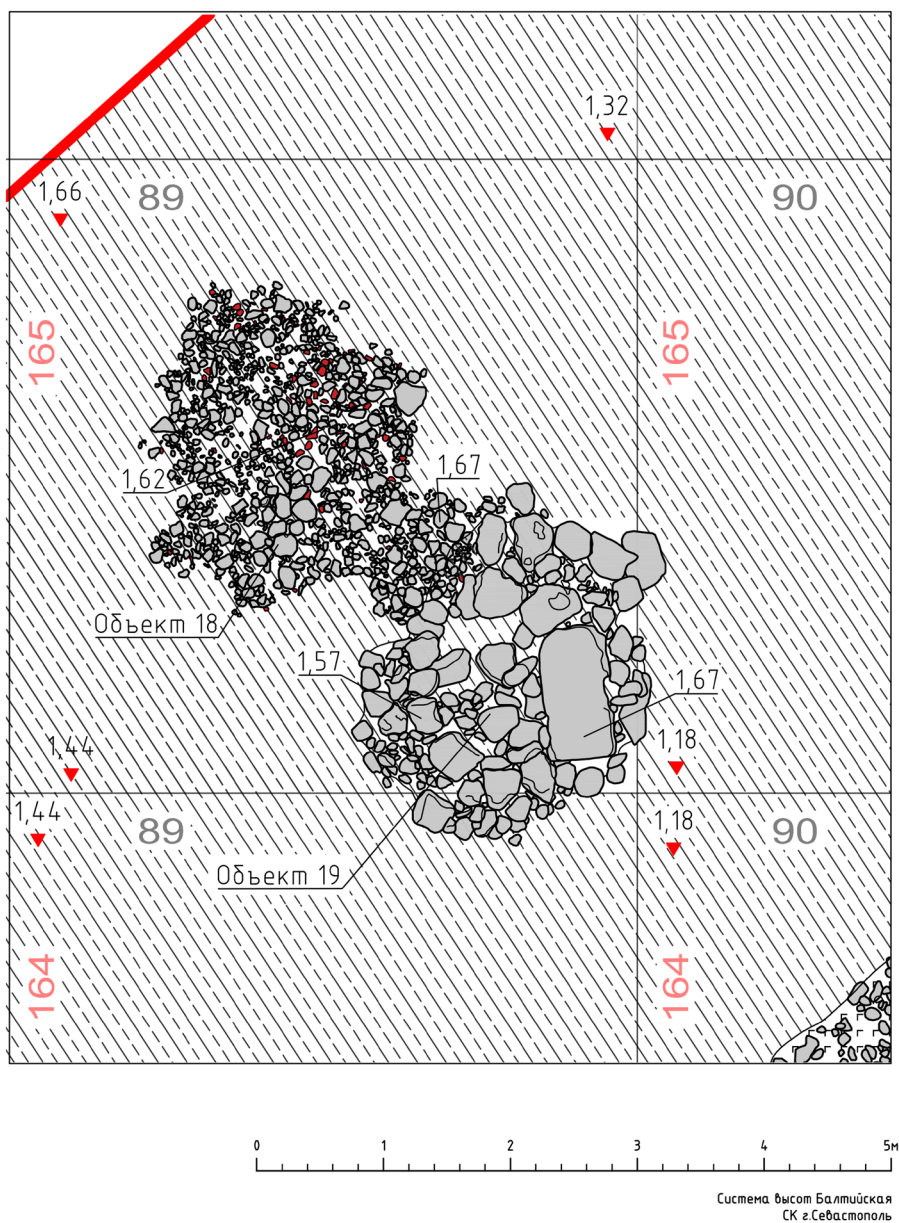
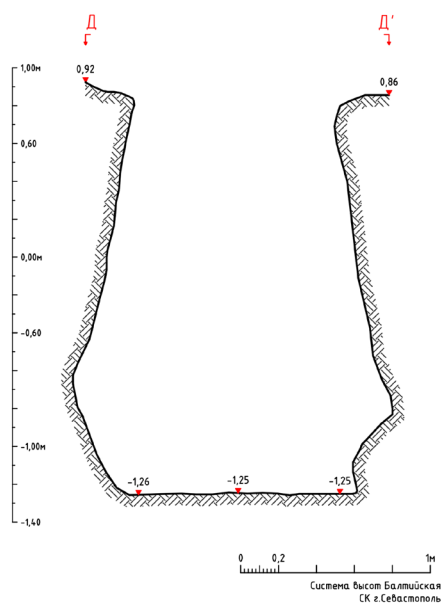

Рис. 2. Общий план объектов 18, 19 раскопа 12.

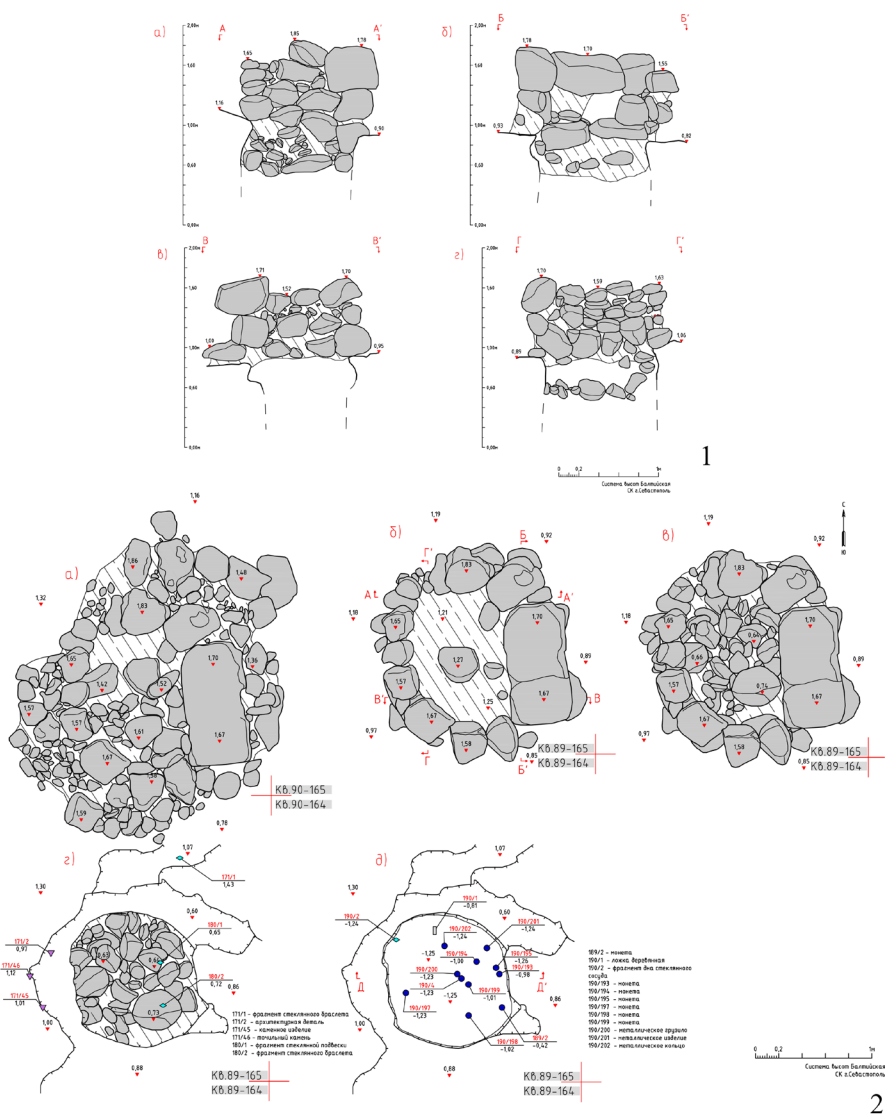

1

2

Рис. 3. 1 – Общее фото объектов 18, 19 раскопа 12 вид с северо-запада.
2 – Разрез колодца 19.

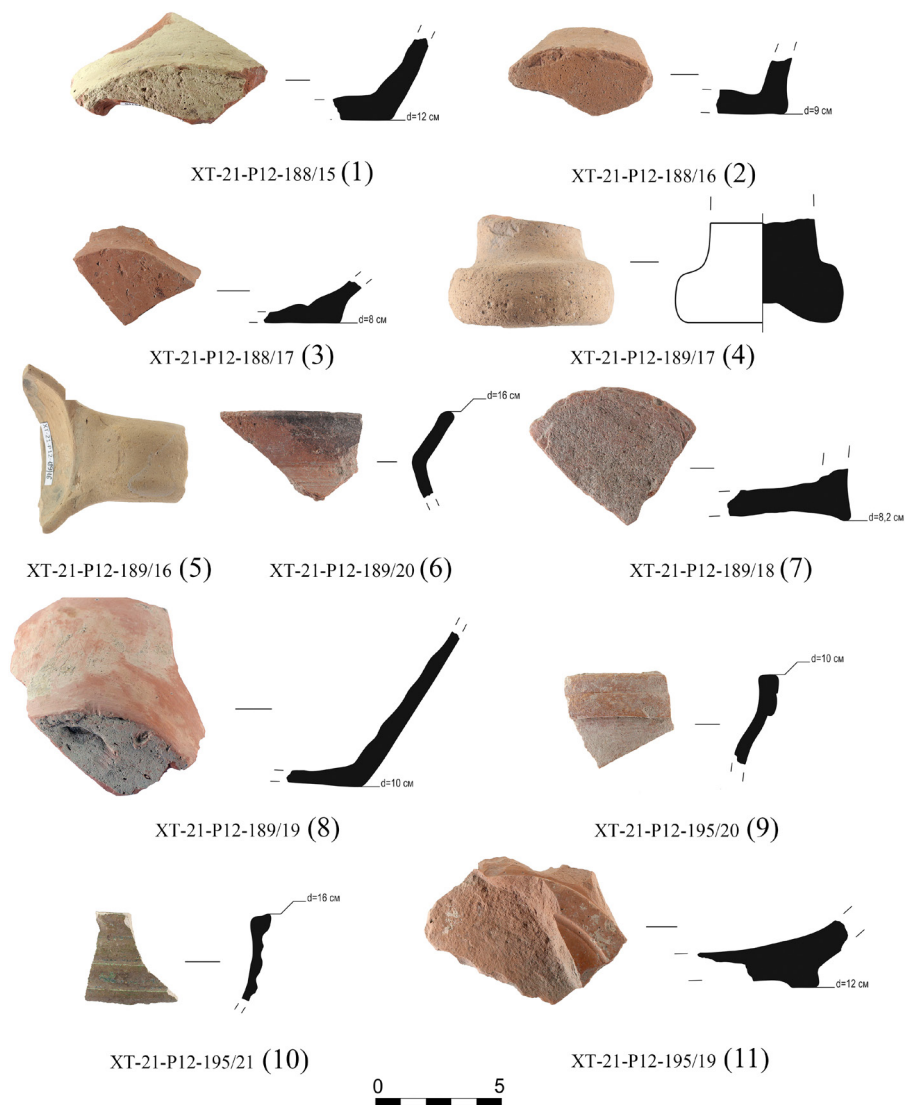

Рис 5. 1-3 – Заполнение 1 слоя. 4-8 – Заполнение 2 слоя.
9-11 – Заполнение 4 слоя.

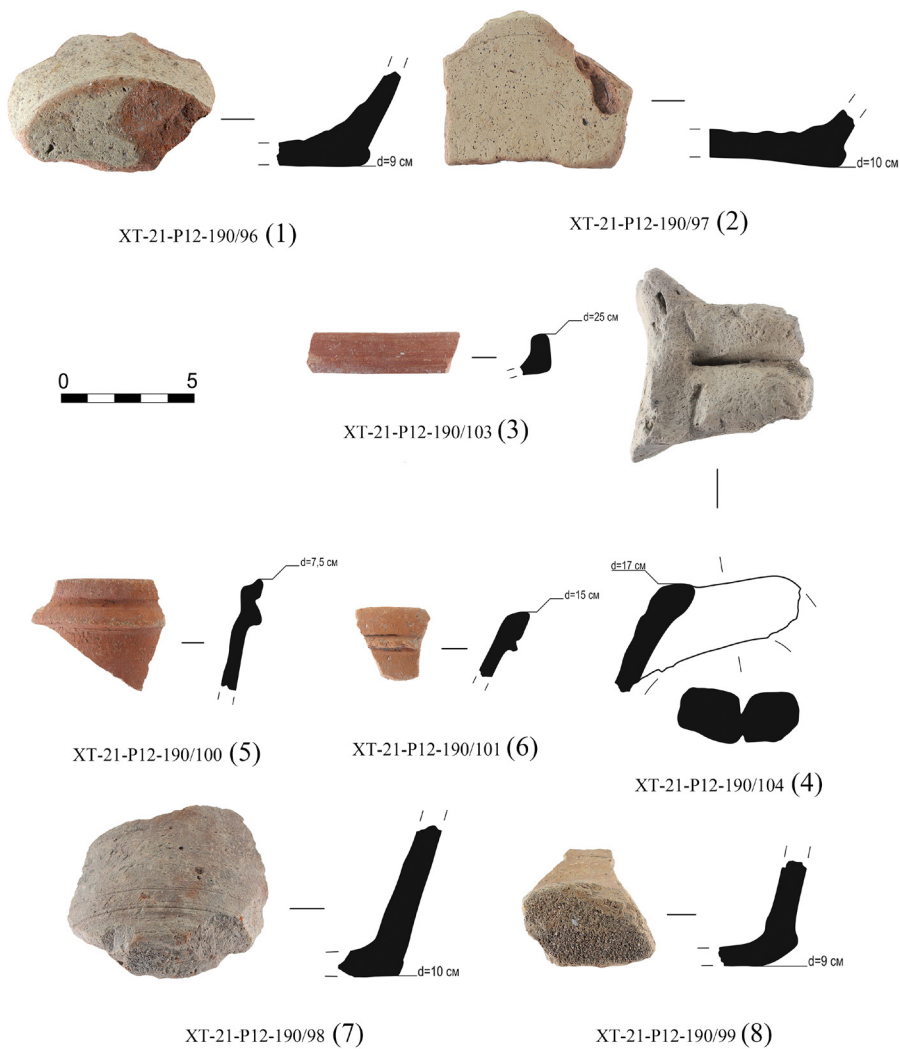

Рис 6. «Ранняя примесь» из 3 слоя. 1-2 – античная. 3-4 – римская. 5-8 – средневековая.

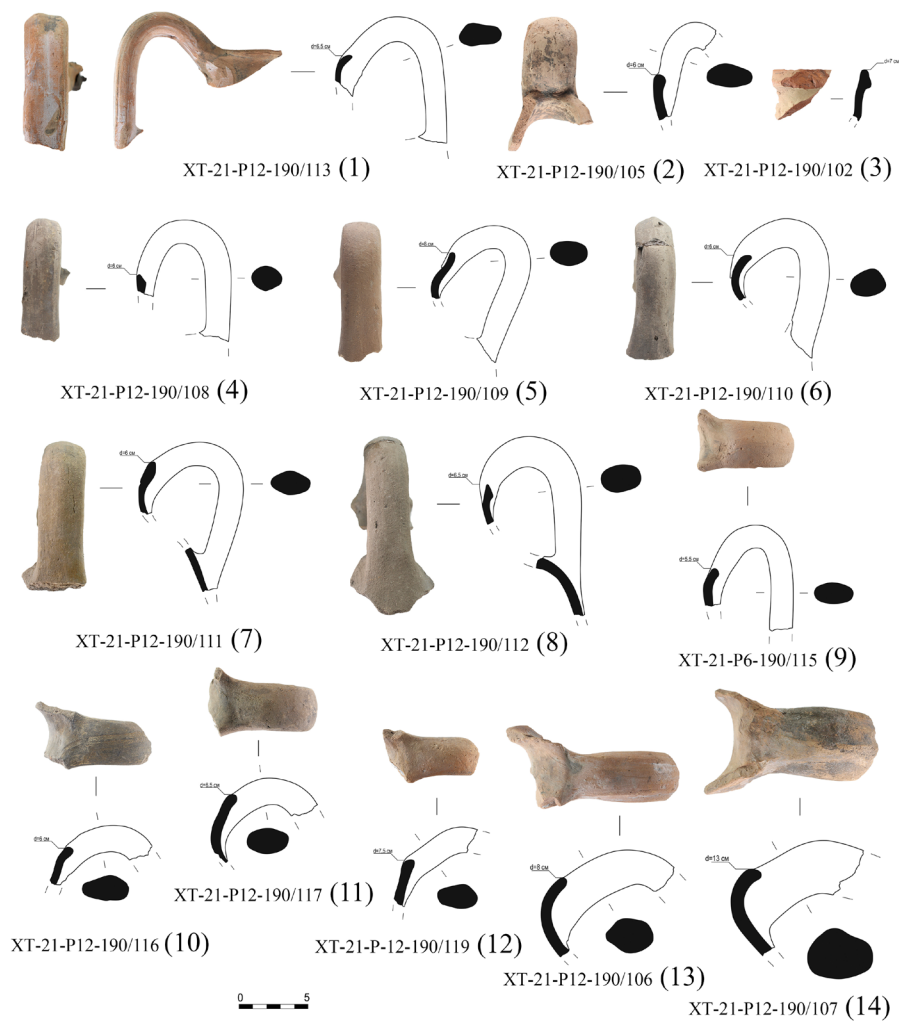

Рис 7. Тарная керамика из 3 слоя.

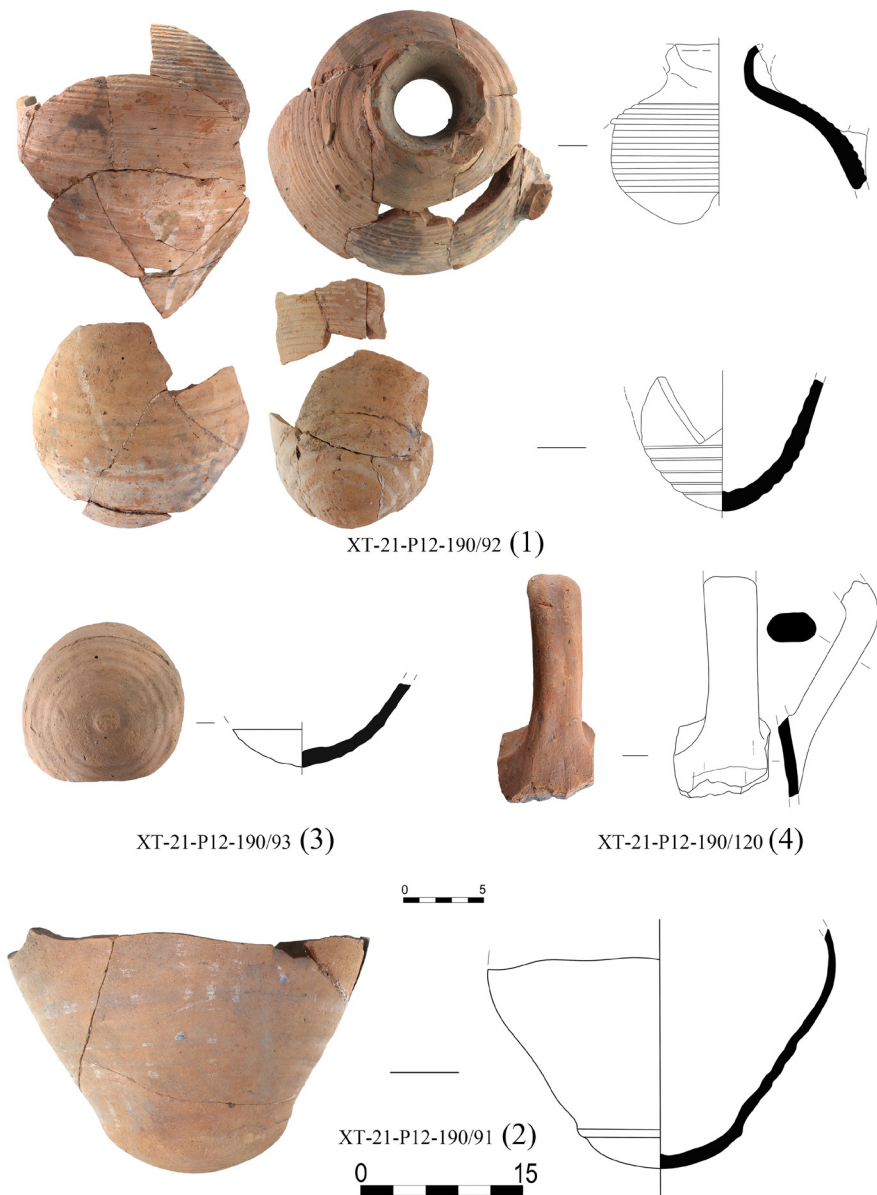

Рис 8. Тарная керамика из 3 слоя.

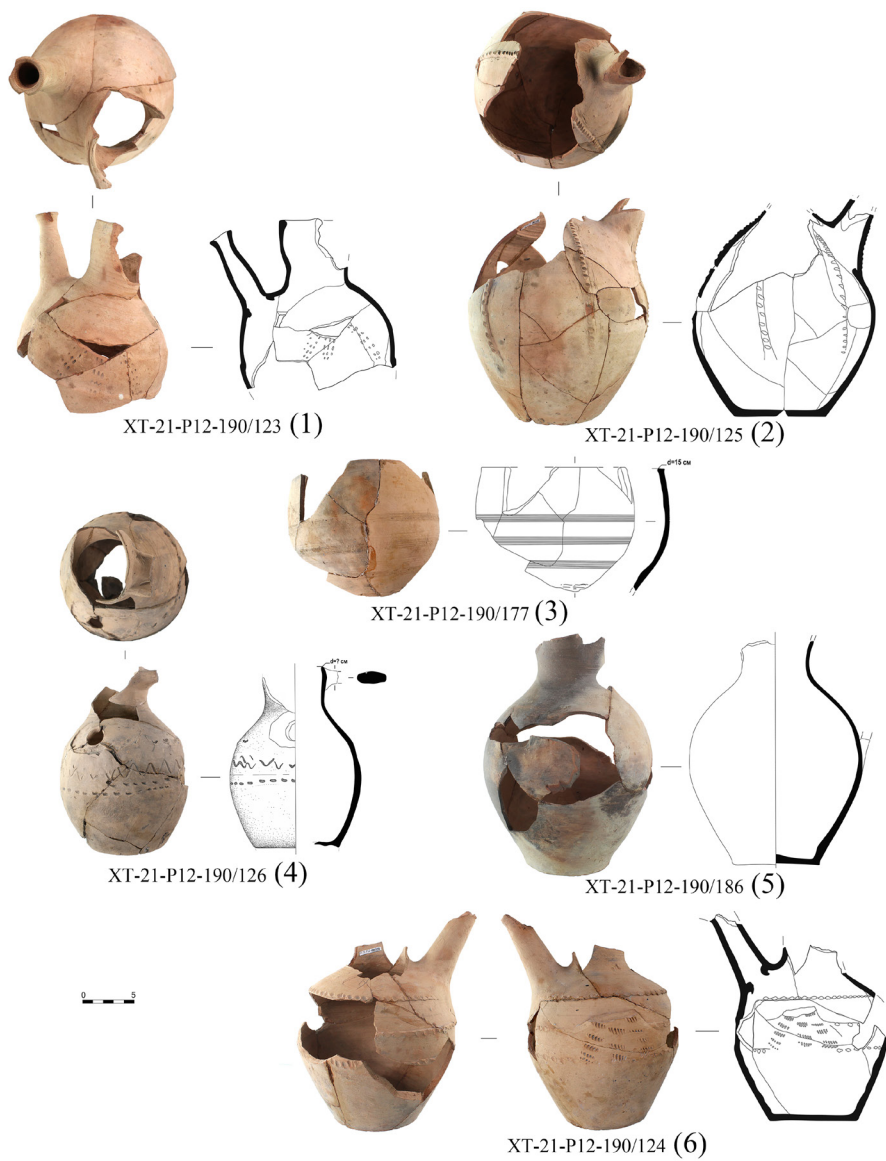

Рис 9. Неполивная столовая керамика из 3 слоя.

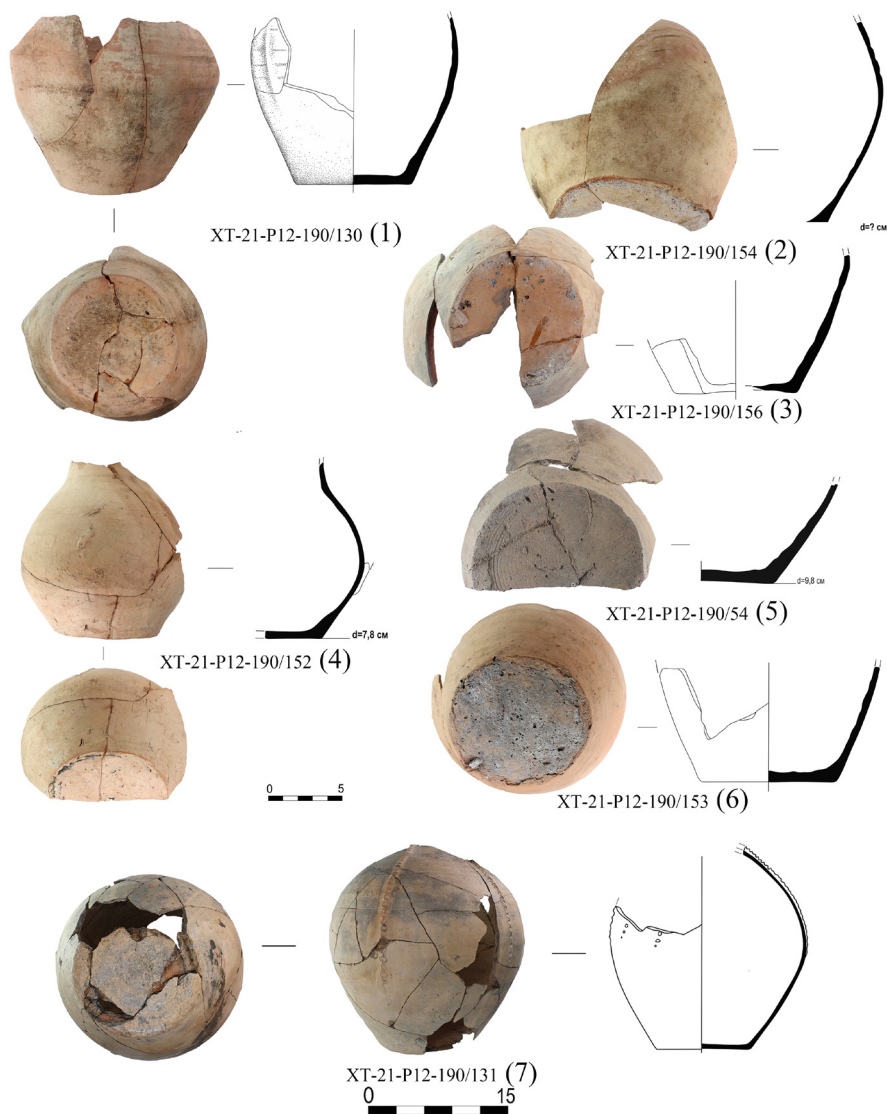

Рис 10. Неполированная столовая керамика из 3 слоя.

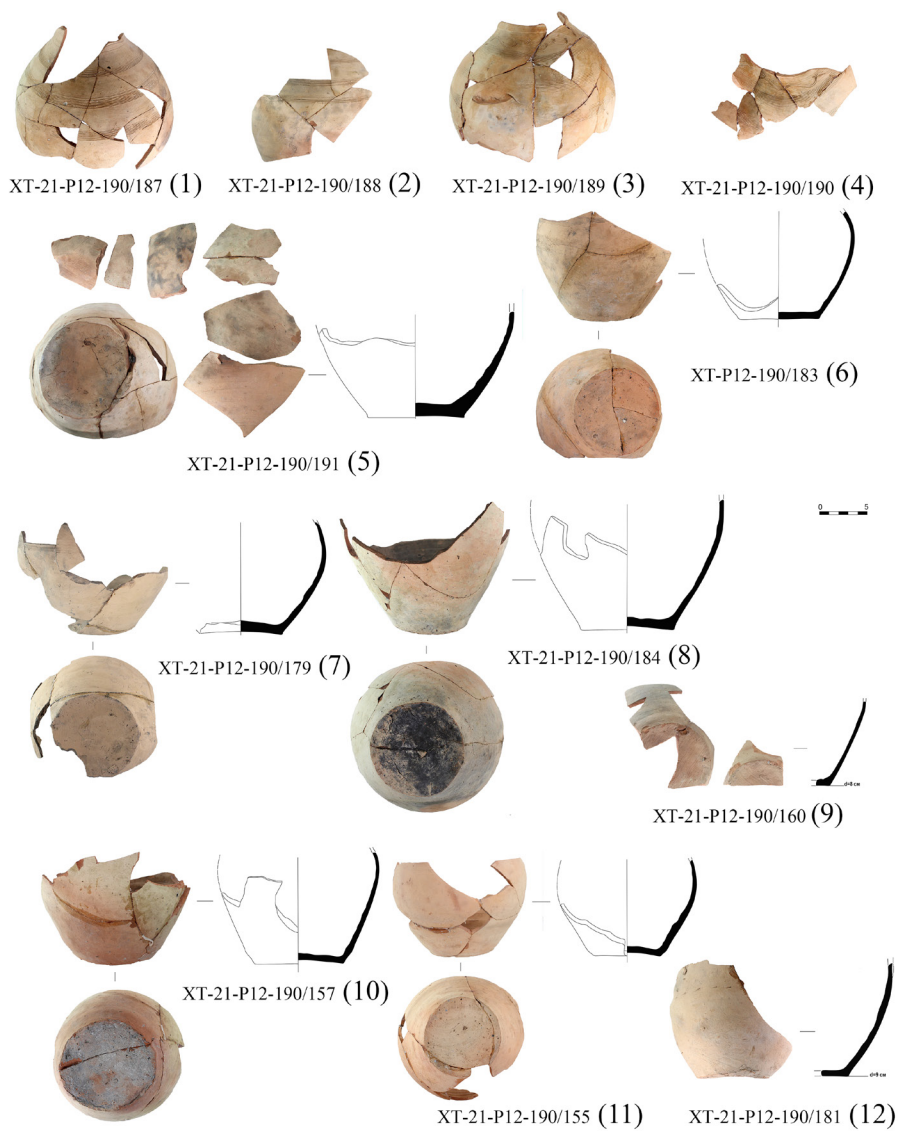

Рис 11. Неполированная столовая керамика из 3 слоя.

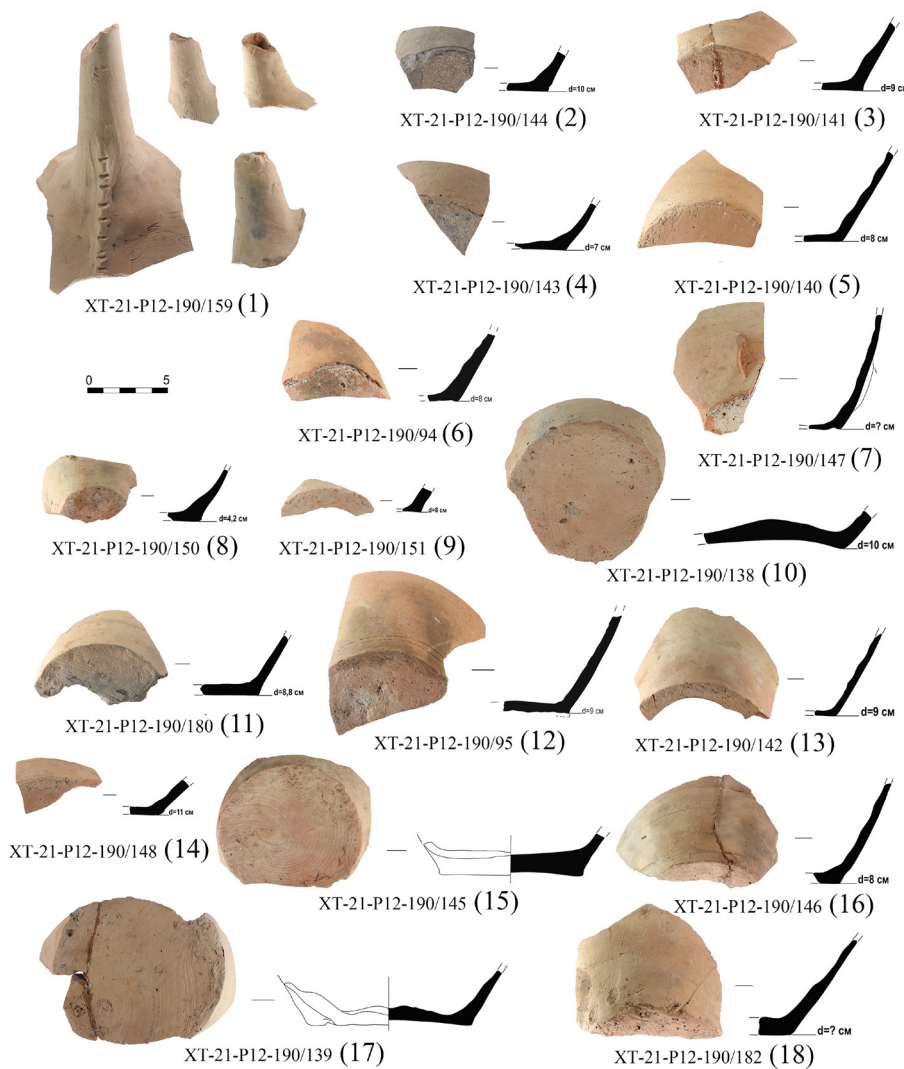

Рис 12. Неполивная столовая керамика из 3 слоя.

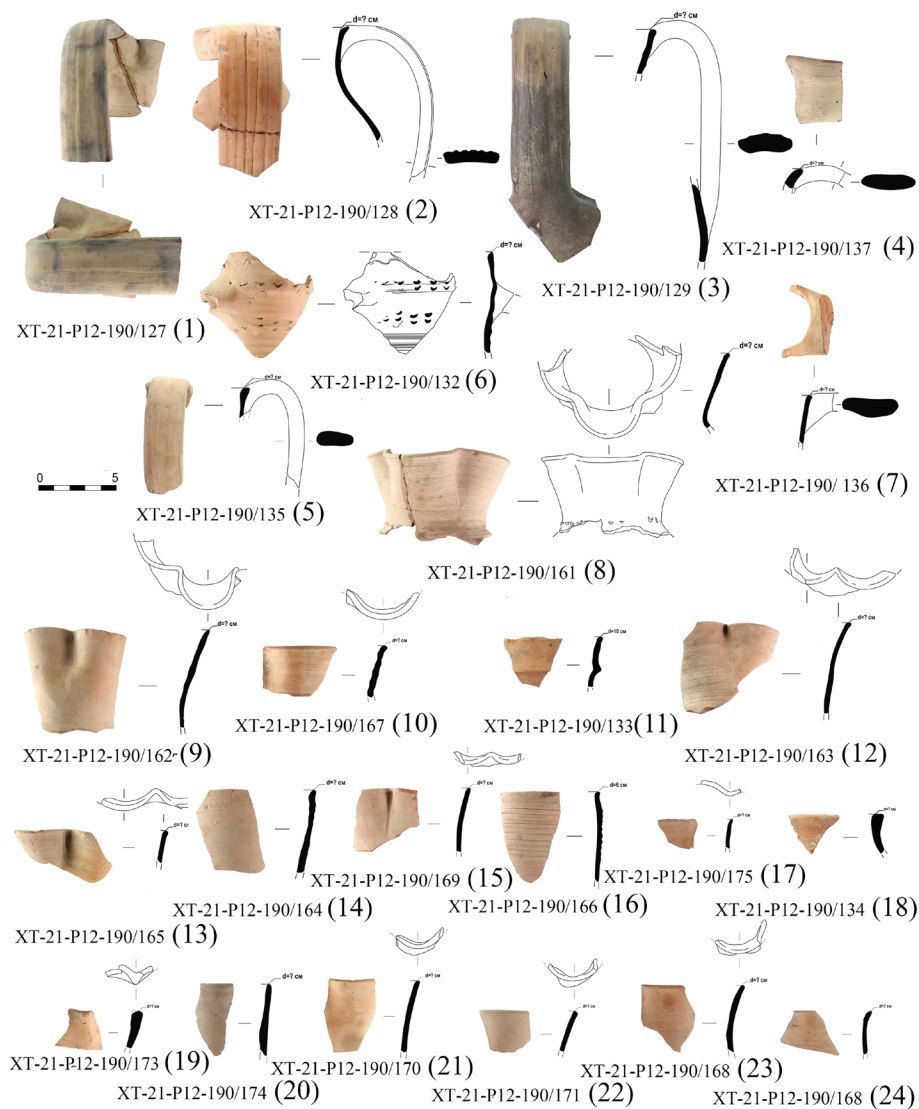

Рис 13. Неполивная столовая керамика из 3 слоя.

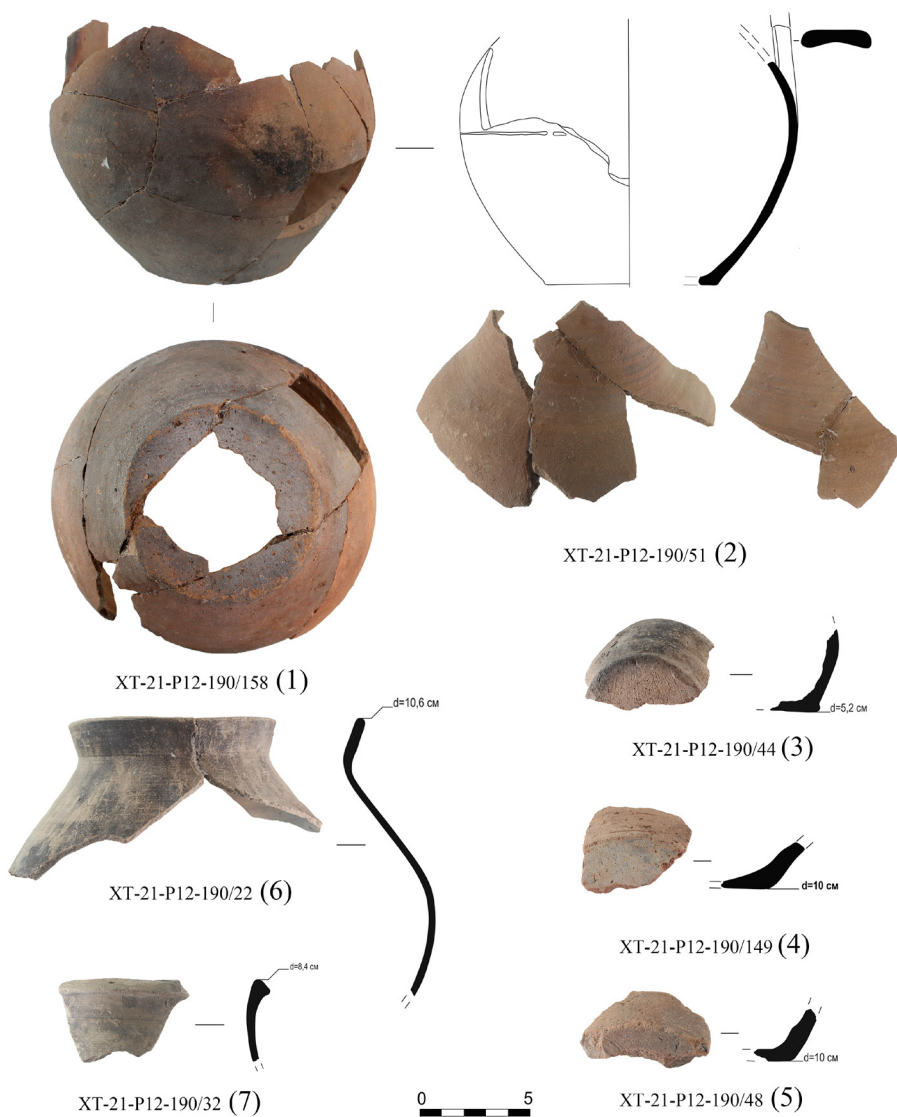

Рис 14. Кухонная керамика из 3 слоя.

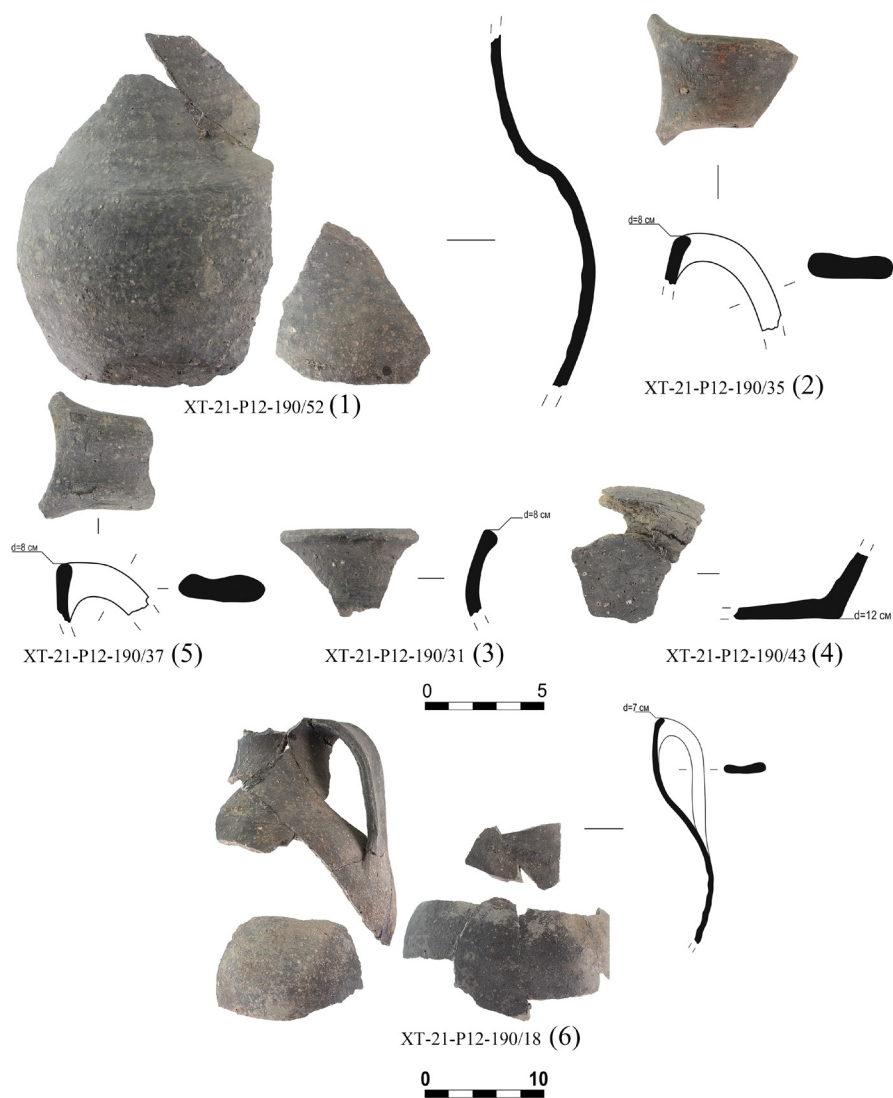

Рис 15. Кухонная керамика из 3 слоя.

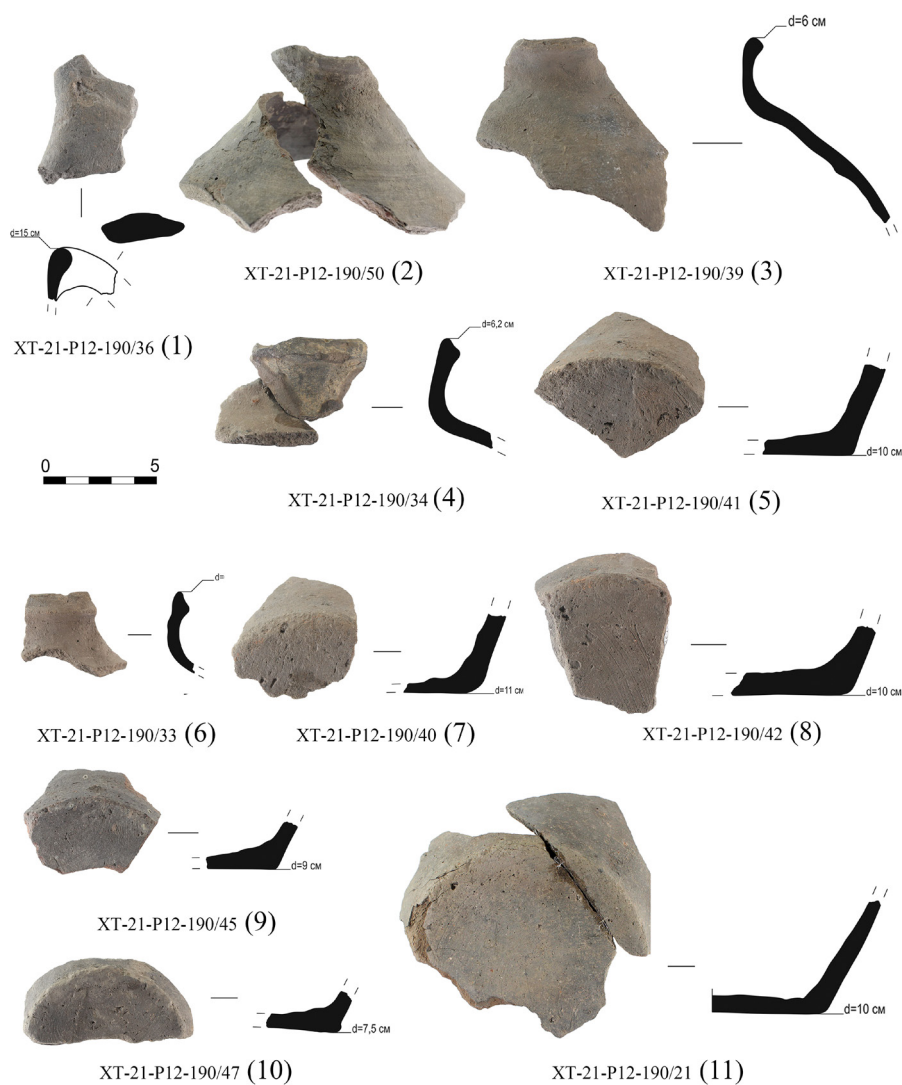

Рис 16. Кухонная керамика из 3 слоя.

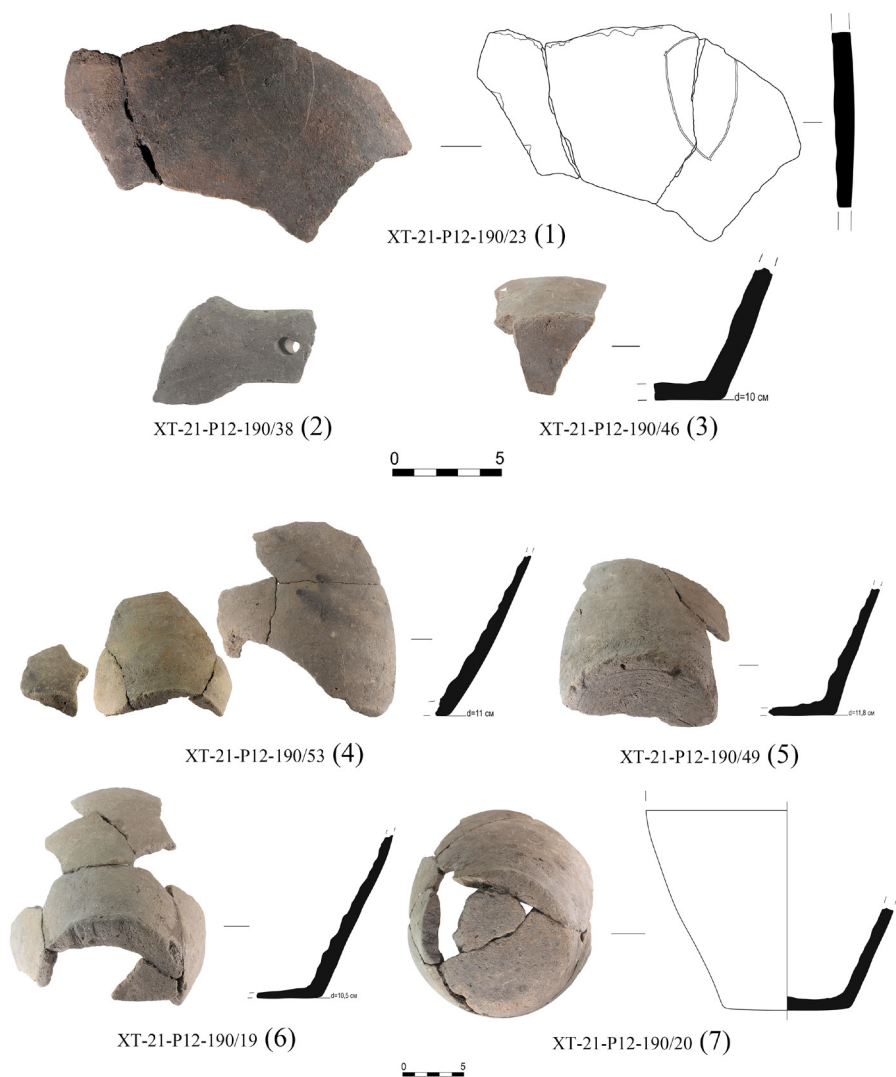

Рис 17. Кухонная керамика из 3 слоя.

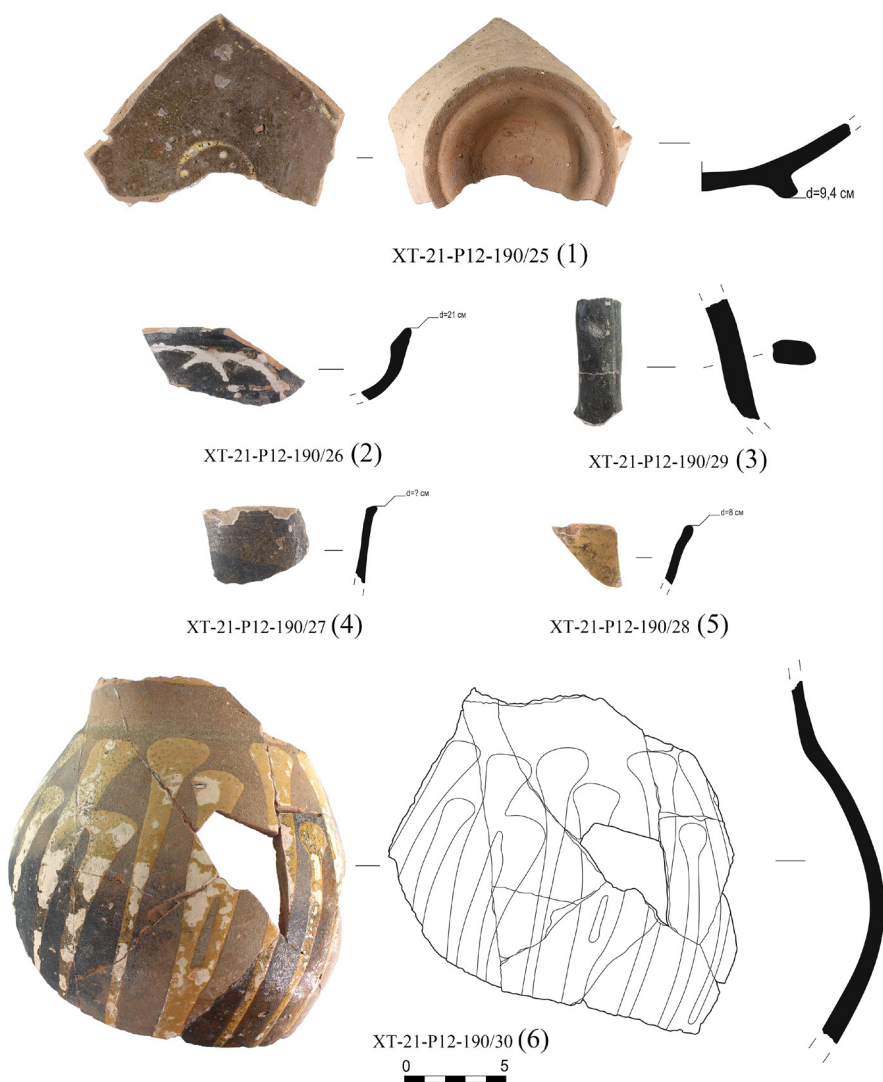

Рис 18. Кухонная керамика из 3 слоя.

Рис 19. Индивидуальные находки из 3 слоя.

M. L. Tsymbal, E. S. Berdnik

**THE COMPLEX OF FINDS FROM WELL NO. 2,
EXCAVATION TRENCH 12 IN THE «SOUTHERN SUBURB»
OF CHERSONESOS TAURICA**

Abstract: the article presents a set of finds originating from the excavations of a conditionally closed complex – a well filled up in the last quarter of the 13th century on the territory of the Southern Suburb of Tauric Chersonesos. The complex includes a set of ceramics typical for similar complexes: the containers are represented by local and imported groups, the dining and kitchen ceramics – by local production, the glazed ceramic is exclusively imported. It is complemented by individual finds: a wooden spoon, a knife guard made of bone, glass and metal products. Based on the dating of this and other complexes, the authors conclude that the termination of any activity on the territory of the nearest district of Chersonesos in the last quarter of the 13th century.

Keywords: Chersonese, fire layer of the 13th century, Byzantine Cherson of the 12th–13th centuries, archaeological complex, amphorae, glazed ceramics

Е. И. Нарожный

ЧЕТЫРЕ ПОГРЕБЕНИЯ КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV ВВ. С ПРЕДМЕТАМИ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА

Резюме: публикация вводит в научный оборот четыре каменных ящика XIII–XIV вв. Все они содержат в своем погребальном инвентаре различные предметы христианского культа. Это три женских погребения с иконкой с изображением на ней конного Георгия, копьем поражающего змия, амулетом-змеевиком, двусторчатым энколпионом с парными медальонами на концах. Особняком выглядит захоронение с железным кованым крестом, какие обычно использовались в литургии. Первые три образца рассматриваются не как свидетельства прямолинейного воздействия каких-либо христианских центров региона на население высокогорья Ингушетии. Они, вероятно, являются предметами, занесенными в горы русскими и аланскими мигрантами с территорий золотоордынских владений в предгорьях и в равнинной зоне Северного Кавказа. Погребение с железным крестом – захоронение взрослого мужчины, по мнению С. Н. Савенко, скорее всего являлось погребением священнослужителя, связанного с церковной литургией. Наличие в захоронениях предметов христианского культа, соседствующих с древесными угольками и с наборами из предметов повседневного обихода горцев Восточного Придарьяля, вполне объяснимо. Как полагают многие современные исследователи – это является одним из ярких проявлений т.н. «этнизованного христианства». Такой характеристике созвучно и впечатление католического «брата Журдена» (XIV в.) о горах из округи, прилегающей к Дербенту. *«Горцы тех мест, – писал Журден, – на кресте приносят в жертву овец, и делают это люди, называющие себя христианами...»*

Ключевые слова: Восточное Придарьялье, Келийский могильник, этнизованное христианство, иконка с конным Георгием, змеевик, энколпион с парными медальонами на концах, византийский (кавказско-византийский) клепаный крест, северокавказско-грузинские отношения, Золотая Орда и государство Ильханов

В 1987–1988 гг., в ходе проведения охранно-спасательных археологических исследований на одном из участков подъездной автодороги к планировавшемуся тоннелю под Главным Кавказским хребтом под строительство Кавказской перевальной железной дороги, строителями был задет и частично разрушен Келийский могильник (Нарожный, Нарожный, 2011а. С. 29–35; Нарожный, 2012; Нарожный,

Мамаев, 2018. С. 270–280). В ходе спасательных исследований участка некрополя под полотном автодороги были изучены каменные ящики с индивидуальными и коллективными захоронениями в них, длинными осями ящики вытянуты с запада на восток. Скелеты в них ориентированы черепом на запад. В ряде случаев поверх перекрытий каменных ящиков были исследованы грунтовые захоронения с коллективными, преднамеренно и компактно «сложенными» в груды у восточной или западной оконечностей каменных ящиков, вперемешку с погребальным инвентарем. Нередко обильные наборы таких предметов, почти 300 исследованных захоронений в которых, вместе с коллективными захоронениями 11-ти полуподземных склепов (1987–1988 гг.) содержались останки не менее 1 тыс. индивидуумов разной сохранности (Нарожный, 2004. С. 358–359; Кочкаров, Мамаев, Нарожный, Нарожный, 2021. С. 940, прим. 4). Они были датированы в основном по нумизматическим находкам XIII–XIV вв. (Виноградов, Нарожный, 1988. С. 44–46; Нарожный, Нарожная, 2011. С. 190–196; Они же. 2012. С. 66–73).

Келийский могильник дал не только массовый, но и выразительный археологический материал, из которого в научный оборот введены предметы из разрушенных захоронений (Мужухоев, 1989. С. 6–15; Нарожный, Нарожный, 2015. С. 169–176) и несколько захоронений – погребения №№ 1–12 (Нарожный, 1991. С. 50–52; Виноградов, Нарожный, 1994. С. 69–91), № 15 (Нарожный, Нарожный, Чахкиев, 2005. С. 291–304), № 32 раскопа II (Савенко, 2017. С. 104–117), № 33 из раскопа М. Б. Мужухоева (Мужухоев, Нарожный, Чахкиев, 2017. С. 177–185), (Нарожный, Нарожный, 2012б. С. 173–183), № 84 (Нарожный, Нарожный, 2012а. С. 182–196), № 90 (Нарожный, 1991. С. 52–54), №121 (Кочкаров, Мамев, Нарожный, Нарожный, 2021. С. 938–956), №№ 132, 183, 220 (Нарожный, Нарожный, Чахкиев, 2017. С. 167–177). Кроме того в научный оборот были введены раскопочные материалы из нескольких полуподземных склепов (Нарожный, Мамев, Чахкиев, Даутова, 1990. С. 39–79) и одного, т. н. «скального» погребения Келийского некрополя (Нарожный, 1996. С. 34–36). Наряду с этим был предпринят и анализ антропологического материала отсюда (Герасимова, 2006. С. 53–55). В совокупности весь раскопочный материал создает множество прецедентов для их использования при исследовании самых различных сторон повседневного бытия средневекового горского общества этого времени, системы их конфессиональных воззрений, как и реконструкции характера и географии их взаимоотношений с окружающим миром.

Келийский могильник располагается в Горно-Ассинской котловине, практически у подножия скалистого хребта Цей-Лам. Участок под

могильное поле предварительно был явно расчищен от крупных и массивных монолитных глыб, периодически сваливавшихся с вершины хребта вниз. В иных случаях, когда такие глыбы было невозможно убрать из-за их гигантских размеров, под ними были устроены котлованы с обкладкой стен камнями и были устроены полуподземные склепы (*Нарожный, Мамев, Чахкиев, Даутова*, 1990. С. 15–17; *Савенко*, 2017. С. 105–107; *Кочкаров, Мамев, Нарожный, Нарожный*, 2021. С. 942, прим. 7). Вдоль склепов, между ними и некрополем фиксируются остатки сохранившихся участков некогда благоустроенной дороги, соединяющей ущелья р. Армхи в Джейраховском ущелье и ущельем р. Ассы с противоположной стороны котловины. Дорога со стороны склона укреплена валунами и с горизонтально выложенным камнями полотном, шириной для проезда повозки.

У визуальной фиксируемой на склоне верхней границы могильного поля находился массивный каменный крест, заметно склоненный в направлении южной стороны, т.е., по склону. Чуть выше его средокрестия верхняя часть креста была отбита, вероятно, вследствие попадания крупного валуна во время камнепада (?). Ниже и к западу от этого креста находился еще один хорошо обработанный камень высотой сохранившейся части более 1 м, почти «лежавший» на земле. Он с явно отбитой под углом верхней частью. Вероятно, судя по тщательной его обработке, аналогичной обработке выше отмеченного креста – это был такой же крест, первоначально установленный в верхней части могильника, но у которого после предполагаемого камнепада была разбита верхняя часть, и камень был сильно склонен к земле, что и заставило поставить новый крест, отмечавшийся выше.

Еще один, уже третий по счету каменный крест – из белого песчаника, со слегка расширяющимися тремя, верхним и двумя боковыми концами (отбита часть креста чуть ниже его средокрестия). По внешней поверхности этого креста, с лицевой и тыльной его сторон, слегка выбранные узкие полосы, чередующиеся с параллельными, слабо рельефными линиями. Этот крест неопубликован, находился в средней части одной из длинных стенок каменного ящика на раскопе М. Б. Мужухоева.

Выше перечисленный список уже опубликованных захоронений Келийского могильника большей частью представляет собой перечень захоронения, в основном, горских воинов. Лишь в нескольких из них – погребения №№ 9, 32, 90 и 242 – погребения с предметами христианского культа в инвентаре погребенных, из них часть погребений (№№ 9, 90 и 32), с разной степенью полноты ранее уже рассматривались. Представляется, что сегодня они нуждаются не только в некоторых

дополнениях и уточнениях, но и в полной и совместной их публикации. Тем более, что в впервые в научный оборот вводится погребение № 242 (Рис. 3), из инвентаря которого давно и хорошо известен только энколпион (Виноградов, Нарожный, Голованова, 1990. С. 5–17; Нарожный, 2022б. С. 175–200), неоднократно привлекавший к себе внимание специалистов (Цуциев, 2017а. С. 179–183; Он же. 2017б. С. 233– 242; Чхаидзе, 2018. С. 127–133).

Погребения №№ 9 (Рис. 1) и 90 (Рис. 2) – каменные ящики, сложенные из грубо отесанных песчаниковых и сланцевых плит, поставленных на ребро, без использования связующего раствора. Сверху ящики покрыты такими же плитами, положенными горизонтально поверх и поперек ящиков (Рис. 1, 1, 2, 1). Внутри каждого из них расчищены останки индивидуальных, в обоих случаях женских захоронения разной степени сохранности (Рис. 1, 2, 2, 2). Скелеты уложены вытянуто на спине, ориентированы головами на запад (Рис. 1, 2, 2, 2). Погребения сопровождалась инвентарем.

В погребении № 9 инвентарь представлен: бронзовой пуговицей-бубенчиком с проволочной петлей (Рис. 1, 3), находившейся к югу от нижней (несохранившейся) челюсти (Рис.1, 2–3); два фрагмента бронзового браслета плоско-выпуклой формы в сечении (Рис.1, 4), отмеченного поверх лучевой кости правой руки (Рис. 1, 2–4). Две бусины с «глазами» в виде вписанных друг в друга окружностей (Рис. 1, 5–6), отмеченных в нижней части живота (Рис.1, 2, 5–6). Железный черешковый нож (Рис. 1, 7) с сильно сработанным и вогнутым лезвием. Находился южнее правого тазобедренного сустава (Рис. 1, 2–7). Западнее несохранившегося черепа находился светлоглиняный тонкостенный сосуд-кружка на невысоком поддоне и с ручкой, возвышающейся над горловиной. (Рис. 1, 1); сосудик звонкого обжига, без заметных примесей в тесте, полного прокала. Относится к числу относительно редких (импорт–?) для инвентаря захоронений Келийского могильника сосудов.

Иконка из оловянистой бронзы или оловянисто-свинцового сплава с изображением конного Георгия, копьем убивающего змия под копытами коня (Рис. 1, 2). Находилась в районе низа несохранившегося подбородка (Рис. 1, 2).

Погребальный инвентарь, за исключением иконки и глиняного сосуда – вполне типичные предметы, характерные для погребального инвентаря абсолютного большинства захоронений, совершенных в каменных ящиках, грунтовых погребениях и в склепах Келийского могильника. На их фоне закономерный интерес представляют керамический сосуд и иконка.

Кружка из погребения 9 принадлежит к числу немногочисленных гончарных изделий из материалов Келийского могильника. Некоторые

из таких же керамических находок из других погребений могильника со следами декора по внешней поверхности тулова, нанесенного раскраской органическими красителями. Такие находки близки или даже тождественны образцам из погребального инвентаря, например, могильника Накалакари в Восточной Грузии (*Джорбенадзе*, 1992. С. 12. Табл. II, 31–32), являющегося, как считается, некрополем средневекового города-крепости Жинвали (ныне затоплено Жинвальским водохранилищем). Этот закавказский город по отношению к Восточному Придарию с Келийским могильником, находился по другую, противоположную (грузинскую) сторону Дарьяльского горного прохода. «Выгодное стратегическое положение» Жинвали *«способствовало укреплению связей равнин Восточной Грузии с горными районами, а также с Северным Кавказом ...»* (*Джорбенадзе, Маргелашвили, Рчеулишвили*, 1985. С. 22). В связи с чем ныне заманчиво рассматривать интересующую нас не только керамическую кружку из погребения № 9 Келийского могильника, но и другие керамические изделия закавказского «облика» отсюда, как импортную, возможно даже, Жинвальского (?) производства, попадавшую сюда в результате прямых торгово-обменных и иных экономических связей между населением высокогорной зоны Ингушетии с населением средневекового Жинвали и его округи. Кружка из погребения 9 ставит вопрос не только о реальности таких связей, но и об условиях, в рамках которых такие и не только такие предметы материальной культуры могли распространяться с территории соседней Грузии в горы Восточного Придарию.

Объяснение подобного оборота сводят к тому, что население Грузии и Северного Кавказа издавна имело регулярные, продуктивные и взаимовыгодные отношения. Не мешало им сохраняться и после включения Грузии в систему политико-экономической зависимости от Ильханов Ирана. В то же время высокогорная Ингушетия, как считается, не входила в зону прямого политико-экономического диктата Золотой Орды, оказавшись сохраняя при этом давние и традиционные связи между ней и населением Грузии. Это *объективно* делало ее население, фактически, союзником Ильханов, сохраняя связи и отношения с Грузией. При этом обратим внимание на точку зрения В.А. Кузнецова: комментируя находки черепиц с грузинскими надписями на них, происходящих из раскопок одного из христианских храмов городища «Верхний Джулат», кавказовед отметил: черепица с грузинскими надписями из раскопок этой церкви вряд ли привозилась из Грузии через горные перевалы. *«Ее делали на месте (на «Верхнем Джулате») – Е.Н.) грузинские мастера черепичники»* (*Кузнецов*, 2014. С.80). В этих условиях приток разнообразных «грузинских импортов» не только в горы, но и прилегающие к ним

предгорные пределы Восточного Придарьяля, и включая и округу «Верхнего Джулата». Между тем, значительно более благоприятные условия для подобной и более значительной активизации разнообразных взаимоотношений складываются после открытия Дарьяльского горного прохода во времена правления в Золотой Орде хана Джанибека и его похода (1356–1357 гг.) на территорию Хулагуидского Ирана и союзников Ильханов. Поход и сопровождавшие его завоевания привдят хотя и к кратковременному, но заметному расширению территории владений Джучидов, увеличившихся за счет части государства Ильханов (*Грачев*, 2011. С. 47–58). В результате этого удачного вторжения Золотая Орда присоединила к своим владениям Азербайджан и довольно обширную область южнее Куры с городами Ардебиль, Тебриз, Маранд и др. (*Тизенгаузен*, 1941. С. 94–96), Включение в эти пределы и территории Грузии подтверждается не только лаконичными сведениями письменных источников, но и нумизматическим материалом, например, монетами XIV в., часть из которых чеканилась «на тбилисском монетном дворе», в т.ч. от имени Джучидов – Джанибека и его преемника Бердибека (*Дундуа*, 2010. С. 149–150), хотя помимо Грузии эмиссии монет тех же правителей Золотой Орды ныне хорошо известны и на монетах, которые бились в других городах, незадолго до этого еще подчинявшихся Ильханам (*Грачев*, 2011. С. 47–58). Не вдаваясь в детали этого события в различающейся его атрибуции разными специалистами, можно предполагать, что на Северном Кавказе – это кратковременное увеличение территории Золотой Орды, вероятно, способствовало не только активизации торгово-обменных операций между населением Грузии и горцами Северного Кавказа, хотя в первую очередь подобная активизация коснулась пределов золотоордынских владений в предгорьях и на равнине. Можно полагать, что сопровождалась она и миграционными потоками, шедшими не только из Закавказья в северокавказские пределы Золотой Орды, но и в обратном направлении. В его рамках заманчиво рассматривать не только «грузинские импорты», распространившиеся в горах Придарьяля, но и появление среди пяти исследованных христианских церквей на городище «Верхний Джулат»–Татартуп у Эльхотовых ворот (*Кузнецов*, 2003. С. 135–150), церкви № 2, среди раскопчного материала которой были находки уже упоминавшихся выше черепиц с фрагментами грузинских строительных надписей (*Кузнецов*, 2003. С. 136. Рис. 37, 1–3). По определению грузинских специалистов, эти обрывочно сохранившиеся надписи означали: «повеление» или – «по повелению», датированы XIV в. К этому же времени относится и дно крупного сосуда из этого же храма с уже другой, к сожалению, с нечитаемой грузинской надписью (*Кузнецов*, 2003. С. 137. Рис. 38, 1–2).

Напомним, что черепицы эти, как полагает В. А. Кузнецов, местного производства.

В том же историческом контексте, связанном с кратковременным владением территории Золотой Орды, но уже не при Джанибеке, а при его преемнике – Бердибеке, в конечном итоге потерявшем отмеченные территориальные завоевания своего предшественника, вероятно, следует рассматривать и недавно установленный факт чеканки джучидских пулов золотоордынским ханом Бердибеком (758–760 гг. х. / 1357–1359 гг.) с обозначением на них монетного двора «Тифлис», но выпускавшихся в золотоордынском Маджаре (*Гончаров, Биккиняев, 2021. С. 66–76*).

Находка кружки грузинского происхождения в погребении № 9 Келийского могильника отражает одно из направлений взаимоотношений горцев этого микрорегиона с внешним миром. Но это было не единственным географическим направлением таких отношений, на что указывает еще одна находка из того же погребения № 9 Келийского могильника – иконка с конным Георгием, копьем поражающим змия.

Иконка (Рис. 1, 2) находилась в области верхних шейных позвонков погребенной женщины. Предмет округлой формы с обломанным ушком и с двумя пробитыми отверстиями для привешивания, «исправляющими» указанный дефект. Диаметр иконки – 3,5 см. На ней рельефное изображение Георгия на коне, копьем поражающего змия или дракона под копытами лошади.

Этот предмет мелкой христианской пластики, сразу же после раскопок на основе нескольких консультаций был опубликован как «новгородская» иконка из «оловянистой бронзы» (*Нарожный, 1991. С. 52–54*), имеет полные аналогии среди раскопочных материалов с территории сразу нескольких русских городов – Серенска, Старой Рязани, с территории Прибалтики, а также из «раскопа XIII» Новгорода; по новгородской хронологии такие же иконки, но изготовленные из оловянисто-свинцового сплава, происходят из слоя, датированного «30-60-ми годами XII в.» (*Седова, 1981. С. 62*).

Иконка эта на территории Северного Кавказа не единственная: вторая такая же (?) находка, но, якобы, из «серебра» смутно упоминается среди материалов из осетинского святилища Реком (*Нарожный, Нарожный, 2011б. С.223–229*). Третий, пока неопубликованный предмет, случайная находка, происходит с территории Северо-Западного Прикаспия.

Инвентарь погребения № 90 представлен двумя поясными пряжками. Первая (Рис. 2, 3), из бронзы с горизонтальным железным приемником ремня, находилась между локтевым суставом правой руки и позвоночным столбом (Рис. 2, 3). Вторая железная пряжка (Рис. 2, 1) в виде вытянутого 6-угольника со скругленными углами. Железный

черешковый нож (Рис. 2, 4) с выступающим упором вытянуто-овальной формы. На вогнутом лезвии сохранились следы дерева и кожи от ножен; сохранилась и обойма, крепившаяся к нижнему окончанию ножен (Рис. 2, 5). Любопытно, что эта обойма является аналогией более поздним (этнографическим) вариантам обойм, в т. ч. использовавшихся на кавказских кинжалах недавнего времени.

Особый интерес вызывает находка округлого предмета с выступом в верхней части, сбоку которого имеется сквозное отверстие (Рис. 2, 2). Диаметр – 4,5х4,7 см. С лицевой стороны предмет декорирован: вдоль внешнего края окружности, с двух сторон нанесены врезанные линии, внутреннее пространство которых заполнено врезанными концентрическими кругами с точкой внутри каждой из них. Такие же точки разделяют концентрические окружности. В центральной мишени предмета переплетающиеся врезанные линии, создающие симметричную композицию, в ряде случаев угадываются концентрические окружности с точкой в центре. На некоторых из полудуг заметны окончания-утолщения, отдалено напоминающие головы змей (?). Предмет был атрибутирован нами как «амулет-змеевик» из легкого (на оловянистой основе) сплава, напоминающий змеевики из Новгорода, хотя таковые оттуда – с изображениями с двух сторон. В нашем случае, изображения только с одной стороны, что позволяет данный предмет рассматривать как ремесленную реплику одной стороны амулета-змеевика. Учитывая характер сплава, из которого изготовлена данный предмет – копия из Золотой Орды (?), занесенная с ее территории в горы Восточного Придарьяля. Предмет зафиксирован почти в области пояса погребенной, между локтевыми сгибами (в несохранившейся сумочке – ?) (Рис. 2, 2). (Нарожный, 1991. С. 53–54).

Рассматривая оба предмета – иконку из погребения №9 змеевик из захоронения № 90 как предметы христианского культа, вероятно, так и воспринимавшимися их владельцами при жизни, сразу стоит подчеркнуть, что их появление в высокогорье вряд ли было связано с прямым или опосредованным влиянием того или иного конфессионального центра. Скорее всего, их обнаружение там было обусловлено появлением в горах выходцев из золотоордынского плена, нашедших свое спасение в высокогорье региона.

Не меньший интерес представляет погребение № 242 (Рис. 3, 4). Совершенное также в каменном ящике, внешне отличалось наличием 5-ти мощных плит перекрытия, подогнанных друг к другу (Рис. 3, 1). Внутри – захоронение взрослой женщины (Рис. 3, 2), уложенной вытянуто на спине, головой на запад; левая рука согнута в локте, кистью на тазовых костях, правая рука вдоль туловища. Нижние конечности протянуты. Скелет

сопровождался обильным представительным набором погребального инвентаря.

По обе стороны от верхней части нижней челюсти к верху плечевых костей и грудной клетки, параллельно длинным стенкам ящика (Рис. 3, 3–4. Рис. 4, 3–4) – две фрагментированные разнотипные цепочки, изготовленные из бронзовой проволоки в разной технике (Рис. 4, 3–4). Ниже подбородка, под правой ключицей, у ее левого окончания, находился бронзовый двустворчатый энколпион (Рис. 4, 2), створкой на створке. Располагался створкой с изображением Распятия вверх (Рис. 2, 2). Энколпион, вероятно, при его использовании крепился к нижней части обеих, выше отмечавшихся цепочек.

По обе стороны от черепа (Рис. 3, 11–12) находились бронзовые фрагментированные височные кольца (Рис. 4, 11–12). Между левой плечевой костью и фрагментом цепочки (Рис. 3, 5–10) – шесть (одна фрагментирована) раковин каури (Рис. 3, 5–10; 4, 5–10). Ниже энколпиона (Рис. 3, 21) находился округлый амулет (Рис. 4, 21) довольно низкого качества исполнения. Такие же предметы, вероятно, тиражировавшиеся как оттиск с оттиска, были и в других захоронениях могильника. На наиболее лучших из них более отчетливо определяется верхняя часть антропоморфной фигуры с симметрично распростертыми присогнутыми руками. Ниже, по центру, нижняя часть туловища фигуры, от которого в разные стороны отходят симметрично расположенные полудуги, завершающиеся стилизованным изображением лошадиных морд. В центре под ними – П-образно расположены две вертикальные полосы, опирающиеся вновь на две симметрично расположенные в противоположные стороны вогнутые полосы. Под ними по центру – П-образные вертикальные отростки. Вся «композиция» вписана в круг с округло-выпуклой внешней поверхностью; оборотная сторона плоская. На публикуемом экземпляре указанные детали проработаны фрагментарно.

Восточнее раковин каури находились два бронзовых предмета – плоские бляшки-розетки с округлым стержнем на обороте каждой из них. Внешняя поверхность каждого предмета декорирована прочерченными окружностями с точкой в центре каждой из них (Рис. 3, 31–32, 4, 31–32).

Выше правой плечевой кости отмечены семь бусин (Рис. 3, 2, 24–30). Из них две крупные бусины из гешира (Рис. 4, 24–25), еще две бусины (Рис. 4, 26–27) из сердолика. Остальные три бусины – из непрозрачного стекла. Одна из них (Рис. 4, 28), ребристая, глухого синего цвета. Еще две (Рис. 4, 29–30), непрозрачного черного цвета.

С запада на восток, на месте несохранившегося позвоночного столба, на равном удалении друг от друга отмечены бронзовые пуговицы-

бубенчики от распашной (?) одежды – 8 экз. Один из них (Рис. 3, 13, 4, 13) с пластинчатой петелькой, через которую продето бронзовое кольцо. Остальные бубенчики (Рис. 4, 14–20) составлены из двух горизонтально соединенных полусфер; три бубенчика (Рис. 4, 18–20) с коническим выступом в центре нижней части. Еще у двуцентральной части нижней полусферы – прорези и по два округлых мелких отверстия, симметрично расположенных поперек прорезей (Рис. 4, 16–17). Южнее самого нижнего бубенчика (Рис. 3, 23) отмечена костяная пуговица со сквозным отверстием в центре, небольших размеров, линзовидной формы в сечении. Верхняя, слабовыпуклая ее поверхность декорирована врезанными концентрическими окружностями с точкой в середине окружностей (Рис. 4, 23).

Еще один бронзовый предмет – выпуклая бляха с двумя сквозными отверстиями у края и еще одним – в центрально части у нижнего бубенчика (Рис. 3, 22, 4, 22).

Между правой ключицей и плечом, а также в средней части правого предплечья отмечены 4 бронзовых однотипных кольца (Рис. 3, 33–34, 4, 33–34).

Южнее, с внешней стороны правого предплечья, от локтя, острием вниз находились железные пружинные ножницы для стрижки овец (Рис. 3, 1, 4, 1), восточнее которых – фрагмент лезвия ножниц (Рис. 3, 37, 4, 37) и фрагмент железного предмета (Рис. 3, 36, 4, 36). Спецификой таких ножниц из высокогорья Ингушетии является то, что в отличие от окружающих территорий, еще с раннего средневековья бытовали ножницы, у которых роль пружины играла расплюснутая «площадка», у ножниц из высокогорья Ингушетии, пружина представляла верхнюю часть железного прута, свернутую в два оборота. Интересно и то, что в материалах Келийского могильника находки таких ножниц коррелируются с признаком «захоронение взрослых и, вероятно, семейных женщин» занимавшихся и стрижкой овец.

Южнее правой бедренной кости отмечен пластинчатый бронзовый перстень с непрозрачной стеклянной вставкой (вставка с голубым оттенком) на щитке золотоордынского происхождения (Рис. 3, 35, 4, 5).

Данный погребальный комплекс интересен с разных точек зрения. Тщательность обработки камней каменного ящика и плит его перекрытия, довольно «богатый» и выразительный погребальный инвентарь – визуально воспринимаемые показатели принадлежности погребенной к высокому социальному рангу представителей горского общества. Наличие в инвентаре энколпиона – маркер принадлежности погребенной к христианству. Если следовать точке зрения о том, что энколпионы являются принадлежностью облачения священнослужителей, заставляет и публикуемое захоронение рассматривать таким же образом. Однако,

если опираться на лаконичные этнографические данные о группе жрецов и священнослужителей горноингушского общества, такой статус, кажется, имели только представители мужского населения. Поэтому погребенная в каменном ящике № 242, скорее всего, использовала крест-складень с двумя цепочками, вероятнее всего, как выразительный показатель своей причастности к христианству, не более. Если учитывать то, что самой близкой территориальной аналогией такому же кресту является крест из раннесредневековой катакомбы № 15 раскопа I Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии (Ениосова, 2020. С. 401–403). Там, этот предмет мог являться показателем вхождения части этой территории в сферу конфессионального влияния одного из провинциальных центров христианства в системе византийского влияния. Вполне вероятно, что и обладатель энколпиона (погребенная в каменном ящике № 242) при своей жизни могла быть тесно связана с таким христианским анклавом в округе Эльхотовых ворот. Однако и там уже в XIII в., вероятно, происходят заметные изменения. Наличие на «Верхнем Джулате» пока одного энколпиона иного типа и происхождения (Ениосова, Леонтьева, 2021 С. 67–80), как и т.н. «петлеконечных» крестиков XIII–XIV вв. не только в погребениях Змейского катакомбного могильника (Леонтьева, 2019. С. 145–147), но и у погребенных на могильнике у церкви № 1 «Верхнего Джулата», а также и в горной Ингушетии этого же времени (Голованова, Нарожный, 2004. С. 13–15). По всей вероятности, эти артефакты побуждают видеть в подобном распространении предметов отражение миграционных процессов – перемещение или выплески групп населения из округа Эльхотовых ворот, вглубь горных ущелий, включая и высокогорье Ингушетии. Именно тогда там, скорее всего и появился интересующий нас энколпион, через какой-то промежуток времени, после смерти своего владельца и оказавшийся в погребении № 242. Таким образом, и эта находка не дает никаких оснований для предположений о влиянии какого-то из религиозных центров на население высокогорной Ингушетии. Наличие в погребальном инвентаре публикуемых захоронений не только предметов мелкой христианской пластики, но и иных, самых разнообразных предметов материальной культуры, использовавшихся в повседневной жизни – одно из ярких проявлений того самого синкретизма, получившего название у специалистов как «этнизованное христианство» (обзор литературы см.: Нарожный, 2022б. С. 175–200).

Публикуемые захоронения Келийского могильника с предметами христианского культа, не единственные. Здесь укажем на находку нательного крестика (Рис. 1, 8), обнаруженного при разборе отвалов с разрушенной части могильника. Но наиболее важным является еще

один каменный ящик – № 32 раскопа 2, исследованного С. Н. Савенко (Савенко, 2017. С. 104–117).

Захоронение было совершено также в каменном ящике, перекрытом выкладкой из крупных камней и плит (Рис. 6), «вытянутый по линии ЗЗЮ-ВВС, имел подусеченно-ромбовидную форму с некоторым расширением в средней части и заметным сужением у ВВС стенки». Внутри, на спине располагался частично истлевший скелет взрослого человека (в «пожилом возрасте»), длина скелета 150–152 см, головой на запад с отклонением к югу. Левая рука, как и в погребении № 242 (Рис. 3) немного согнута в локте, кистью на тазе. Правая рука вдоль туловища. Ноги прямо, стопы сведены. «Захоронение мужчины». Сопровождающий инвентарь состоял из нескольких находок. Возле нижней челюсти находилось крупное бронзовое кольцо диаметром 40 мм (Рис. 5, 1, 6, 1). Второе (Рис. 5, 2, 6, 2) менее 25 мм кольцо с немного несомкнутыми концами выявлено в области нижней части грудной клетки. На месте правого крыла таза у внутренней части бедренной кости лежал крупный железный кованый крест с трапециевидно расширенными в плане и уплощенно-линзовидными в сечение концами (Рис. 5, 3, 6, 3). Длина креста 216 мм, ширина 115, наибольшая толщина 3,2 мм. На нижнем окончании предмета имелся заостренный штырь для закрепления креста или деревянной рукояти. Справа от креста у стенки каменного ящика найден бронзовый предмет, напоминающий навершие булавы (Рис. 5, 4, 6, 4). На расширенной части округло-эллипсовидного корпуса крестообразно располагались четыре овально-конических выступа (один обломан). Длина предмета по линии втулки 21 мм, диаметр корпуса 25 мм. Он мог служить наконечником деревянной рукояти креста (Савенко, 2017. С. 105–106).

Между бедренными костями расчищены древесные угли. Другое скопление углей находилось в северо-восточном углу каменного ящика (Савенко, 2017. С. 106).

С. Н. Савенко справедливо отмечает, что подобные опубликованному им железные кованые и клепанные кресты большей частью обозначавшихся как «византийско-кавказского» типа, ныне, по мнению И. Б. Тесленко и А. Е. Мусина «византийского» типа (Тесленко, Мусин, 2016. С. 204–219), сводка находок которых ранее была опубликована и проанализирована М. Н. Ложкиным и С. Н. Малаховым (Ложкин, Малахов, 1996. С. 202–209). Сегодня количество таких предметов на территории Северного Кавказа значительно увеличилось (Нарожный, 2010. С. 85–87; Василенко, Пьянков, 2013. С. 265–274; Тесленко, Мусин, 2016. С. 204–219; и др.). Еще на один экземпляр увеличились коллекции таких предметов с Ильичевского (р. Уруп) городища (Малахов, 2020.

С. 121–130), как и на городище «Нижний Джулат» (Нарожный, 2022а. С. 137. Рис. 1, 5). На «Верхнем Джулате», в церкви № 2 «обнаружена поперечная пластинка от железного клепаного креста, 7,5 см длины» (Кузнецов, 2014. С. 64). Такие же находки были выявлены и при раскопках церкви № 3 «в разных частях помещения найдены пять обломков клепаных железных крестов, из них два у алтарной преграды; еще один обломок железного креста, случайно попавший в выброс.

Этот крест имеет несколько необычную форму, ранее на Верхнем Джулате не встречавшуюся, и заостренный наконечник, вероятно, втыкавшийся в древко». Ссылаясь на П. С. Уварову, исследователь подчеркивает: *«Подобные кресты особо хорошей выработки нередко были выносными»* (Кузнецов, 2014. С. 71). Подобные железные «клепанные кресты, – как отмечает В. А. Кузнецов, – на Кавказе бытуют очень давно (что отмечает и Е. И. Крупнов) и не являются узко датированным материалом» (Кузнецов, 2014. С. 82) и известны в т.ч. за пределами Северного Кавказа (Сльников, 2010. С. 20. Рис. 1; Барышников, 2018. С. 427–434; и др.); известные сегодня достаточно широко – с X по XV вв. и, как отмечает С. Н. Савенко, ранее такие кресты *«увязывались только с культовыми объектами (церквями, святилищами, «поминальниками»)», являлись случайными или отдельными находками в культурных слоях средневековых городищ. Исследователи трактовали их преимущественно в качестве предметов приношений, как в действующие храмы, так и на заброшенные их развалины и обереги людей, не являвшихся ортодоксальными христианами»* (Савенко, 2017. С. 107). Не исключает он и того, что опубликованное им погребение (погр. 32) могло являться захоронением священнослужителя. Но и при такой атрибуции заметно бросается в глаза наличие внутри каменного ящика древесных углей, что больше характерно для «языческих» погребальных обрядов и лишний раз свидетельствует в пользу правоты тех исследователей, которые видят и в подобных проявлениях примеры «этнизованного христианства».

Приведенные археологические материалы Келийского могильника – не единственные и дают вполне определенный стимул для дальнейшего их осмысления.

Литература

- Барышников А. Б. Железные кресты византийско-кавказского типа из Абхазии // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. XI. Сухум, 2018. С. 19 – 24.
- Василиненко Д. Э., Пьянков А. В. Середньовічні залізні пластинчасті хрести з фондів музеїв ПівнічноЗахідного Кавказу і Північно-Східного Причорномор'я // Софійські читання: матеріали VI міжнар. научно-практ.

конф. «Християнськи святині – скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання». (26–27 травня 2011 р.). Київ: АДЕФ-Україна, 2013. С. 265–274.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных). Аннотации. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 44–47.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1994. С. 69–91.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ. Проблемы историко-культурного единства. Грозный: ЧИГУ, 1990. С. 5–17.

Герасимова М. М. К вопросу о происхождении ингушей // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик: [б.и.]. 2006. С. 53–55.

Голованова С. А., Нарожный Е. И. О находках крестообразных подвесок XIII–XIV вв. // Одиннадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов). Армавир: АГПИ. 2004. С. 13–15.

Гончаров Е. Ю., Биккниязев Н. Х. Тифлиские пулы хана Бердибека (758–760 гг. х.) // Вестник Института востоковедения РАН. № 1 (15). М.: ИВ РАН, 2021. С. 66–76.

Грачев А. И. Поход хана Джанибека в Иран в 1356–1357 гг. Анализ и реконструкция хронологии событий // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 47–58.

Джорбенадзе В. А. Типы погребений и обряд захоронений в Грузии в XI–XIV вв. (Препринт). Тбилиси: ЦАИ Грузии, 1992. 12 с.

Джорбенадзе В. А., Маргелашвили М. Г., Рчеулишвили Г. М. Полихромная керамика из Арагвского ущелья // Материалы I-го Симпозиума по проблеме: «Полихромная поливная керамика Закавказья – Истоки и пути распространения. Тезисы. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 21–25.

Дундуа Г. Взаимоотношения Грузии с Золотой Ордой в XIV веке по нумизматическим данным // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов (Тбилиси, 25–29 июня 2009 г.) / Отв. ред. Г. Гамбашидзе. Тбилиси: «Меридиани», 2010. С. 149–150.

Сельников М. В. Речі християнського культу з пам'яток степового Подніпров'я часів Золотої Орди // Софійські читання: матеріали V міжнар. наук.-практ. конф. «Духовний потенціал та історичний контекст християнського мистецтва»: присвячено 75-річчю Нац. заповідника «Софія Київська». Київ: Нац. заповідник «Софія Київська». Горобець, 2010. С. 427–434.

Ениосова Н. В. Энкалпион из катакомбы 15 раскопа I Змейского катакомбного могильника // Бакушев М. А., Леонтьева А. С. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Том I. М.: ИА РАН. 2020. С. 401–403.

Ениосова Н. В., Леонтьева А. С. Черневой энколпион с городища Верхний Джулат в Северной Осетии // ПА. № 4 (38). Казань, ИААН РТ, 2021 С. 67–80.

- Кочкаров У. Ю., Мамаев Р. Х., Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* Погребение № 121 Келийского могильника XIII–XIV вв. (Горная Ингушетия) // История, археология и Этнография Кавказа. Том 17. № 4. Махачкала: Даг. ФИЦ. РАН., 2021. С. 938–956.
- Кузнецов В. А.* Эльхотовские ворота в X–XIV вв. Владикавказ (Минводы): «Кавказская здравница», 2003. 194 с.
- Кузнецов В. А.* Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ РАН, 2014. 160 с.
- Леонтьева А. С.* Петлеконечные кресты из раскопок Змейского могильника в 2013–2014 гг. // Донские древности. Выпуск двенадцатый: Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника 2019. С. 145–147.
- Ложкин М. Н., Малахов С. Н.* Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея // ИАА. Вып. 2. Армавир; М.: [б.и.], 1996. С. 202–209.
- Малахов С. Н.* Наперсные кресты алан Верхнего Приурупья (Ильичёвское городище) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 12–13. Ставрополь: «Печатный двор», 2020. С. 121–130.
- Мужухоев М. Б.* Предметы традиционной материальной культуры из средневекового Кийского (Келийского) могильника в Горной Ингушетии // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1989. С. 6–15.
- Мужухоев М. Б., Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю.* Воинское погребение № 33 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии / Археология евразийских степей. № 5. Казань: ИА АН РТ, 2017. С. 177–185.
- Нарожный В. Е.* Келийские склепы горной Ингушетии: некоторые аспекты изучения (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // МИАСК. Вып. 4. Армавир: Изд-во АГПИ, 2004. С. 358–359.
- Нарожный В. Е.* Население высокогорной Ингушетии в XIII–XV веках. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2012. 26 с.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* Из истории археологического изучения Чечено-Ингушетии (1986–1992 гг.) // Культурная жизнь Юга России. № 3 (41). Краснодар: КГУКИ, 2011а. С. 29–35.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* «Новгородские» иконки с изображением Георгия Победоносца из Восточного Придарья // Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения (II Всероссийские «Миллеровские чтения»). Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2011б. С. 223–229.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* Захоронение № 84 Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра. Вып. IV. Назрань: ООО «Кеп», 2012а. С. 182–196.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* Погребение № 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // ПА. № 2. Казань, ИААН РТ, 2012б. С. 173–183.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* Случайные находки из разрушенной части Келийского могильника // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань: ООО «Кеп», 2015. С. 169–176.

- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю.* Погребение № 15 Келийского могильника (горная Ингушетия) // МИАСК. Вып. 5. Армавир: Изд-во АГПИ, 2005. С. 291–304.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю.* Погребения «копейщиков» Келийского могильника (Высокогорная Ингушетия) // Военная археология – древнее и средневековое вооружение Евразии / Археология Евразийских степей. № 5. Казань: ИА АН РТ, 2017. С. 167–177.
- Нарожный Е. И.* Два погребения с предметами христианской пластики из Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный: Изд-во ЧИГУ, 1991. С. 50–54.
- Нарожный Е. И.* «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории (1986–1996 гг.). Армавир; Грозный: Изд-во АГПИ, 1996. С. 34–36.
- Нарожный Е. И.* Новые находки металлических крестов из высокогорной Ингушетии // Археологический журнал. № III–IV. Армавир: Изд-во АГПУ, 2010. С. 85–87.
- Нарожный Е. И.* Городище «Нижний Джулат» в Кабардино-Балкарии // Археология евразийских степей. Казань. № 4. Казань: ИА АН РТ, 2022а. С. 136–146.
- Нарожный Е. И.* К истории христианизации средневекового населения Восточного Придариалья // *Byzantinocausasica*. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022б. С. 175–200.
- Нарожный Е. И., Мамаев Р. Х.* Хоздоговорная археологическая лаборатория ЧИГУ им. Л. Н. Толстого (1986–1992 гг.) // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Материалы международной научно-практической конференции, посв. 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Грозный; Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 270–280.
- Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А.* Полуподземные склепы Келийского могильника // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный: [б.и.], 1990. С. 39–79.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б.* Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г.). Сухум: «Дом печати», 2011. С. 190–196.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б.* Нумизматические материалы XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань: ИМ им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 66–73.
- Савенко С. Н.* Погребение XIII–XIV вв. с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 9. Ставрополь: Печатный двор. 2017. С. 104–117.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Тесленко И. Б., Мусин А. Е.* Железные кресты средневековых памятников: «византийско-кавказские» или византийские? // Археологическая наука:

практика, теория, история. Сборник статей памяти И. С. Каменецкого. М.: ИА РАН; 2016. С. 204–219.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 2. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузенем, обработанных А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Цуциев А. А. Новые находки из Даргавского катакомбного могильника (христианский крест и его аналогии) // Археология и история Юга России. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д-ра ист. наук, профессора Мусы Хароновича Багаева. Грозный: ЧГУ, 2017а. С. 179–183.

Цуциев А. А. Христианский крест из Даргавского катакомбного могильника и его аналогии // Скифо-аланское наследие Кавказа. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017б. С. 233–242.

Чхаидзе В. Н. Аланские имитации византийских крестов-энколпионов (XI – начало XIII вв.) // АДСВ. Вып. 46. Екатеринбург: Ур.ГУ, 2018. С. 127–133.

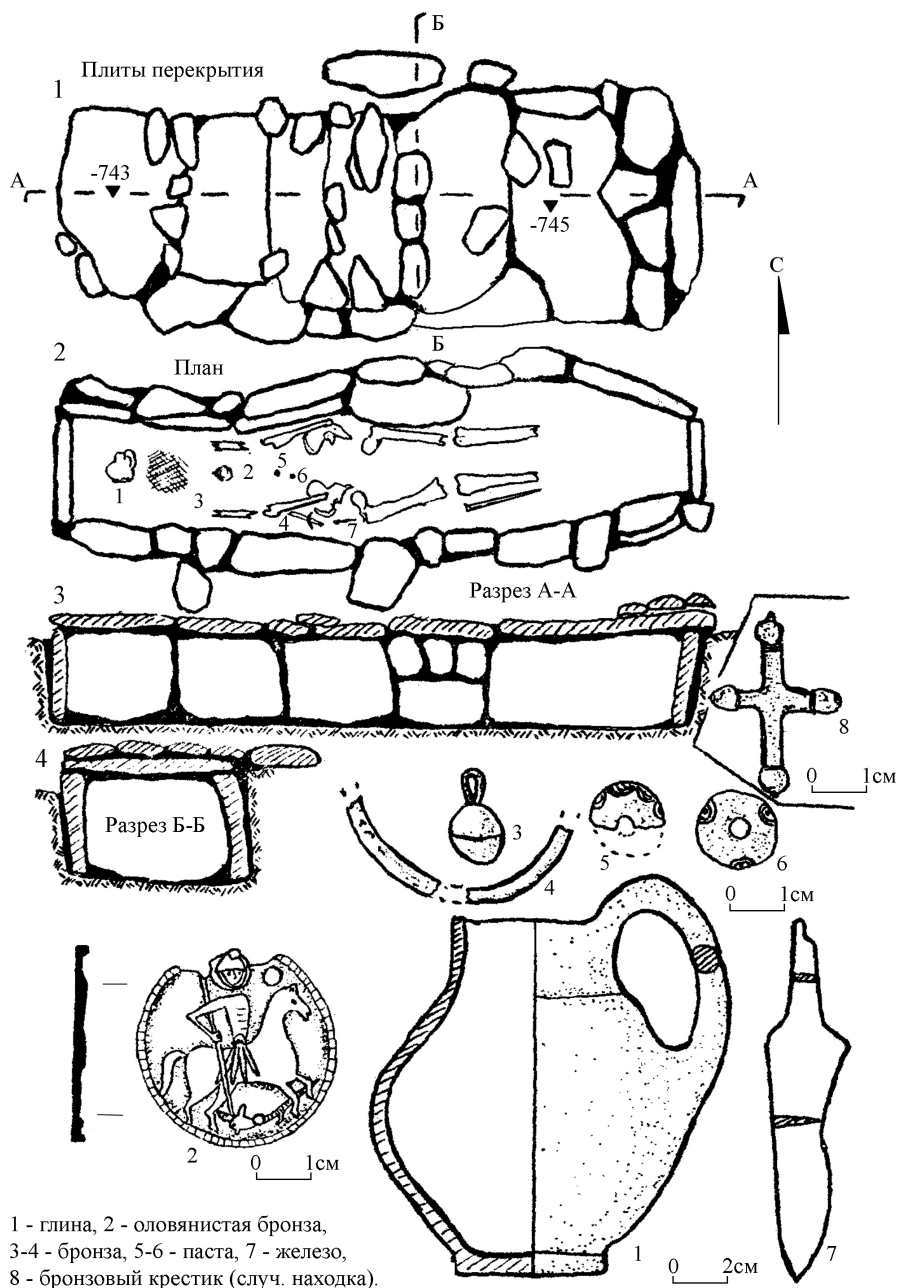

Рис.1.Келийский могильник. Погребение № 9 и его инвентарь.

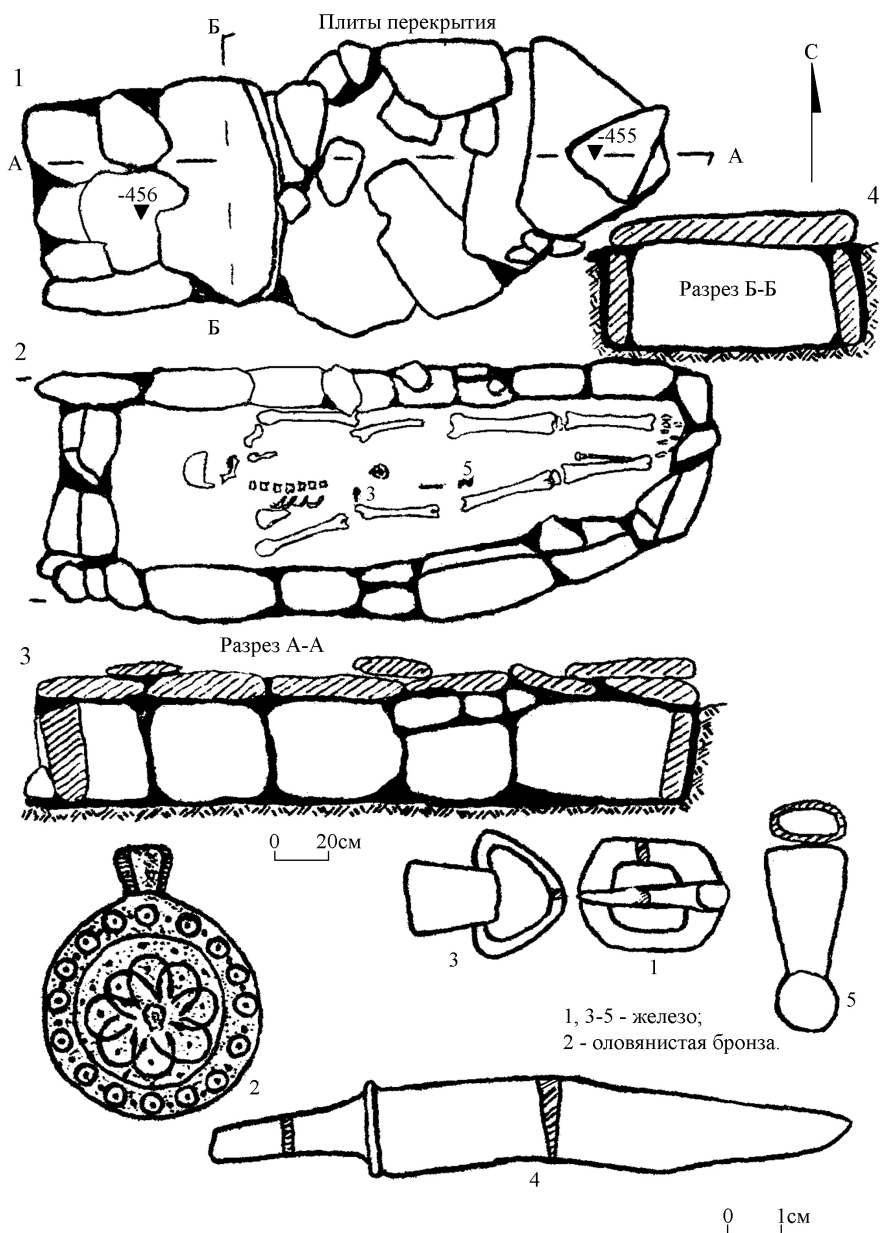

Рис.2. Келийский могильник. Погребение № 90 и его инвентарь.

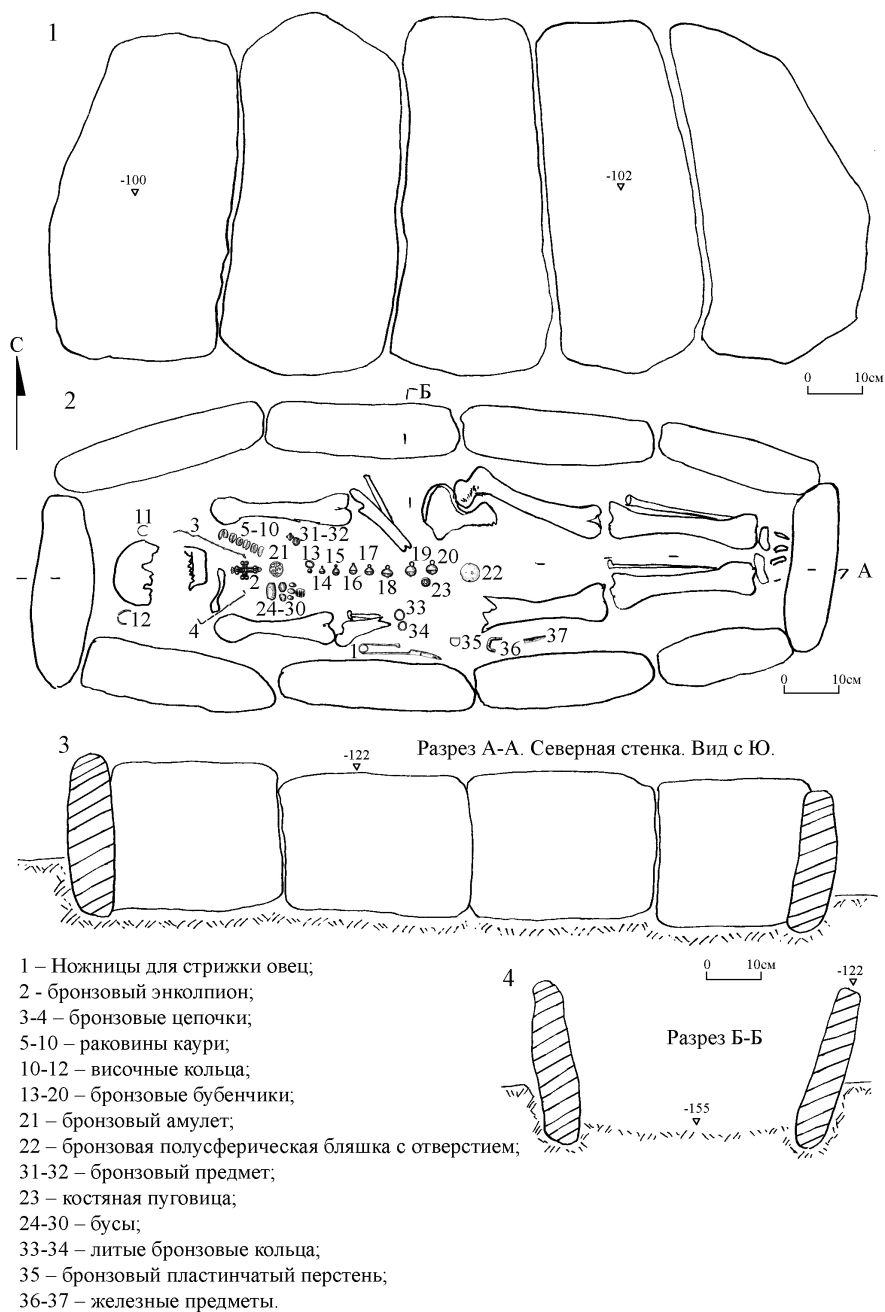

Рис.3. Келийский могильник. Погребение № 242.

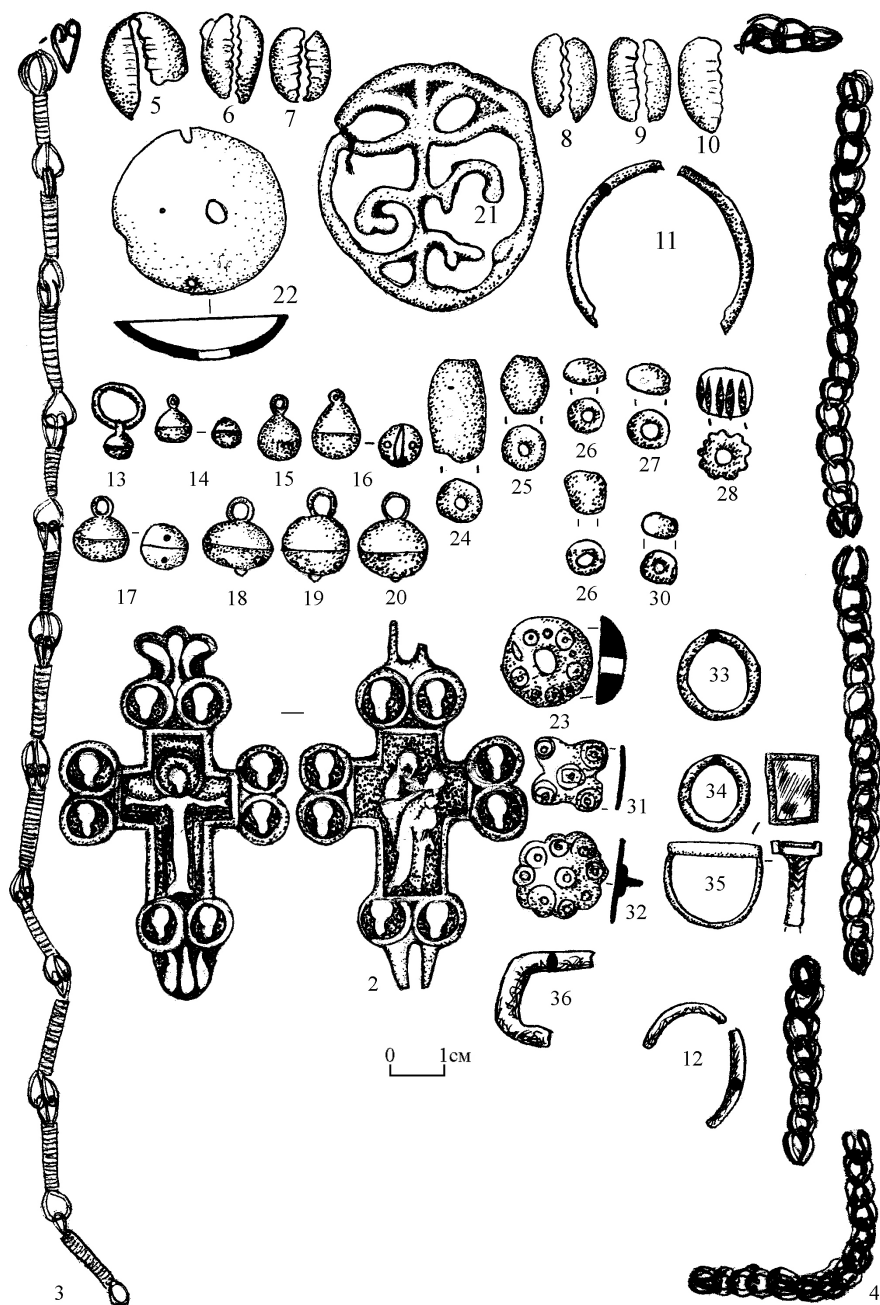

Рис.4. Келийский могильник. Погребение № 242 и его инвентарь.

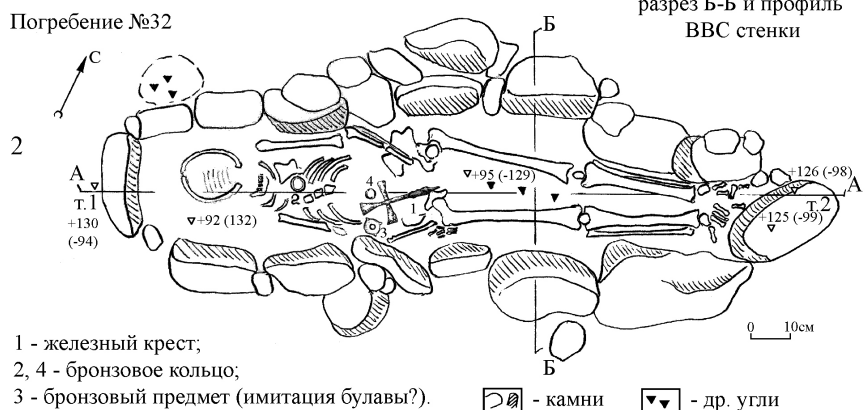
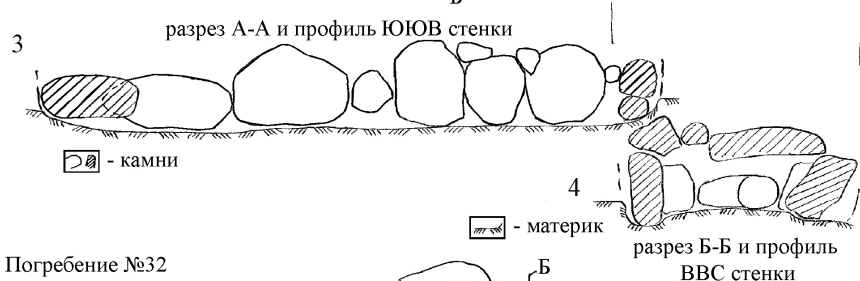
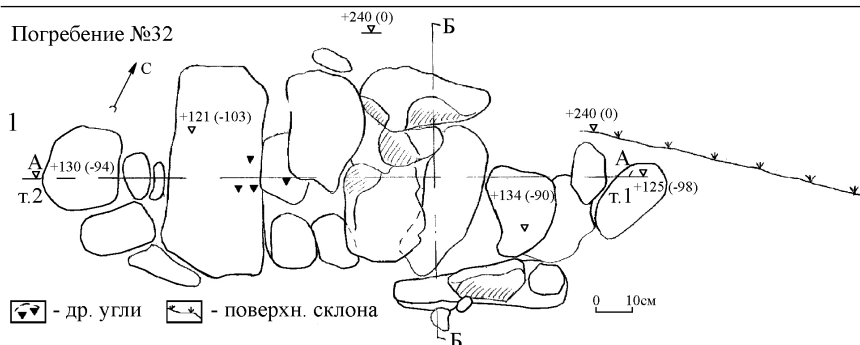
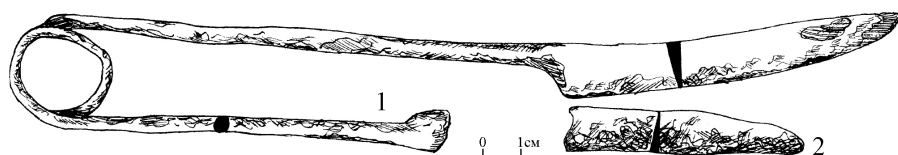

Рис.5. Келийский могильник. Ножницы из погребения № 242 и погребение № 32 из раскопа 2 (по С. Н. Савенко).

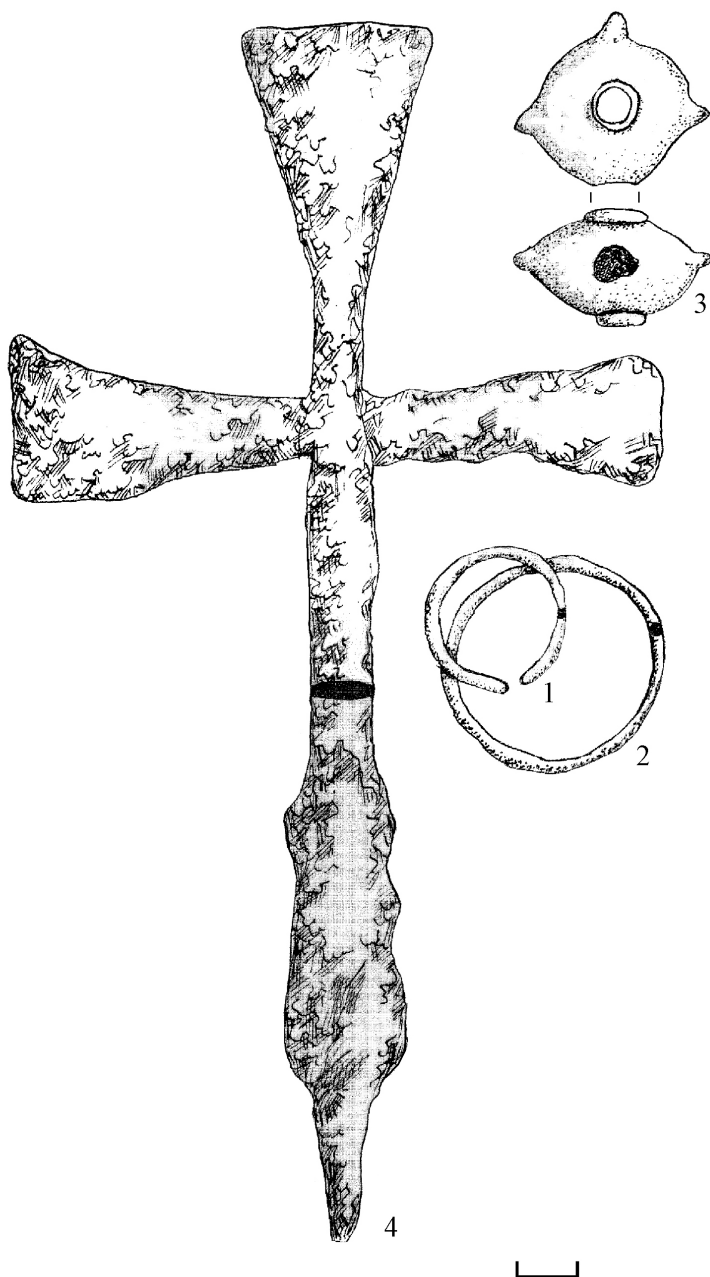

Рис.6. Келийский могильник. Погребальный инвентарь погребения № 32 из раскопа 2 (по С. Н. Савенко).

E. I. Narozhny

FOUR BURIALS OF THE KELYISY BURIAL GROUND OF THE 13th–14th CENTURIES WITH OBJECTS OF CHRISTIAN WORSHIP

Abstract: based on the conclusions of the predecessors, the author publishes four stone boxes of the 13th–14th centuries into scientific circulation. All of them contain various items of Christian worship in their burial inventory. These are three female burials with an icon with the image of saint George on horse, a spear striking a serpent, a serpentine amulet, a double-leaf encolpion with paired medallions at the ends. Burials with an iron forged cross, which were usually used in the liturgy, look special. The first three samples are not considered as evidence of the direct impact of any Christian centers in the highlands of Ingushetia. They are probably objects brought to the mountains by Russian and Alan migrants from the territories of the Golden Horde possessions in the foothills and in the flat zone of the North Caucasus. Burial with an iron cross – the burial of an adult man, according to S. N. Savenko, was most likely the burial of a clergyman associated with the church liturgy. The presence in the graves of objects of Christian worship, adjacent to charcoal and with sets of everyday items of the mountaineers of the Eastern Darial region, is quite understandable. As many modern researchers believe, this is one of the clearest manifestations of the so-called “ethnized Christianity”. This characteristic corresponds to the impression of the Catholic “Brother Jourdain” (14th century) about the highlanders from the district adjacent to Derbent. The highlanders of those places, as Jourdain wrote, sacrificed sheep on a cross and people who call themselves Christians do this.

Keywords: Eastern Darial region, Keliysky burial ground, ethnized Christianity, an icon with a connection with George, serpentine, encolpion with paired medallions at the ends, Byzantine (Caucasian-Byzantine) reveted cross, North Caucasian-Georgian relations, Golden Horde and the state of Ilkhans

В. Н. Чхаидзе

МАРИЯ СКЛИРЕНА ≠ МАРИЯ АЛАНСКАЯ: О НЕВЕРНОЙ ТРАКТОВКЕ УНИКАЛЬНОГО МОЛИВДОВУЛА

Резюме: в работе представлены две известные в единственных экземплярах именные печати представительниц высшего общества Византийской империи XI в.: Марии Склирены (ум. около 1045 г.) – спутницы жизни императора Константина IX Мономаха (1042–1055) и Марии (Мариам) Аланской (ум. после 1103 г.) – супруги императоров Михаила VII Дуки (1071–1078), а затем Никифора III Вотаниата (1078–1081). Неверная атрибуция печати Марии Склирены, первоначально приписанная Марии Аланской, породила путаницу, достаточно быстро разрешенную сфрагистами. Однако, эта ошибка продолжает встречаться в научных трудах, прежде всего среди работ отечественных исследователей.

Ключевые слова: византийская сфрагистика, печати женщин в Византии, Мария Склирена, Мария Аланская, XI век, атрибуция печатей

Печати титулованных женщин Византии известны в достаточно большом количестве, обычно это обладательницы высоких титулов, пожалованных им мужьями: *протоспафаритиссы*, *патрикии*, *магистриссы*, *куропалатиссы*, *севасты* и др., включая специально созданный для женщин титул *патрикии зосты* (πατρικία ζωστή – «опоясанная патрикия») (Шандровская, 2002. С. 89–100; 2019. С. 35–42. Ил. 1–2; Cheynet, 2008a. Р. 175–194). Вместе с тем, в последние годы внимание сфрагистов привлекли два уникальных экземпляра печатей хорошо известных по письменным источникам представительниц высшего общества Византийской империи.

1. Печать Марии Склирены, севасты (около 1042–1045 гг.) (Cheynet, 2008a. Р. 195; Nesbitt, Wassiliou-Seibt, Seibt, 2009. Р. 34–35. No. 5; Seibt, 2011. S. 30. Abb. 7). Диаметр печати 39 мм (Рис. 1).

На лицевой стороне – Богоматерь Никопея, погрудно, облаченная в хитон и мафорий, держащая перед собой медальон с изображением Младенца Христа. По обеим сторонам от фигуры титла: $\overline{MP} \parallel \overline{OV} = \text{Μῆ(τη)ρ Θ(εο)ῦ. +..... - .ΟΗΘΕΙ} = \text{†[Θεοτόκε β]}οήθει$.

На обратной стороне поясное изображение самой Марии, в платье, которое спереди застегивается на круглую застежку, украшенную

крупным драгоценным камнем. На голове – корона в виде высокого клобука. В правой руке Мария держит скипетр, увенчанный патриаршим крестом с листьями, левая рука, высунутая из рукава, положена поперек левой части груди. По обеим сторонам от фигуры круговая надпись: ΜΑΡΙΑ – ΕΡΑΚΤΗ = Μαρία [σ]εβεστῆ – Мария, севаста.

Мария Склирена (ум. около 1045 г.), представительница знатного рода Склиров (*Seibt*, 1976. S. 19–113. Taf. 1–8; 2005. S. 141–150. Taf. X–XII. Abb. 1–12; *Stavrakos*, 2000. S. 353–357. No. 234–236; *Cheyne*, 2008b. P. 1–14. No 1–19; *Cheyne*, *Theodoridis*, 2010. P. 196–202. No. 190–194). Спутница жизни Константина IX Мономаха (1042–1055) с 30-х гг. XI в. и до своей смерти от болезни; родственница его второй жены Елены Склирены (о ней: *Seibt*, 1976. S. 71–76. No 16; см.: *Биби́ков*, 1978. С. 271).

2. Фрагментированная императорская печать Марии (Мариам) Аланской (1078–1081 гг.) (*Seibt*, 2011. S. 30. Abb. 8; *Chkhaidze*, *Vinogradov*, 2019. P. 186, note 26; *Чхаидзе*, 2021. С. 86. Рис. 5, 2). Диаметр печати: 25 мм (Рис. 2).

На лицевой стороне – изображен Христос Эммануил, погрудно, анфас, держащий в руках книгу. По обеим сторонам от фигуры титла: .. || ΧϚ = [Ι(ησοῦ)ς] Χ(ριστό)ς.

На обратной стороне изображена сама Мария, погрудно, в императорской короне, в правой руке держащая скипетр. По кругу надпись: +ΜΑΡΙΑ ΕΥΣΕ... = † Μαρία εὐσε[βεστάτη αὐγούστα] – † Мария, благочестивая августа.

Мария Аланская (ум. после 1103 г.), дочь царя Грузии Баграта IV Багратиони (1027–1072) и Борены, дочери аланского царя; жена императоров Михаила VII Дуки (1071–1078) (Рис. 3), а затем Никифора III Вотаниата (1078–1081) (Рис. 4) (о ней см.: *Нодия*, 1978. С. 146–155; *Микаберидзе*, 2005. С. 139–151. Рис. 1–10; *Garland*, *Ripp*, 2006. P. 91–124).

Печать Марии Склирены (Рис. 1) стала известна после того, как была выставлена на аукционе Gorny and Mosh, Sale 155 (5 марта 2007), а затем на аукционе Triton, Sale XI (7 января 2008) (*Wassiliou-Seibt*, 2016. P. 141. No 413. P. 192. No 1171). На обоих аукционах она была неверно интерпретирована, как принадлежащая Марии Аланской. В этом возникли веские сомнения у Ж.-К. Шене (*Cheyne*, 2008a. P. 195): так как императрицы носили лорос, в отличие от владелицы печати, которая к тому же изображена в головном уборе, больше похожем на прополому, чем на императорскую корону. Помимо того, императрицы в XI в. использовали титул *августы* или *деспоины*, но никак ни *севасты*. Исследователь, опираясь на исторические данные, соотнес владелицу моливдовула с Марией Склиреной, получившей в начале царствования Константина IX квазиимперский титул *севасты*, проживавшей в императорском дворце и пользовавшейся высочайшими почестями (гораздо меньшими, правда,

чем *августы* Феодора Порфирородная (ум. 1056) и третья супруга Константина – Зоя Порфирородная (ум. 1050). С этим же согласны и другие сфрагисты (*Nesbitt, Wassiliou-Seibt, Seibt, 2009. P. 35–36; Seibt, 2011. S. 30*). К тому же, чуть позднее стала известна печать самой Марии Аланской (Рис. 2), происходящая из частной коллекции (Bazant, Вена), которая была выставлена на двух аукционах: Hirsch, Sale 267 (5-7 мая 2009) и Hirsch, Sale 271 (17-19 февраля 2010) (*Wassiliou-Seibt, 2016. P. 162. No 889. P. 164. No 2648*), где и была верно атрибутирована (*Seibt, 2011. S. 30*).

Эта, казалось бы, разрешенная путаница, однако, усугубленная тем, что печать Марии Склирены продолжает выдаваться за печать Марии (Мариам) Аланской во многих разноязычных сегментах Википедии и приводит к тому, что историки, далекие от сфрагистических штудий, неизменно дублируют эту ошибку (см.: *Туаллагов, 2019. С. 176–177. Ил. 18; Шукуров, 2023. С. 73. Рис. 5*). Более того, появляются утверждения, что моливдовул Марии Склирены вновь неверно отождествляемой с Марией Аланской, якобы является третьим¹ видом ее печатей, и, в общем-то произвольно, относится к началу правления Алексея I Комнина (см.: *Малахов, 2022. С. 59*).

Вновь рассмотренные два моливдовула, помимо связей с императорской семьей, выявляют имперские претензии женщин в самых верхах общества Византии и ее Ойкумены. И, прежде всего, указывают на целесообразность профессиональной интерпретации сфрагистических данных.

Литература

- Абрамишвили Г.* Хахульский триптих. Тбилиси: Хеловнеба, 1998. 144 с.
- Бибиков М. В.* Аннотация: Werner Seibt. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie («Byzantina Vindobonensia», Bd. IX.). Wien, 1976 // BB. Том 39. М.: Наука, 1978. С. 270–271.
- Малахов С. Н.* Автократисса Мария Аланская в системе династических связей Алании, Византийской империи и Грузии // Кавказ-Форум. Вып. 11 (18). Христианство на Кавказе и в мире: 1100-летие крещения Алании. Владикавказ: СОИГСИ, 2022. С. 52–65.
- Микаберидзе А.* Новые штрихи к портрету византийской императрицы Марии Вотаниати // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М.: Северный Паломник, 2005. С. 139–154.
- Нодия И. М.* Грузинские материалы о византийской императрице Марфе–Марии // Византиноведческие этюды. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 146–155.

¹ Известна уникальная печать из Археологического музея Стамбула, несущая изображение Михаила VII Дуки и Марии Аланской, держащих длинный патриарший крест (1071–1078 гг.) (*Cheyne, Gökyıldırım, Bulgurlu, 2012. P. 64. No 1.39; Чхаидзе, 2021. С. 86. Рис. 5, 1*).

- Туаллагов А. А. Из истории аланской аристократии и государства // *Nartamongæ*. Журнал алано-осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. Том XIV. № 1–2. Владикавказ; Париж: ВНЦ РАН, 2019. С. 135–220.
- Чхаидзе В. Н. Византийско-абхазские и византийско-аланские связи по данным памятников сфрагистики // *Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой*. М.: ИА РАН, 2021. С. 72–90.
- Шандровская В. С. Печати титулованных женщин Византии // *АДСВ*. Вып. 33. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 89–101.
- Шандровская В. С. Византийская сфрагистика / Под ред. Е. В. Степановой. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019. 528 с.
- Шукуров Р. М. Византия и Азия. Гибель цивилизации. СПб.: Наука, 2023. 375 с.
- Cheyne J.-C. La société Byzantine. L'apport des sceaux. 1. Paris: ACHCByz, 2008a. 736 p.
- Cheyne J.-C. Les sceaux de la famille Sklèros de la collection Zacos à la Bibliothèque nationale de France // *HYPERMACHOS. Festschrift für Werner Seibt zum 65. Geburtstag*. Wien: Harrassowitz Verlag, 2008b. P. 1–14.
- Cheyne J.-C., Gökyıldırım T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul. İstanbul: Araştırmaları Enstitüsü, 2012. 1095 p.
- Cheyne J.-C., Theodoridis D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. Paris: ACHCByz, 2010. 276 p.
- Chkhaidze V., Vinogradov A. The Seal of Konstantinos, the Son of the *protoproedros* and *exousiokrator* of All Alania (About 1065–1075) // In Honorem 6. ANTIXAPISMATOS EΠIΣΦPAGIΣIΣ. Юбилеен сборник въ чест на 70-годишната на проф. д.и.н. Иван Йорданов. Шумен: Шуменски университет «Епископ Константин Преславски», 2019. P. 182–193.
- Garland L., Ripp S. Mary of “Alania”: Woman and Empress Between Two Worlds // *Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200*. [Publications for the Centre for Hellenic Studies, Kings College London: 8]. London: Ashgate, 2006. P. 91–124.
- Nesbitt J., Wassiliou-Seibt A.-K., Seibt W. Highlights from the Robert Hecht, Jr., Collection on Byzantine Seals. Thessaloniki: Byzantine Research Centre, 2009. 95 p.
- Seibt W. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien: ÖAW, 1976. 113 s.
- Seibt W. Zwischen Identifizierungsrausch und -verweigerung: Zur Problematik synchroner homonymer Siegel // *Siegel und Siegler. Akten des 8. Internationalen Symposiums für Byzantinische Sigillographie* [Berliner Byzantinistische Studien. Bd. 7]. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2005. S. 151–161.
- Seibt W. Zukunftsperspektiven der byzantinischen Siegelkunde – Auf welchen Gebieten sind die bedeutendsten Wissenszuwächse zu erwarten? // *Ἡπειρώονδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigillography*. Ioannina: Harrassowitz Verlag, 2011. S. 17–36.
- Stavrakos Ch. Die byzantinische Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. 449 s.
- Wassiliou-Seibt A.-K. Auctions 2007–2011 // *SBS*. Vol. 12. Berlin; Boston: De Gruyter. 2016. P. 141–197.

Рис. 1. Печать Марии Склирены, севасты (ок. 1044 г.)
(*Nesbitt, Wassiliou-Seibt, Seibt, 2009. No 5*).

Рис. 2. Печать Марии Аланской, августы (1078–1081 гг.)
(*Seibt, 2011. Abb. 9*).

Рис. 3. Михаил VII Дука и Мариам Аланская (1074–1078 гг.)
(Хахульский триптих, эмаль: Абрамишвили, 1988, № 5–6).

Рис. 4. Никифор III Вотаниат и Мария Аланская (1078–1081 гг.)
(Миниатюра из Слов Иоанна Златоуста: BnF. Coislin 79. Fol. 2 bis).

V. N. Chkhaidze

**MARIA SKLERAINA ≠ MARIA OF ALANIA:
ABOUT AN INCORRECT INTERPRETATION
OF A UNIQUE SEAL**

Abstract: the work presents two personal seals of representatives of the high society of the Byzantine Empire of the 11th century, known in single copies: Maria Skleraina (died about 1045) – the maitresse of Emperor Constantine IX Monomachos (1042–1055) and Maria (Mariam) of Alania (died after 1103) – the wife of emperors Michael VII Doukas (1071–1078), and then Nicephorus III Botaniates (1078–1081). The incorrect attribution of the seal of Maria Skleraina, originally attributed to Maria of Alania, gave rise to confusion, which was quickly resolved by the sphragists. However, this error continues to occur in scientific papers, primarily among Russian researchers.

Keywords: Byzantine sphragistics, seals of women in Byzantium, Maria Skleraina, Maria of Alania, 11th century, attribution of seals

И. А. Дружинина

БАДР АД-ДИН АЛ-‘АЙНИ О ЧЕРКЕСАХ¹

Резюме: в работе представлены первые результаты анализа списка этнонимов и племенных названий, приведенных в трактате о бурджитском султанине ал-Муаййаде Шейхе (1412–1421), составленном арабским историком Бадр ад-Дином ал-‘Айни (1361–1451). Этот источник имеет исключительное значение для изучения средневековой истории населения Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа, в частности, формировавшейся племенной и социальной структуры, межэтнических отношений, взаимоотношений черкесских племен с Султанатом мамлюков Бурджи, истории и родословной первых черкесских султанов. Рассматриваемый фрагмент трактата арабского историка предоставляет важнейшие сведения о самом определении – черкесы, показывает, что в арабской средневековой письменной традиции оно использовалось и как название отдельного племени, и как полиэтноним, обозначающий выходцев со всего Северного Кавказа. Но прежде всего, текст ал-‘Айни содержит самые ранние на сегодняшний день упоминания целого ряда этнонимов, среди которых – адыги, жансеевцы, темиргоевцы, бжедуги, баговцы, убыхи и другие.

Ключевые слова: Бадр ад-Дином ал-‘Айни, черкесы, адыги, абазинцы, Бурджиты, Мамлюкский султанат, Северный Кавказ

В созданном в начале XV в. арабским историком Бадр ад-Дином ал-‘Айни (ум. 1451) трактате о бурджитском султанине ал-Муаййаде Шейхе (1412–1421) содержатся уникальные сведения о *стране черкесов* – ее населении, правителях, социальном устройстве общества, а также о первых черкесских султанах – Аз-Захире Баркуке (1382–1389, 1390–1399), ал-Муаййаде Шейхе и их связях с Северо-Западным Кавказом. Переводу, анализу и публикации этих сведений источника посвящена специальная статья (Дружинина, Илюшина, Кабардов, 2024). В настоящей работе представлен самый общий обзор содержащегося в тексте источника перечня названий племен, которые ал-‘Айни относит к черкесам².

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

² Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность д.и.н. М. Ю. Илюшиной,

Бадр ад-Дина ал-‘Айни указывает (al-‘Aynī, 1998. 26-27 p.):

جرکس ويقال سرکس :ومن طائفة التُّركِ الجراكسةُ ، وأصلهم أربع قبائل وهم أبازا ، وكبکا وجنا ، :، وأركس ، والآص ، وكسا ، وتتفرع منهم بطون كثيرة وهي وبوله ، وبُزْدُغُو ، وإِسْفُو وبُصْجَا ، وأعجيس ، وسكاغوا ، وهو الذى يتكلم بلسان آبزا ، وجغا وهو أيضًا يتكلم بلسان آبزا وبشزيا ، وأبخاس ، وأزغا ، وبُغْرُو ، وبخ ، ووقاقا ، وبِمِيعًا وبدس ، وقوص ، وأريس ، وصندى ، وهؤلاء بطنان يسكنون من ناحية بحر طبرستان عند الباب الحديد، وهو الذى يسمى دَمَرْقَتِي

Перевод:

«Среди Тюрков есть Джсаракиса, и от них происходят четыре племени: Джаркас, называемые также Саркас, Аркас, Аль-Ас и Каса, и от них ответвляются многие роды, а именно: Абаза, Кибка, Джана, Булх, Буздугу, Исфува, Бусджака, Аджабас и Скагуа, и он тот, кто говорит на языке Абаза, и Джига, и он также говорит на языке Абаза, Баишиа, Абхас, Азыга, Бугроу, Бых, Вакака, Йамига, Бдс, Кус, Арис и Снда, и эти двое, которые живут у Железных ворот и они называются Дамуркабба со стороны Табаристанского моря».

Для изучения средневековой истории народов Кавказа данный фрагмент текста Ал-‘Айни представляет исключительный интерес. Вот лишь некоторые выводы и наблюдения, которые позволяет сделать анализ источника.

Во-первых, автор относит *джсаракиса*, то есть черкесов, к тюркам. Данное обстоятельство уже получило комментарий в другой нашей работе (Дружинина, Илюшина, Кабардов, 2023. С. 924). Ал-‘Айни возводит происхождение черкесов к старшему сыну Ноя Иафету – прародителю тюрков. Это обстоятельство можно объяснить тем, что *зихи* и *касоги*, являвшиеся предками адыгов и абазин, а также аланы и другие народы, населявшие Западный и Центральный Кавказ, были покорены монголами и их земли вошли в состав Улуса Джучи, полиэтнического государства с привилегированным положением кочевого тюркского населения, выступавшего в годы правления в Мамлюкском султанате тюркской династии Бахри (1250–1382) основным поставщиком военных рабов. Название *черкесы* получило распространение в арабской и персидской письменной традиции с XIII в., по всей видимости, восходит к возникшему несколькими веками ранее и впервые зафиксированному ал-Мас‘уди в середине X в. обобщенному названию населения Северо-Западного Кавказа – *кашаки*, вошло (в форме *серкесут*) в монгольские

обратившей мое внимание на этот фрагмент из текста ал-‘Айни.

источники, а затем и в западноевропейские источники. И все участники расцветшей с XIII в. на Черном море работоторговли – золотоордынцы, генуэзцы и венецианцы, мамлюки Бахри (1250–1382), а затем и Бурджи (1382–1517) – называли выходцев с Северо-Западного, или шире – с Северного Кавказа общим именем – черкесы (*Дружинина, Илюшина, Кабардов, 2023. С. 924*).

Следует учитывать и то обстоятельство, что прибывавшие в Каир уроженцы Кавказа в соответствии с возникшей во времена султана аль-Малика ан-Насира ибн Калауна (1294–1295, 1299–1309, 1309–1340) практикой, получали новые тюркские имена (которые и запечатлели письменные источники) и должны были разговаривать на одном из государственных языков – тюркском (*Кобу, 2013. Р. 31–33*).

Анализируемый фрагмент источника наглядно демонстрирует, что в тексте ал-‘Айни определение *тюрки* использовано в значении *политонима*, но никак не этнонима, и одного этого свидетельства арабского историка XIV–XV вв. достаточно, чтобы нивелировать все “аргументы” околонучных дискуссий о тюркском происхождении мамлюков Бурджи.

Следует отметить еще один важный момент. В анализируемом фрагменте текста ал-‘Айни два близких по написанию названия занимают различные позиции в предложенной средневековым хронистом трехуровневой этнической иерархии: “*общность*” (*термин условный, введенный автором статьи*) – *племя* – *род*. В данной иерархии Джаракиса – это “*общность*”, Джаркас, называемые также Саркас – это *племя*. Таким образом, Джаракиса – это *полиэтноним*, собирательное название четырех *племен* (или народов), из которых два могут быть соотнесены с историческими этнонимами, связанными с населением Северо-Западного Кавказа – зихами и касогами: собственно Джаркас / Саркас и Каса; Аль-Ас, очевидно, это аланы; а под названием Аркас, судя по контексту, упоминающему народы или племена, проживающие у Дербента, представлено население В *فوص*ого Кавказа (здесь, кстати, расположенное в конце списка название *можно прочесть как Койсу*).

Таким образом, анализируемый фрагмент текста ал-‘Айни является показательным примером использования в арабской средневековой письменной традиции определения *Джаракиса* (или *черкесы*) в значении *полиэтнонима*.

Содержание расположенного на более низкой иерархической ступени этнической систематизации ал-‘Айни определения *племя Джаркас* или *Саркас* должен раскрывать список перечисляемых ниже названий *родов*, но это понятие остается почти не проясненным, поскольку ал-‘Айни не выделяет из общего перечня *роды*, относящиеся только к Аль-Ас, или

только к Аркас, или только к Каса. Очень важным здесь представляется то, что арабский хронист разделяет два племени – *Джаркас* (*Саркас*) и *Каса*. Рискну предположить, что это разделение может в известной степени восходить к противопоставлению в более ранних источниках *зихов* (жителей Северо-Восточного Причерноморья) и *касогов* (населения Закубанья) (Дружинина, 2019а. С. 14–18).

В-третьих, анализируемый фрагмент текста ал-‘Айни содержит самое раннее на сегодняшний день упоминание целого ряда этнонимов. Вот лишь те, которые, как представляется, удалось интерпретировать или أبازا оментировать.

أبازا – [a-ba:-za:] – абаза, абазины Северного Кавказа (Волкова, 1973. С. 51). Этот этноним довольно хорошо известен в средневековых источниках. В том числе *местность Абазу* на Северном Кавказа называет персидский автор начала XV в. Низам ад-Дин Шахи (*Тизенгаузен*, 1941. С. 123). Интересно отметить, что в сп ايزا, ал-‘Айни встречается и второй вариант написания этого этнонима – ابازا. В своей этнической иерархии Ал-‘Айни определяет это название (в обоих вариантах написания) как *род*. При этом, можно отметить некое промежуточное – между родом и племенем – иерархическое положение этого этнонима, поскольку историк указывает, что на языке *Абаза* говорят представители и других *родов*, а именно: *Скагуа* и *Джига*. Этот момент интересен, поскольку может отражать зафиксированную на рубеже XIV–XV вв. определенную стадию в этногенезе абазин, когда *Абаза* выделилась из множества равных *родов* и приобрела значение консолидирующего ядра в сложении эти

كبا – [k-b-ka:] – к-б-ка, это название определенно не соотносится пока ни с одним известным этнонимом, но отмечу упомянутое Иосафатом Барбаро (1413–1494) название соседнего с Кремухом – цветущей областью страны черкесов, народа *киппики* (*Иосафат Барбаро*, 1971. С. 128, 153), а также название черкесских селений – *кабак* (*Эвлия Челеби*, 52).

انج – [g-na:] – ж-на – жанэ, жанеевцы, в позднем Средневековье и Новом времени – одно из значительных по численности адыгских племен. В русских источниках фиксируется с XVI в. в форме «*жаженьские*» *черкасы* (*Кабардино-русские отношения*, 1957. С. 4; *Кушева*, 1963. С. 136–137; *Волкова*, 1973. С. 27). В XVII в. жанеевцев упоминает *Джиовани Лукка* (1625 г.) (*giana*) (*Джиовани Лукка*, 1974. С. 71) и *Эвлия Челеби* (племя или народ *жане*, *Большая и Малая* 2. بوله) (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 63–64).

بلوب – [bu:-l-hu] – в *бул-ху* можно увидеть *Buluk Chaj*, *Boletocoi*, *Болоткай* – этими названиями турецкие и западноевропейские источники

обозначают темиргоевцев, одно из адыгских племен (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 72–73; *Волкова*, 1973. С. 40). При этом Кятиб Челеби в XVII в. تيمركوي названия *булакхаи* приводит и второе название – *темиркуи* (يوكرمت) (см.: *Волкова*, 1973. С. 40). Русским документам XVII в., где темиргоевцы упоминаются под именем *кумиргинские черкасы*, определение *болетоккой* не известно (*Волкова*, 1973. С. 40). Важно подчеркнуть, что в списке ал-‘Айни, по-видимому, зафиксированы оба эти названия – *булху* и *ямига* = *темиргоевцы* (см. ниже), причем в разных частях списка. Возможно, это обстоятельство указывает на более позднее слияние двух изначально независимых, равнозначных друг другу *родов*, зафиксированных ал-‘Айни в своих самостоятельных статусах в начале XV в. Отмечу также, что это одно их племен, происхождение которого *Эвлия Челеби* с بز دغو с арабами-курейшитами (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 72).

وعذب – [b-z-d-ghu:] – б-з-д-гу – бузудуги, бжедухи (бжъэдыгъу) (*Волкова*, 1973. С. 38-39), боздуг (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 75–76), бундук, бизеду (*Ксаверио Главани*, 1974. С. 158). В классическом труде Н. Г. Волковой отмечено: «В источниках до XVII в. имя бжедуги неизвестно» (*Волкова*, 1973. С. 38). Л. И. Лавров доказывал абазинское происхождение бжедугов (*Лавров*, 1955. С. 7-21). В XVII в. о двух группах бжедугов – абазских и черкесских – сообщают *Эвлия* и *Кятиб Челеби* (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 75-76; *Волкова*, 1973. С. 38). Турецкий автор связывает происхождение *народа бузудук* с курейшитами (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 75). К XVIII в. в результате ассимиляции абазин адыгами бڭ شفاكه читались адыгским плем *исфова* (*Волкова*, 1973. С. 39).

اؤفس – [i-s-fu:-a:] – возможно, مكافش *Эвлии Челеби* (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 55–57), или шефаки, шагаки, одно из адыгских племен. В начале XVIII в. *Ксаверио Главани*, автор «Описания Черкесии», называет в Приазовье округ Сагак (Шагак) (*Ксаверио Главани*, 1974. С. 158–160), а в 90-х гг. этого столетия *Петр-Симон Паллас* упоминает Schagaki в بصجفا напы (*Паллас Петр Симон*, 1974. С. 224).

اق صب – [b-s-g-ka:] – бсджка, бусджак – ? Если допустить последнюю интерпретацию, то под этим названием *бусджак* (в переводе с тур. bısak – «угол»), возможно, упомянуто тюркское (ногайское) население. И здесь вспомним еще одно историческое название, связываемое с тюрками, известное по описаниям земель черкесов, оставленным западноевропейскими авторами XV в.: Tatarcosia/Titarcossa/Татар-кёше – (أعجيس) «Татарский угол», «Татарский край» (*Зайцев*, 2014. С. 97).

سبج عا – [a-g-t-ж/ч-б-с – чёбсины или аг-дж-б-с, аачибс, агучипс, Ахчипсы سبج خا – горное общество абазин (*Волкова*, 1973. С. سكاغوا).

اوع الكس – [s-ka:-gua:] с-ка:гуа или ш-ка:гуа – название, близкое этнониму

иш **جغا** – одной из групп северокавказских абазин (Волкова, 1973. С. 57).

اعج – [g-gha:] – дж-га – может быть прочитана как *джига*, название юж **بشنزیا** зин, известное в форме *джигеты* (Волкова, 1973. С. 35, 55–56).

ایزشب – [b-sh-zi:a] – б-ш-зиа – к этому этнониму може **بسنی** название одной из групп абазин-шкарауа – башилбаевцы (**یاب ینسب**) (Вс **ابخاس** 1973. С. 58).

ساحب – [ab-ha:s] – абхас, этноним не требует пояснений, отмечу лишь, что и абхазы входили в числе *родов*, объединенных собирательным н **ازغا** Джаракиса (черкесы).

اعزا – [a-z-gha:] – аз-га – по-видимому, *азыгъа*, и тогда – самое раннее из известных на сегодняшний день упоминание в письменных

1 **بغرو**: ах адыгов.

ورغب – бьагру – баговцы – название одной из групп абазин-шкарауа **بخ** ва, 1973. С. 58).

خب – [bh] – убых. Как отмечали исследователи, самоназвание убыхов *nëx* (*бëк*) не зафиксировано ни в одном письменном источнике (Волкова, 1973. С. 62; Ворошилов, 2006. С. 60). Теперь это утверждение можно **وقاقا** провергнутым.

اقاقو – [ya:ka:ka:] – возможно **قاقانو** с упоминаемым Эвлией Челеби малочисленным населением **توقاق**, проживавшим в горах Северо-Западного Кавказа, к северу от области Садша (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 71–72). Их этнокультурное происхождение пока однозначно не в **یمیغا** (Волкова, 1973. С. 48, 227–228, прим. 38, 45).

ایمی – [ya:mi:ga:] – название *ямига* – соотносится с *Кемгуй*, *Чемгуй* или *темиргоевцами*, одним из адыгских племен. Считалось, что и это название не известно ранее XVII в. (Кушева, 1963. С. 139; Волкова, 1973. С. 39). И в качестве одного из наиболее ранних упоминаний темиргоевцев приводился фрагмент Грамоты из Посольского приказа (1615 г.) терскому воеводе П. П. Головину, в которой сказано: «Крымский де царь Еман-Гирей-салтан с ратными своими людьми пришел войною на *кумиргинские черкасы* и повоевал 7 кабаков» (*Кабардино-русские* **بدس** чия, 1957. С. 90).

سبد – [bds] – б-д-с – к этому названию предположительно восходит упоминаемый Эвлией Челеби между Черкесией и Абазой *кабак П-диси* (*Эвлия Челеби*, 1979. С. 66–69). Это название в XVII и XVIII вв. будет связано с хатукаевцами, от него же происходит фамилия хатукаевских узденей Падисовы, упоминаемых в XVIII в. (Волкова, 1973. С. 48).

Таким образом, трактат ал-‘Айни содержит уникальные сведения, введение в научный оборот которых позволяет на два столетия удревнить упоминания целого ряда этнонимов Северного Кавказа, а, следовательно, и формирование сложной, дробной, разветвленной этнокультурной

структуры населения Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья, что, в свою очередь, требует кардинального пересмотра существующих научных представлений о развитии здесь социальных и межэтнических отношений.

В-четвертых, больше всего в этом списке этнонимов, связанных с абазино-абхазским этническим массивом. Более того, название *Азыга*, *азыгъа* в котором видится самое раннее на сегодняшний день упоминание этнонима *адыги*, представлено именно в абхазском варианте (Волкова, 1973. С. 19). Это может указывать на происхождение информатора ал-‘Айни (или, возможно, автора более раннего произведения, которое ал-‘Айни использовал при подготовке биографии султана аль-Муаййада Шейха).

Из источников известно, что в Султанате в рамках мамлюкской корпорации представители этнической группы *Абаза* сохранили этническую солидарность и самоидентификацию, в определенный момент которая стала фактором внутрикорпоративной борьбы. Так, во время обострения внутрифракционного конфликта при султанах аз-Захире Йалбае (1467–1468) и султанах аз-Захире Тамурбуге (1468) одна из участвующих в борьбе за власть партия мамлюков – джулбан (подразделение султанских мамлюков, купленных самим султаном) султана аз-Захира Хушкадама (1461–1467) – разделилась на две враждующие группы именно по этническому принципу – первую группу, лидером которой был Хайрбек, составляли абазины, а вторая группа, признающая лидерство Касбая, состояла, в основном, из черкесов (Илюшина, 2022. С. 275–275).

Преобладание в списке ал-‘Айни этнонимов, связанных с абазино-абхазским этническим массивом, может указывать на то, что население, носящее название *абаза* в XIV и в середине XV вв. в истории Северо-Западного Кавказа, а также в развитии кавказско-мамлюкских связей, играло гораздо более заметную роль, нежели в последующие столетия. Подобное заключение, но опирающееся на сведения более поздних источников, высказывалось в научной литературе (Кармов, 2010. С. 115–120).

И поскольку абазинский, по большей части, список приведен именно в биографии султана аль-Муаййада Шейха, это может рассматриваться в качестве косвенного свидетельства об абазинском происхождении этого султана. Более того, аль-Муаййад Шейх происходил из рода Кромук, с которым соотносится название самой большой и богатой области *страны черкесов* Кремух, известной по упоминаниям в итальянских источниках и жарким дискуссиям в отечественной историографии. Благодаря Иосафату Барбаро до нас дошли имена двух владельцев этой области: первый – Кертибей у Барбаро или Куртбай у ал-Малати и Тагри Бирди, а также его сын – Биберди, упомянутый Барбаро (Иосафат Барбаро, 1971. С. 128, 153), и, видимо, это же имя в форме Пиуперти

выбито на плите Белореченской церкви (Пьянков, 2015. С. 239, 242. Рис. 2). В контексте обсуждаемого «абазинского сюжета», который диктует список этнонимов ал-‘Айни, следует обратить внимание на прямое соответствие имени Биберди и княжеской абазинской фамилии Бибердовы.

Более того, показанное М. Ю. Илюшиной противопоставление аль-Муаййадам Шейхом его рода Кармук роду Каса, откуда, согласно ал-Малати, происходил первый черкесский султан аз-Захир Баркук (1382–1389, 1390–1399) (Илюшина, 2022. С. 212), в свою очередь, может рассматриваться как косвенное свидетельство об адыгском или, во всяком случае, не абазинском происхождении Баркука. Любопытно замечание Ибн Халдуна (ум. в 1406 г.), лично знавшего аз-Захира Баркука, на которое обратила внимание М. Ю. Илюшина, что купцам с трудом удалось вывезти отца Баркука Анаса из «отдаленных районов» *Страны черкесов* (Дружинина, Илюшина, Кабардов, 2024). Это может рассматриваться в качестве косвенного свидетельства в пользу того, что представители рода Каса населяли Закубанье – территорию внутри материка, а не прибрежные районы. В свете приведенных сведений письменных источников дополнительное подтверждение получает вывод о прослеженной по археологическим материалам преемственности населения предгорий Закубанья X–XIII вв., известного под историческим названием *касоги*, и *адыгов* XV–XVI вв. (Дружинина, 2019б. С. 8–10).

В-пятых, источник зафиксировал ту стадию в этногенезе *адыгов*, когда их самоназвание, переданное ал-‘Айни в форме *Азыга* еще не являлось общим этнонимом (*племенем*, в формулировке ал-‘Айни), и употреблено наравне с другими названиями *родов* – таких, как *Джана* – жанеевцы, *Булх* – болотокай, *Буздугу* – бжедуги и др. Но уже во второй половине XV в. генуэзский путешественник Джорджио Интериано фиксирует иной статус этого названия: «Зихи – называемые так на языках: простонародном, греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига» (Джорджио Интериано, 1974. С. 46). Представляется, что это изменение в значении названия *Азыга* / *Адига* отражает возросшую роль адыгских племен в социально-политическом развитии Северо-Западного Кавказа и, видимо, в первую очередь, – в политической жизни Султаната Бурджи.

В-шестых, сведения, содержащиеся в труде ал-‘Айни, наиболее информативном на сегодняшний день источнике по этнокультурной ситуации в Северо-Восточном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе, зафиксировавшем положение вещей как минимум на начало XV в., а по всей видимости, и в конце XIV в., полностью подтверждаются выводами, полученными на основе анализа археологических источников (Дружинина, 2019б. С. 8–10), которые пока что остаются основным

фондом сведений по средневековой истории региона.

Литература

- Al-‘Aynī*, Badr al-Dīn Maḥmūd ibn Aḥmad. *Al-Sayf al-Muhannad fī Sīrat al-Malik al-Mu‘ayyad Shaykh al-Maḥmūdī*. Ed. by Fahīm Muḥammad Shaltūt. Cairo: Dār al-Kutub al-Miṣṭīyah, 1998. 427 p.
- Джиованни Лукка*. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Люкка, монаха Доминиканского ордена // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 70–72.
- Джорджио Интериано*. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
- Иосафат Барбаро*. Путешествие в Тану / Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительная ст., подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
- Кабардино-русские отношения* в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. XVI–XVII вв. / Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.
- Ксаверио Главани*. Описание Черкесии // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 158–173.
- Паллас Петр Симон*. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 215–224.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
- Эвлия Челеби*. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.
- Ворошилов В. И.* История убыхов. (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века). Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2008. 372 с.
- Дружинина И. А.* Об устойчивых историографических мифах в изучении средневековой истории народов Северо-Западного Кавказа // Кавказский сборник. М.: МГИМО МИД РФ, 2019а. С. 10–34.
- Дружинина И. А.* Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Автореф. дисс. канд. историч. наук. М.: ИА РАН, 2019б. 28 с.
- Дружинина И. А., Илюшина М. Ю., Кабардов И. Б.* «Жизнь и место обитания зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование» Джорджио Интериано: Комментарии к тексту источника // История, археология и этнография Кавказа. Том 19, № 4. Махачкала: ИИАЭ ДФЦ РАН,

2023. С. 921–933.

Дружинина И. А., Илюшина М. Ю., Кабардов И. Б. «Страна черкесов» в арабских хрониках XV в. // Oriens. Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2024 (в печати).

Зайцев И. В. Кремук ~ Кремук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этно-топонимов) // Книга Картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. М.: Индрик. С. 93–97.

Кармов Р. К. Первые упоминания этнонима «Абаза» в историографии // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 10. Нальчик: КБИГИ РАН, 2020. С. 115–121.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 370 с.

Лавров Л. И. Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. Том I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 5–47.

Пьянков А. В. Белореченская церковь: проблема датировки памятника // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции. Краснодар: Вика-Принт, 2015. С. 237–242.

Koby Y. Naming the Mamlūks: Ethnic Groups and Ethnic Solidarity during the Mamluk Sultanate // Zmanim: A Historical Quarterly. Vol. 124 (Autumn, 2013). Tel Aviv: Historical Society of Israel, 2013. P. 30–43 (на иврите).

Электронный ресурс

Илюшина М. Ю. Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия. Диссертация докт. истор. наук. М.: 2022. (https://www.ivran.ru/sites/28/files/Dissertatsiia_Iliushina_M_Iu_.pdf)

I. A. Druzhinina

BADR AD-DIN AL-‘AINI ABOUT THE CIRCASSIANS

Abstract: the paper presents the first results of analyzing the list of ethnonyms and tribal names given in the treatise on the Burji Sultan al-Muayyid Sheikh (1412-1421) compiled by the Arab historian Badr al-Din al-‘Aini (1361–1451). This source is of exceptional importance for studying the medieval history of the population of the North-Eastern Black Sea region and the North-Western Caucasus, in particular, tribal and social structure, inter-ethnic relations, relations of Circassian tribes with the Mamluk Sultanate of Burji, history and genealogy of the first Circassian sultans. The fragment of the Arab historian’s treatise under consideration provides the most important information about the very definition of Circassians and shows that in the Arab medieval written tradition it was used both as a name of a separate clan and as a polyethnonym denoting natives of the entire North Caucasus. But above all, al-‘Aini’s text contains the earliest references to a number of ethnonyms, including Adygs, Zhaneyevtsi, Temirgoevtsi, Bjedugi, Bagovtsi, Ubykhs and others.

Keywords: Badr al-Din al-‘Aini, Circassians, Adygs, Abazins, Burjits, Mamluk Sultanate, North Caucasus

И. Б. Кабардов

ИСЛАМ У СРЕДНЕВЕКОВЫХ АДЫГОВ: МАМЛЮКСКИЙ ФАКТОР¹

Резюме: в рамках комплексных мамлюковедческих и кавказоведческих исследований изучение средневековых арабских источников предоставляет богатую историческую фактуру, в контексте которой родственные группы представителей высшей военно-политической власти Мамлюкского Султаната начинают рассматриваться в качестве каналов политического и, в первую очередь, культурного влияния Бурджитов на Кавказе. В данной статье анализируется потенциал такого влияния Султаната мамлюков династии Бурджитов («Dawlat al-Djarākisa», 1382–1517 гг.) на единоплеменное население Причерноморья и Северо-Западного Кавказа, в частности, в вопросе распространения ислама.

Ключевые слова: черкесы, Бурджиты, ислам, Мамлюкский султанат, Северный Кавказа

Традиционно распространение ислама внутри адыгского этномассива связывается с османским завоеванием Северного Причерноморья, а также с влиянием на население Северо-Западного Кавказа находящегося в вассальной зависимости от Османской Порты Крымского ханства (Лавров, 1959; Кагазежев, 2010). При этом в историографии в должной мере не разработан вопрос о культурном влиянии черкесских мамлюков Султаната Бурджи на родные племена, в том числе в отношении распространения среди адыгов ислама.

Адыгские племена были подвержены самым разным культурным влияниям, что не могло не отразиться на их религиозных верованиях. Европейские путешественники XV–XVIII вв. фиксируют в культуре адыгов следы влияния различных религиозных традиций – языческие культы, христианство греческого обряда (православие), латинского обряда (католичество), ислам, отмечая при этом в отдельные периоды истории преобладание то одной, то другой религии.

Языческие верования, по всей видимости, являются результатом длительного формирования автохтонных культов, обусловливавших культуру, быт и нравы части этноса в определенный период истории,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

хотя также не исключается возможность влияния более древних культур. Пережитки этих верований доживают до наших дней, а проникавшие в регион монотеистические религии, не сумев полностью вытеснить их, синтезировали их таким образом, что зачастую обряды и праздники языческих культов воспринимаются представителями этноса как часть монотеистических религиозных традиций (Зевакин, Пенчко, 1938. С. 122–123; Лавров, 1959; Чхаидзе, Дружинина, 2014).

С VI в. и до середины XV в. Византийская империя проводила последовательную религиозную политику в отношении автохтонного населения Причерноморья (Чхаидзе, 2013). Наличие следов христианизации адыгов отмечали путешественники, посещавшие Кавказ: Барбаро (1436–1452 гг.), Дортелли д'Асколи (1624–1634 гг.), Лукка (1625 г.), Ферран (1702 г.), Мотрэ (1711 г.), Гербер (1727–1728 гг.), Главани (1724 г.).

Известно, что часть черкесов, породнившаяся с представителями генуэзских факторий (Брун, 1880. С. 242, прим.; Зевакин, Пенчко, 1938. С. 80), была подвержена их культурному влиянию и закономерно транслировала идеи католицизма внутрь своей родоплеменной среды. Источники упоминают зихского правителя Верзаха (*Versachum Zichorum regem*) (Caesaris, 1880. Р. 525; Каиштанов, 2014. С. 360), принявшего в первой трети XIV в. католичество.

Все эти традиции известные по средневековым источникам племена и народы Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа, являвшиеся прямыми предками адыгов (зихи, касоги, затем черкесы), воспроизводили или воспринимали на своей исторической территории. С конца XIV в., с момента захвата власти в Мамлюкском султанате династией черкесов, в адыгском этнокультурогенезе сформировалась качественно новая историческая ситуация, когда значительная часть этнического массива, по собственному желанию или вынужденно покинувшая земли предков, но сохранявшая (во всяком случае в части черкесской мамлюкской элиты) связи с родными племенами на Кавказе, а также свою этническую идентичность (Кобу, 2012b; 2013), приняла новую религию – ислам. При этом по нормам и принципам мамлюкской организации, а следовательно, государственного нарратива, ислам не оставлял места для сохранения языческих или христианских традиций у мамлюков. Что не означало, впрочем, фактического изживания «коренных верований» (см.: Amitai, 2016).

Таким образом, из научного дискурса, посвященного культурным влияниям, в частности, вопросам распространения ислама у адыгов, выпадает важнейший для исследования данной проблемы период в их истории, когда выходцы из народа стояли во главе государства,

представлявшего Ислам во всем мире в эпохи развитого и позднего средневековья.

Приход к власти в Султанате черкесской династии создал условия и предпосылки для качественно новых культурных трансформаций, в том числе и в плане распространения ислама, в рамках всего адыгского этномассива – не только ближневосточной, но и кавказской его части.

Адыги в корпорации мамлюков. Арабские исторические памятники средневековья содержат сведения о выходцах с территории Северо-Западного Кавказа, попадавших в культурное пространство ислама и до перехода власти к черкесской династии на территории султаната (так, известна касожская мечеть в Дамаске XII в. (*Кулешов*, электронный ресурс; *Дружинина*, 2019. С. 18). Важным хронологическим репером в рассмотрении вопроса является создание мамлюкским султаном Калауном (1279–1290) нового полка, размещенного в башне каирской цитадели Бурдж, преимущественно состоявшего из черкесов (*Ayalon*, 1949) – представителей, в первую очередь, адыго-абазинского населения, а также других народов Кавказа. С этого момента черкесы-мамлюки становятся обособленным формированием внутри мамлюкской корпорации, призванной обеспечивать сохранность династии султана Калауна.

Важнейшим событием в истории проникновения ислама в черкесское этническое пространство является приход к власти султана Аз-Захира Баркука (1382–1389, 1390–1399). Причиной чего послужил политический кризис в мамлюкской корпорации первой, тюркской династии Бахри (1250–1382), приведший к внутрикорпоративной поляризации, главным образом, на этнической основе, который разрешился победой черкесской стороны. С этого момента этнической компонент черкесов в рамках султаната наследует нарратив защиты веры. Так как нахождение иноэтнической группы во главе военно-политической машины требовало идеологического обоснования, сглаживающего различия в происхождении.

Насущная задача удержания власти в условиях ксенократического государства и сохранения сложившейся политической системы потребовала не просто пополнения корпуса мамлюков выходцами с Кавказа (в противовес выходцам из Степи), но, главным образом, укрепления аппарата власти людьми, имевшими кредит доверия со стороны новой (в этническом смысле) правящей верхушки – иными словами, имевшими тесные, в том числе, родственные связи. Таким образом, корпорация правящей военной элиты Султаната закономерно стала стремительно наполняться лояльными султанам и их эмирам представителями черкесских родов и племен. Любопытно отметить,

что с приходом к власти Бурджитов новым названием Мамлюкского султаната станет Даулат аш-Шаркаси, сменившее Даулат ат-Тюрк (*Koby*, 2012a). Примерно к этому же времени – рубежу XIV–XV вв. – относится самое раннее известное на сегодняшний день упоминание этнонима *адыги*, зафиксированное арабским хронистом ал-‘Айни (см. статью И.А. Дружининой в настоящем сборнике).

Современный виток развития кавказоведческой мысли привнес с собой новый взгляд на материалы арабских хроник (*Дружинина*, 2022; *Дружинина, Илюшина, Кабардов*, 2023), позволяющий перевести на язык цифр определенные демографические и культурно-политические изменения, имевшие место на Кавказе в период позднего средневековья. Так, арабские хронисты отмечают стремление султана Аз-Захира Баркука, первого султана новой династии, набирать в свою личную гвардию людей исключительно черкесского происхождения. Согласно источникам, Баркук взял в свой “*бейт*” порядка 3000 мамлюков, которые в дальнейшем должны были пополнить его гвардию (*Ibn Taghrī Birdī*, al-Manhal, ii, fol. 61b, 11. 17–18). Личная же гвардия Баркука, по сообщению Тагри Берди, насчитывала порядка 5000 мамлюков (*Ibn Taghrī Birdī*, al-Nujum (P), V. P. 592).

Наглядным представляется соотнесение этой цифры с данными итальянского автора XV века Иосафата Барбаро относительно области Кремух, одной из процветающих земель черкесов, которая, по заверению путешественника, состоит из селений, способных в случае нужды выставить до 2000 всадников (*Иосафат Барбаро*, 1971. С. 128, 153).

Курс государственной политики по наполнению аппарата власти Султаната черкесами, заложенный Баркуком с единственной целью удержания власти в противовес тюркскому блоку мамлюкской корпорации, стал традиционным, а в течение XV в. приобрел дополнительную специфику – обеспечение лояльными кадрами в целях уже внутрдинастийной борьбы. Для сравнения с данными Иосафата Барбаро уместно рассмотреть численность личной гвардии некоторых султанов, чье правление приходится на XV столетие, во второй половине которого другой итальянский автор, в свою очередь, зафиксировал самоназвание народа – «адыга» (*Джорджо Интериано*, 1974. С. 46).

Аль-Муаяд Шейх (1412–1421) имел 5700 мамлюков в своей гвардии (*Ayalon*, 1953. P. 225);

Аль-Ашраф Барсбай (1422–1438) – около 2000 мамлюков (*Ibn Taghrī Birdī*, al-Nujum (P), VI. P. 773, 11. 6-12; *Ayalon*, 1953. P. 228);

Аль-Ашраф Инал (1453–1461) – 1000 мамлюков (*Ibn Taghrī Birdī*, al-Nujum (P), VII. P. 671, 11. 15-20; *Ayalon*, 1953. P. 228);

Аль-Ашраф Каитбай (1468–1496) – около 8000 (*Ibn Iyas*, 2005. P. 743; *Ayalon*, 1953. P. 228);

Аз-Захир Кансух (1498–1500) – 2000 (*Ayalon*, 1953. Р. 228);

Кансух аль Гаури (1501–1516) – 2500 (*Ayalon*, 1953. Р. 228).

Приведенные цифры дают представление о количестве личных мамлюков лишь некоторых Бурджитских султанов и не учитывают количества мамлюков эмиров. Иными словами, только в течение XV в. тысячи черкесов, в числе которых выходцы из племен абазин и адыгов, инкорпорируясь в мамлюкские бейты, принимали ислам.

Закономерен вопрос о степени укорененности ислама в культурной среде ближневосточной части адыгского этномассива.

Отправной точкой в этом вопросе будет констатация того, что Мамлюкский султанат был государством, на территории которого располагались исламские святыни: Мекка с Каабой, Медина – город проживания пророка Мухаммеда, а также первых сподвижников, и Иерусалим с Аль Аксой.

Арабские хроники наглядно освещают ревностное отношение мамлюкской знати к праву султана на титул “служителя двух святынь”, традиционно подтверждавшего эту прерогативу ритуалом отправления кисвы к Каабе (*Al-Qalqashandi*, Subh, IV. Р. 57; *Schimmel*, 1965. Р. 365). Показательно письмо Баркука, в котором указано: «кибла ислама – в наших владениях, и, если неверные устремятся к кибле ислама ...каждый мусульманин должен вести священную войну (*jihād*) с ними» (*Zuhrat...*, F. 104a; *Зеленев, Илюшина*, 2021. С. 64).

Показательным примером ревностного отношения мамлюков к этой привилегии является инцидент, возникший в связи с тем, что правитель династии Тимуридов Шахрукх (1405–1447) во исполнение обета попытался отправить кисву в Мекку. Подобная просьба закончилась избиением султаном Барсбаем посла Шахрукха (*Ibn Taghribirdi*, al-Nujum, VI. Р. 684). Хотя в 1444 году преемник Барсбая султан Жакмак (1438–1453) сделал вид, что не находит негативных последствий такого жеста от лица Тимуридов, формально разрешив Шахрукху отправить кисву с караваном из Египта, тем не менее, посольская миссия Тимуридов подверглась жестокому нападению мамлюков (*Ibn Taghribirdi*, al-Nujum, VII. Р. 138).

Бурджиты были ответственны перед всей мусульманской общиной за сохранность исламских святынь. В подтверждение этому можно привести исторический эпизод восстановления султаном Каитбаем (1468–1496) могилы пророка в Медине и постройку религиозных школ в Мекке, Иерусалиме и других городах, а также реставрацию мавзолея аль-Шафии (*Ibn Iyas*, 2005. Р. 744; *Van Berchem*, 1894–1903. Р. 495).

Интересно отметить, что в Алеппо, одной из важнейших стратегических провинций Султаната, все мечети, возведенные в черкесский период,

были построены именно мамлюкскими эмирами (*Druzhinina, Iliushina, Kabardov, 2023*).

Каир, будучи столицей Мамлюкского султаната, и во времена Черкесской династии был отправной точкой маршрутов хаджа, местом, куда стекались люди со всего мусульманского мира для последующего отправления в Хиджаз (привилегия контроля над маршрутами паломничества с целью обеспечения безопасности в периоды хаджа будет безраздельно принадлежать Бурджитам вплоть до их поражения в войне с Османами в 1517 г.).

Данное обстоятельство зачастую ставило высокопоставленных лиц иностранных мусульманских государств в зависимость от султана, когда они были вынуждены согласовывать с ним свое желание совершить Хадж, как, например, в случае с прибытием на Хадж в 1481 г. брата Османского султана Баязида II (1481–1512) Джема (1459–1495) (*Ibn Iyas, 2005. P. 714; Schimmel, 1965. P. 367, 388, link 95*).

Обладание территориями, на которых располагались главные святыни ислама, демонстрирует привилегированное место Мамлюкского султаната среди мусульманских государств того времени.

Что касается непосредственного участия самих султанов в религиозных праздниках, то согласно историческим источникам, традиционно, правящий султан в празднование ид-аль Адха самолично приносил в жертву первого барана в большом холле Каирской цитадели. (*Ibn Iyas, 2005. P. 704.*) Также известно, что со времен Бейбарса I аль-Бундукдари (1260–1277) в султанате широко отмечался Mawlid-an-Nabi (день рождения пророка), многие известные хронисты того времени детально описывают традиционное застолье в султанском шатре по этому поводу с участием султана, халифа, главных кадиев основных мазхабов ислама, эмиров тысячи и чтецов Корана.

Религиозные войны. Важнейшим показателем степени приверженности черкесских мамлюков исламу являются религиозные войны Султаната при Бурджитах. основополагающая в исламской политической и юридической истории традиция джихада как борьбы за веру, уходящая корнями во времена религиозных войн Мухаммада, была мотивирующей доктриной во всех более-менее значимых для Султаната сражениях. В саму основу нарратива власти мамлюкской корпорации со времен Бахритов (1250–1382) был положен тезис о том, что ислам как благо мусульманской общины спасен иноплеменными воинами от угрозы крестоносцев со стороны Европы, от угрозы монголов со стороны Азии, и будет оберегаться ими впредь. Этот нарратив не подлежал изменению до конца существования Султаната вне зависимости от правящих династий.

Именно таким образом поход против Тамерлана был объявлен в Бурджитском султанате кадием 'l-qudat джихадом (*Ibn Taghribirdi, al-Nujum, VI. P. 55*). В 1418 г. Муайяд-Шейх (1412–1421) собрал главных кадиев, халифа и шейха аль-ислам, чтобы разобрать вопрос о допустимости, с точки зрения юридических норм шариата, войны против главы тюрко-огузского государства Кара-Коюнлу. Поход стал возможен только после вынесения советом разрешительной фетвы, после которой был объявлен призыв на джихад (*al-Batawi, 2007. P. 99; Зеленов, Илюшина, 2021. С. 62*).

Используя призывы джихада, султан ал-Ашраф Барсбай (1422–1438) организовал несколько походов на Кипр. Именно поэтому кипрская военная кампания 1424–1426 гг. Барсбая вызвала волну добровольческих настроений, что, в общем, не отменяло и стремлений принять участие в заведомо победоносных и сулящих богатую добычу походах (см.: *Илюшина, 2022. С. 222–223*). Тогда к мамлюкам Египта присоединились отряды из Сирии, а также сотни не-мамлюков (*Ibn Buhtur, Salih ibn Yahya, 1927. P. 221, 226*), среди которых были и знатные факихи (*Зеленов, Илюшина, 2021. С. 59*).

Борьба за веру была неизменной идеологической основой внешней политики мамлюков в периоды военных конфликтов с франками или крестоносными государствами Кипра и Родоса. Под знаменем джихада султан аз-Захир Джакмак (1438–1453) отправлял военно-морские экспедиции на Родос в 1442–1444 гг. (*Зеленов, Илюшина, 2021. С. 64*). Султан ал-Ашраф Инал, к слову, указанный, в генеалогии русских князей Черкасских родоначальником, в 1456 г. также использовал идею джихада для обоснования курса своей внешней политики по отношению к Кипру, высылая войско в поддержку удобного претендента (*Зеленов, Илюшина, 2021. С. 64*).

Также любопытно отметить практику формирования свиты в период военных походов, когда султана сопровождали халиф и кадии четырех главных мазхабов (*Ibn Taghribirdi, al-Nujum, VII. P. 96*). Так, Кансух Аль-Гаури (1501–1516) в своей последней большой кампании против османов в 1516 г. выдвинулся в поход, взяв с собой халифа, главных кадиев четырех мазхабов, а также глав суфийских орденов Кадырии, Рифаии, Ахмадии, которые также имели свои знамена (*Ibn Iyas, 2005. Bada'i, II. P. 929*).

Традиции ислама играли большую роль в военной жизни мамлюков, по сути, сама война осмысливалась ими в категориях исламского мировоззрения, яркой иллюстрацией тому может служить нарратив, прослеживающийся в письмах основателя черкесской династии султана аз-Захира Баркука (1382–1389). В своем послании 'Ала ад-Дину

(ум. в 1397/1398 г.), правителю области Караман, Баркук, ссылаясь на Коран и сунну, указывает на недопустимость нарушения мира между мусульманами, а также запрет на нахождение немусульман в составе войск в военных кампаниях против единоверцев (Zuhrat..., F. 103b–104b). В полемике с османами свое неприятие присутствия большого количества христиан в османской армии, Баркук аргументировал, апеллируя к понятию *dār al-islām* (исламский мир). Этот принцип стал основным, хотя и малоэффективным оружием Бурджитов в идеологической борьбе с османами (Зеленев, Илюшина, 2021. С. 64).

Роль исламского мировоззрения в вопросе осмысления войны Бурджитами глубоко разработана в статье Е. И. Зеленева и М. Ю. Илюшиной, которые отмечают: «Баркук неуклонно демонстрирует свое стремление выступать в соответствии с имеющимися у него полномочиями защитника всех мусульман и в качестве гаранта соблюдения норм шариата. В столкновении амбиций османов и мамлюков первые делали ставку на победоносный вооруженный джихад, тогда как мамлюки подкрепляли свое первенство преимущественно невоенными аргументами: во-первых, тем, что резиденция аббасидских халифов находится в Каире, а во-вторых, тем, что мамлюкский султан именно из рук законного халифа получал звание Служителя двух Священных Городов» (Зеленев, Илюшина, 2021. С. 63–64).

Очень показательным источником информации о степени инкорпорированности исламских категорий в мировоззрение части средневекового адыгского этномассива является традиция лакабов военно-политической элиты Султаната.

Лакабы Султанов:

العالم العامل المجاهد المرابط الغازي الوارع الصائم، سلطان الاسلام و المسلمين،
قاتل الكفرة و الشر كين، محي العدل في العالمين، منصف المظلومين من الظالمين،
ابو الفقراء و المساكين، ذخر الايتام و المنقطعين، كنز الغزاة و ال مجاهدين، معين
الاسلام و المسلمين، ميف الدنيا و الدين، حامى حوزة الدين، قانع الخوارج و
المتمددين، مظهر الحق بالبراهين، ناصر شريعة سيد المرسلين، ناشر أولوية العدل في
العلمين، مولى الاحسان، جامع كامة الامان، غياث الملة المحمدية، حامى الثغور
الاسلامية، خادم الحرمين الشريفين، سلطان الارض، القيم بالسنة و الفرض،
الملتجئ الى ظل غرض الله، نصر دين الله، حافظ بلاد الله، قيم خليفة الله

1. Знающий, трудящийся, моджахед, стоящий на страже, захватчик, постящийся

2. Султан ислама и мусульман
3. Борец с неверными и многобожниками
4. Защитник справедливости в мирах
5. Правосудие угнетенных от угнетателей
6. Отец бедных и нуждающихся
7. Сокровище сирот и одиноких
8. Сокровище воинов и моджахедов
9. Помощник ислама и мусульман
10. Меч мира и религии
11. Защитник владения ислама
12. Подавляющий раскольников и мятежников
13. Проявление истины с доказательством
14. Поборник Шариата посланника
15. Распространитель Знамен Справедливости в мирах
16. Покровитель благодеяния
17. Собиратель Слов Веры
18. Помощник общины Мухаммеда
19. Защитник исламских границ
20. Хранитель Двух Святынь
21. Султан Земли
22. Стоящий на Сунне и долге
23. Ищущий прибежища в тени трона Аллаха
24. Поборник религии Аллаха
25. Хранящий страну Аллаха
26. Доверенное лицо наместника Аллаха

Эмиры, занимавшие самые высокие должности в Султанате, были удостоены лакабов: 1) помощник правителя правоверных, 2) меч правителя правоверных, 3) советник повелителя правоверных, 4) опора ислама и правоверных, 5) мощь ислама и правоверных.

Эмиры среднего ранга носили титулы «слава ислама и правоверных», младшие эмиры – титул «слава Ислама» (*Schimmel*, 1965. Р. 360).

Инвеститура Халифа. Факт пребывания халифа в Каире и традиция получения санкции на правление непосредственно от потомка Аббасидов второй халифской династии, берущей свое происхождение непосредственно от дяди пророка Мухаммада, в свою очередь, показателен в контексте осмысления отношения Бурджитов к политическим традициям Ислама. Этот институт легитимизации власти был заложен еще при султанах Бейбарсе I аль-Бундукдари после разгрома монголов при Айн-Джалуте (3 сентября 1260), когда он принял инвеституру на правление от Аль-Мустасим би-л-ла, предварительно объявив его халифом.

Любопытно отметить, несмотря на то, что по свидетельствам хронистов, в последующие годы функция халифов ограничивалась исключительно символически-ритуальной ролью, выражавшейся в одаривании черными одеждами в знак благословления на власть новых султанов (*Al-Qalqashandi*, Subh, III. P. 264, 280; *Mayer*, 1952. P. 12–14) никто из мамлюкских султанов до Кансуха Аль Гаури не решился узурпировать титул халифа. Данный факт представляется наглядным доказательством приверженности мамлюкской элиты Султаната определенной линии политической традиции ислама.

Кансух аль-Гаури при своем дворе инициировал диспуты, в которых обсуждались возможность передачи султану также и титула халифа в целях достижения идеологического превосходства над политическими соперниками на исламском Востоке, в первую очередь Османами, и удержания идеологического первенства в исламском мире. Подобный разворот в политической традиции был обусловлен главным образом тем, что в политических условиях конца XV века традиционная легитимизация власти мамлюкских султанов, основывавшаяся на инвеституре аббасидских халифов, которых уже не признавали другие исламские правители, оказалась не состоятельной (*Mauder*, 2021. P. 919–920).

Поскольку, в силу исторически сложившейся географической, этнической и культурно-политической специфики мамлюкского Султаната, легитимность власти корпорации мамлюков и самый привилегированный статус Султаната в мусульманском мире напрямую зависели от степени соответствия образу защитников и поборников дела ислама, то закономерным будет постановка вопроса о распространении мусульманской веры как одного из эффективных инструментов Султаната в деле расширения и укрепления своего политического влияния. И здесь, характеризуя прозелитическую активность Султаната, в первую очередь, следует назвать одну из выдающихся побед его внешней политики – принятие Золотой Ордой мусульманства – историческое событие, которое в перспективе во многом повлияло на будущую конфигурацию культурного ареала Евразии.

Вряд ли возможно переоценить степень религиозного влияния Египта на Золотую Орду. Хан Берке (1257–1266) через своих послов в Каире присягнул халифату, основанному Бейбарсом I (1260–1277) (*Тизенгаузен*, 1941. С. 173–174; *Закиров*, 1966). Халиф сам провозгласил благословение Аллаха на хана Берке и приказал сделать то же самое с мимбаров Каира, Мекки, Медины и Иерусалима. Известно, что султан Калаун (1280–1290) отправил 2000 динаров и своего камнетеса для постройки мечети в Крыму (*Тизенгаузен*, 1884. С. 435; *Амин аль-Холи*, 1962. С. 19–21).

Безусловно, степень приверженности исламу прибывших в Султанат черкесов была не одинакова. А. Шimmel приводит сведения средневековых арабских источников, порой полярные по своему содержанию, о глубине мусульманских верований представителей всех иерархических страт мамлюкской корпорации – простых мамлюков, эмиров, султанов (*Schimmel, 1965*), однако в контексте обсуждаемой темы этот вопрос не столь важен. Принципиально отметить другое.

Независимо от двухпериодной модели истории Султаната, предлагаемой нам историографией, где каждый из периодов совпадает с доминированием во властной системе тюркского и черкесского этнического элемента, сам Султанат был воплощенным в государственной системе нарративом “служения делу ислама”. С этого начался Султанат при Бахритах, после победы над крестоносцами и отражения наступательной волны монголов, этим Султанат закончился при Бурджитах, после поражения в войне с Османами, последовавшей за идеологическим поражением (Османы вступили в войну с Султанатом под лозунгами джихада). Данный нарратив определял независимо от узкопартийных интересов внутри самой мамлюкской корпорации политическую традицию, проявлявшуюся в культурно-смысловом поле Султаната, и, на мой взгляд, традиция лакабов есть наглядный пример объективации духа этого нарратива в культуре мамлюков. Подобная точка зрения, безусловно, сближает Бахритов и Бурджитов делая их носителями одной культурно-политической традиции, утверждающими и воспроизводящими концепцию “мамлюкский султанат”. Из этого следует, что независимо от династии внешнеполитические курсы Султаната, обусловленные сутью его нарратива, были неизменны.

Подобная постановка вопроса открывает широкие горизонты исследования влияния адыгов, находившихся в культурно-смысловом пространстве Султаната Бурджитов, на некоторые части адыгского этномассива (главным образом, связанные с мамлюками кровнородственными узами), оставленные на территории Кавказа. На сегодняшний день историческая фактология, почерпнутая из арабских и европейских средневековых источников, позволяет делать обоснованные выводы о двусторонних отношениях между Бурджитами и родственными им адыгами Причерноморья в XV веке (*Broadbridge, 2011; Кобу, 2012b; 2013. Р. 32; Barker, 2015; Дружинина, 2022; Дружинина, Илюшина, Кабардов, 2023*).

Сближение мамлюковедения и кавказоведения в рамках совместных исследовательских проектов действительно дает свои плоды в выявлении новых связей, до нынешнего времени не разрабатывавшихся заслуживающим того образом. Связей, меняющих привычную оптику на представления о генезисе политических образований в рамках

адыгского этноса. Мамлюковеды, не включенные в контекст обсуждения научных проблем по средневековой истории Кавказского региона, сосредоточенные на событиях, имевших значение строго в рамках Ближнего Востока, зачастую игнорировали информацию о черкесских племенах, названия которых попадались в арабских хрониках и личных биографиях султанов. С недавнего времени в рамках такого исследовательского проекта, инициированного И. А. Дружининой, в контекст российского кавказоведения была введена информация из текста арабского хрониста Аль-Малати, жившего на рубеже XIV–XV вв., в частности информация о браке между Бурджитским султаном аз-Захиром Джакмаком и Джавансувар, дочерью Черкесского «эмира» (в терминологии арабского хрониста) Куртбая, упомянутого у Иосафата Барбаро под именем владетеля области Кремух – Кертибея. В рамках данной статьи уместно также отметить, что Куртбай, не являясь мамлюком, по прибытии в Каир обращается в ислам, что уже само по себе является прямым подтверждением значения Бурджитского фактора в вопросе распространения ислама в среде адыгов на Кавказе.

Должная разработка вопросов коммуникации ближневосточной и кавказской частей средневекового адыгского этномассива имеет потенциал для освещения процессов культурной конвергенции на территории Северного Кавказа, которая вполне могла стать драйвером, обусловившим образование и развитие новых социально-политических структур в рамках единой этнической общности.

Литература

- Джорджио Интериано.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
- Иосафат Барбаро.* Путешествие в Тану / Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 113–187.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Санкт-Петербургской академии наук, 1884. 564 с.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 2. М.; Л.: Академия наук СССР, 1941. 307 с.
- Caesaris S.R.E. Card. Baronii, Od. Raynaldi et Jac. Laderchii Congregationis Oratorii presbyterorum Annales ecclesiastici denuo et accurate excusi. Barri-ducis; Parisiis; Friburgi Helv., 1880. Vol. 24. 1313–1333.*
- Ibn Buhtur, Salih ibn Yahya.* Ta'rikh Bayrut: Akhbar al-Salaf min Dhurriyat Buhtur ibn 'Ali AmiralGharb bi-Bayrut (Histoire de Beyrouth et des bothors emirs d'al-Gharb) / ed. by P. L. Cheico. Beirut: Imprimerie Catholique, 1927. 280 p. (на араб. яз.).

- Ibn Iyās*. Badā'ī' al-zuhūr fī waqā'ī' al-duhūr. Die Chronik des Ibn Ijās. 2 vols. Cairo: Madbouli bookshop, 2005. Vol. I–II. 1749 p. (на араб. яз.).
- Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsin Yūsuf*. al-Manhal al-Ṣāfī wa-al-Mustawfā ba'da al-Wāfī. Cairo: al-Hay'ah al-Miṣriyah al-Āmmah lil-Kitāb, 1984–2009. 13 vols. (на араб. яз.).
- Ibn Taghrī Bardī, Abū al-Maḥāsin Yūsuf*. Al-Nujūm al-Zāhira fī Mulūk Miṣr wa-l-Qāhira. 16 vols. Beirut: Dār al-Kutub al-ʿIlmiya, 1992. 16 vols. (на араб. яз.).
- Zuhrat al-Nāziri'n wa Nuzhat al-Nādirin* [Сияние для наблюдающих и отрада для редких]. The Library of the University of Leiden. Or. 1052. 125 f. (на араб. яз.).
- Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Казань: Иман, 2002. 49 с.
- Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Часть II. Одесса: Типография Г. Ульриха. 1880. 409 с.
- Дружинина И. А. Об устойчивых историографических мифах в изучении средневековой истории народов Северо-Западного Кавказа // Кавказский сборник. М.: МГИМО МИД РФ, 2019. С. 10–34.
- Дружинина И. А. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. в свете материалов археологии // ByzantinoCaucasica. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022. С. 201–232.
- Дружинина И. А. Бадр ад-Дин ал-ʿАйни о черкесах // ByzantinoCaucasica. Вып. 3. М.: ИВ РАН, 2023. С. 153–163.
- Дружинина И. А., Илюшина М. Ю., Кабардов И. Б. «Жизнь и место обитания зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование» Джорджио Интериано: Комментарии к тексту источника // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Vol. 20 (4). С. 921–933.
- Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
- Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории Генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки Института истории АН СССР. 1938. № 3. С. 72–129.
- Кагазежев Ж. В. Принятие ислама адыгами // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 160–163.
- Каушанов Д. В. Казус Миллена: Dominus Alanorum или Tscherkassischer Fürst? // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М.: ИА РАН, 2014. С. 359–362.
- Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 193–236.
- Чхаидзе В. Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ 01: «империя» и «полис». Сборник научных трудов. Севастополь: СПД Арэфьев, 2013. С. 47–68.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А. Зихская епархия и попытка христианизации зихов // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента

- АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16–18 апреля, 2014 г. Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 286–291.
- Amitai R.* Echoes of the Eurasian Steppe in the Daily Culture of Mamluk Military Society // *Journal of the Royal Asiatic Society, Third series*, Vol. 26, No. 1/2, The Mongols and Post-Mongol Asia: Studies in Honour of David O. Morgan. 2016. P. 261–270.
- Ayalon D.* The Circassians in the Mamlūk Kingdom // *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 69, No. 3 (Jul.–Sep., 1949). New Haven: American Oriental Society, 1949. P. 135–147.
- Ayalon D.* Studies on the Structure of the Mamluk Army – I // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* Vol. 15. No. 2. London: University of London, 1953. P. 203–228.
- Barker H.* Reconnecting with the Homeland: Black Sea Slaves in Mamluk Biographical Dictionaries // *Medieval Prosopography: Board of Trustees of Western Michigan University through its Medieval Institute Publications*. Kalamazoo, 2015. Vol. 30 (2015). P. 87–104.
- al-Batawi H. A.* Ahl al-Imama fi Misr. ‘Asr Salatin al-Mamalik [Theological Elite in Egypt. The Age of the Mamluk Sultans]. Cairo, Giza: ‘Ayn li-l-Dirasat wa-l-buhuth al-insaniyya wa-l-ijtima’iyya, 2007. 200 p. (на араб. яз.).
- Berchem van M. Max.* Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Teil 1, Cairo, Paris: Ernest Leroux. 1894–1903. 291 p., XXXIII pl.
- Broadbridge Anne F.* Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics // *MSR*. Chicago: Middle east docuMentation center (Medoc), 2011. Vol. XV. P. 1–18.
- Druzhinina I. A., Iliushina M. Yu., Kabardov I. B.* Urban planning activity of the Circassian Mamluks as a means of legitimizing of power // *Mediaeval towns in the Caucasus – New Research and Future Perspectives*. International conference. Georgian National Museum, Tbilisi. October 25-26, 2023 (в печати).
- Koby Y.* Dawlat al-atrāk or dawlat al-mamālīk? Ethnic origin or slave origin as the defining characteristic of the ruling ‘elite in the Mamlūk sultanate // *Jerusalem Studies In Arabic And Islam*. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2012a. Vol. 39. P. 387–410.
- Koby Y.* Mamluks and Their Relatives in the Period of the Mamluk Sultanate (1250–1517) // *MSR*. Chicago: Middle east docuMentation center (Medoc), 2012b. Vol. XVI. P. 55–69.
- Koby Y.* Naming the Mamlūks: Ethnic Groups and Ethnic Solidarity during the Mamluk Sultanate // *Zmanim: A Historical Quarterly*. Vol. 124 (Autumn, 2013). Tel Aviv: Historical Society of Israel, 2013. P. 30–43 (на иврите).
- Mauder C.* In the Sultan’s Salon. Learning, Religion, and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516). Vol. I, II. Brill. Leiden, Boston, 2021. 1328 p.
- Mayer L. A.* Mamluk costume, a Survey. Genève, A. Kundig. 1952. 120 p., 20 pl.
- Schimmel A.* Some glimpses of the religious life in Egypt during the later mamlūk period // *Islamic Studies*, Vol. 4, No. 4. Islamabad: Islamic Research Institute, International Islamic University, 1965. P. 353–392.

Электронные ресурсы

Al-Qalqashandī. Ṣubḥ al-a'shā fi Ṣinā 'at al-Inshā [Заря для подслеповатого в искусстве писания]. Cairo, 1914. Vol. 4. download book al qalqashandi morning al asha с 4 pdf - Noor Library (noor-book.com)

Илюшина М. Ю. Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия. Диссертация докт. истор. наук. М.: 2022. 656 с. (https://www.ivran.ru/sites/28/files/Dissertatsiia_Iliushina_M_Iu_.pdf)

Кулешов Вяч. С. Касожская и хазарская мечети в Дамаске XII в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (16) Касожская и хазарская мечети в Дамаске XII века / Kashak (Circassian) and Khazarian Mosques in the 12th century Damascus (Draft 2017) | Viacheslav Kuleshov - Academia.edu

I. B. Kabardov

ISLAM AMONG THE MEDIEVAL ADYGS: THE MAMLUK FACTOR

Abstract: within the framework of comprehensive research Mamluk and Caucasian studies, medieval Arab sources provided a rich historical evidences, in the context of which the related groups of representatives of the highest political rank of the Mamluk Sultanate begin to be considered as channels of political and, above all, cultural influence of the Burjites in the Caucasus. This article examines the potential of the cultural influence of the Mamluk Sultanate of the Burjit dynasty («Dawlat al-Djarākisa», 1382–1517 гг.), on the native tribal population of the Black Sea region and North-Western Caucasus, in particular in the matter of the spread of Islam.

Keywords: Circassians, Burjits, Islam, Mamluk Sultanate, North Caucasus

Д. В. Каштанов

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ. О ПОЕЗДКЕ Д. М. СТРУКОВА НА КАВКАЗ В 1867 ГОДУ

Резюме: в научный оборот вводятся архивные материалы из фонда Д. М. Струкова Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Они содержат неизвестную ранее информацию о поездке Струкова на Кавказ в 1867 году, результатом которой также стало появление серии зарисовок, сохранившихся в архиве Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург). Выявлены и реконструированы отдельные комплексы заметок, посвященные поездке. Их сравнение позволяет говорить о нескольких этапах работы Струкова над отчетом. Установлены обстоятельства и хронология поездки, связи Струкова с другими персоналиями. Публикуемые материалы предоставляют ценные сведения по истории русского кавказоведения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дмитрий Михайлович Струков, Императорское Археологическое общество, путевые заметки, архивные материалы

Настоящая публикация вводит в научный оборот комплекс архивных материалов, которые дают дополнительную информацию о деятельности исследователя памятников старины Дмитрия Михайловича Струкова (1828–1899). Кавказоведение обязано ему ценными зарисовками, которые отразили многие утраченные памятники археологии и искусства (Перфильева, 2013. С. 82–99; Каштанов, 2016. С. 224–225; Белецкий, Виноградов, 2021). Эти альбомы, хранящиеся в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, до сих пор не опубликованы и, таким образом, все еще труднодоступны для широкого круга исследователей.

Установлено, что серия из 30 рисунков Струкова в одном из альбомов (ИИМК, Р-I, оп. 1, д. 273. Лл. 24–53) не имеет отношения к его поездкам на Кавказ в 1888 и 1890 годах¹. Между тем, в фонде Струкова в Российской государственной библиотеке (ф. 293) имеются материалы,

¹ О. В. Григорьева, М. В. Медведева, *Неизвестная поездка Д. М. Струкова на Кавказ в 1867 г.*, доклад на конференции «Алания до и после принятия христианства: памятники, открытия, контекст», 30–31.03.2023, Эрмитаж (Санкт-Петербург).

которые проливают свет на обстоятельства появления этих зарисовок и позволяют лучше понять их содержание.

Главный документ – дело 863 (23.9) – это доклад Струкова в Императорское Археологическое общество². Он представляет собой писарскую копию на 8 листах (сшитая темными нитками тетрадь; оригинальная нумерация отсутствует), выполненную темно-коричневыми чернилами на плотной бумаге фабрики Говарда (конгрев в левом верхнем углу). Имеется правка другой рукой, коричневыми чернилами — насколько мы можем судить, это почерк Струкова (Рис. 1). Текст сохранился полностью. Документ не датирован.

К этому докладу имеются черновые и подготовительные материалы, которые можно разделить на несколько групп.

1). Листы доклада, разбросанные по нескольким делам. Удалось выявить 16 страниц с текстом (1–11 и 16–19); найденными остаются страницы 12–15.

Общие черты всего комплекса следующие. Почерк, очень близкий к тому, которым внесена правка в д. 863 (т.е. Струковым). Коричневые чернила; сероватая и серовато-желтая бумага нескольких сортов; на некоторых листах в левом верхнем углу рамка фабричного конгрева, но отпечаток не читается. На некоторых листах имеется карандашная правка Струкова. На верхнем поле имеется постраничная (1 и 2 – полистная) пагинация карандашом (Рис. 2).

Дело 856 (23.2). Разрозненные листы, сложенные пополам, общим числом 5. Содержание:

- Лл. 3–4 об.: начальная часть доклада. На л. 3 об. внизу знак вставки. Карандашная пагинация: 1, 3, 4.
- Л. 5: часть описания поездки на Рим-гору. Карандашная пагинация: 11.
- Лл. 1–2: окончание доклада с перечислением 12 пунктов. Карандашная пагинация: 16, 17, 18.

Дело 893 (23.39). Разрозненные листы с текстом и рисунками, среди которых:

- Л. 11. Карандашная пагинация: 2. Слева сверху знак вставки, такой же, как в д. 856, л. 3 об., за которым этот лист и должен следовать. Содержание: список 4 лапидарных памятников, зарисованных Струковым в Пятигорске. Карандашная правка рукой Струкова.
- Л. 9–10 об. Карандашная пагинация: 5, 6, 7, 8. Содержательно следует за л. 4 об. д. 856.
- Л. 4. Карандашная пагинация: 19. Заключительная часть доклада, без нескольких финальных предложений. Содержательно следует за л. 2 д. 856.

² Фотографии размещены на сайте РГБ: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01012067911>

Дело 859 (23.5). Один лист. Нумерация теми же чернилами на лицевой стороне, справа сверху: 4 – зачеркнута карандашом. Карандашная пагинация: 9, 10. Средняя часть доклада. Карандашная правка рукой Струкова. Содержательно должен предшествовать л. 5 д. 856.

По всей видимости, эта подборка листов отражает черновую версию доклада, подготовленную Струковым для переписывания набело. Во всяком случае, писарская копия доклада д. 863 восходит непосредственно к ней, что видно по тому, как копиист ошибался в незнакомых словах. Так, сходство начертаний букв «у» и «т» в почерке Струкова заставило писца написать «аул Натрузова» вместо «Наурузова».

2). Особняком стоит дело 877 (23.23). Оно содержит один лист: сероватая бумага, синие чернила. Почерк тот же, что в д. 856 (т.е. Струкова); обильная карандашная правка рукой Струкова; несколько слов вписаны коричневыми чернилами. Содержание – описание пребывания в кунацком доме в ауле Хату-Анзорова.

3). Два отрывка еще одной писарской копии доклада. Она была исполнена на белой бумаге (в левом верхнем углу конгрев фабрики Барышникова) темно-коричневыми чернилами. Почерк очень близок к почерку доклада д. 863, хотя между ними есть и различия. Имеется редкая правка и дополнения чернилами тем же почерком, которым написан «черновой» комплекс (Струкова) (Рис. 3).

Дело 892 (23.38). Листы сложены пополам, не скреплены, общим числом 4. Содержит начальную и заключительную часть доклада (до конца 12 пункта сведений); середины недостает из-за утраты листов.

- Дело 893 (23.39). 1 лист. Окончание доклада с впечатлениями о пребывании на Кавказе.

Насколько можно судить по особенностям текста, эта копия представляет собой некий промежуточный этап работы между черновым тестом и докладом д. 863. Так, в нем сохранены и не исправлены особенности черногого текста, которые были в дальнейшем исправлены в докладе д. 863 (например, в обоих читаем «реки Чегем», тогда как в исправленной версии «реки Черек»).

4). Фрагмент еще одной писарской копии сохранился в деле 939 (25.10). Это один лист желтоватой бумаги, коричневые чернила без каких-либо позднейших правок; почерк отличается от почерков копий в д. 863 и дд. 892+893. Содержание — описание Рим-горы, без начала и окончания.

Также выявлены два перечня рисунков.

- Дело 891 (23.37): написан карандашом на 3 листах сероватой бумаги (конгрев не читается); не похоже, чтобы почерк был тот же, что в д. 856.

- Дело 858 (23.4): написан на обеих сторонах одного листа, по всей видимости, на такой же бумаге, теми же чернилами и той же рукой, что и д. 856. Здесь также имеется правка чернилами тем же почерком, что в д. 856 (т.е. Струкова, как мы полагаем) (Рис. 4).

Таким образом, Струковым, помимо альбома, были подготовлены еще два документа – доклад в Императорское Археологическое общество и список 30 рисунков. Раз их писарские копии остались в его личном архиве, то, по всей вероятности, с них были сделаны беловые копии, которые были направлены в Императорское Археологическое общество в Санкт-Петербург вместе с альбомом, оказавшимся в конечном итоге в архиве ИИМК.

* * *

Из публикуемых источников мы узнаем, что Струков в 1867 году должен был по поручению Императорского Археологического общества сопровождать братьев Нарышкиных в поездке на Кавказ. Те вместе с фотографом Астафьевым³ отправились из Москвы в середине мая и в начале июня прибыли в Пятигорск. Отъезд самого Струкова задержался, поскольку он должен был получить разрешение на поездку у директора Оружейной палаты – на тот момент им был Александр Фомич Вельтман, – где служил с 1861 года.

Выехав в конце июля из Москвы в Крым, в Пятигорске Струков оказался лишь 28 сентября, а 1 октября встретил там Николая Нарышкина. В первых числах октября Струков занимался изучением памятников, хранившихся в городском саду, уделив особое внимание двум скульптурам с греческими надписями – «Дука-бек» и «Эльхотовский крест»⁴.

Во второй декаде октября Струков вместе с Нарышкиным отправился в Кабарду. Через станицу Марьинскую и аул Тамбиева они добрались до реки Баксан, после чего Струков съездил в Нальчик и обратно. Затем путешественники провели несколько дней в ауле Хату-Анзорова (совр. Хатуей) и через станицу Горячеводская вернулись в Пятигорск. После чего, уже вместе с директором минеральных вод Семеном Алексеевичем Смирновым, Струков осмотрел Рим-гору. Из Пятигорска Струков выехал в конце октября и через Ставрополь отправился в Москву.

Таким образом, в 1867 году Струков провел на Кавказе около месяца. Специально отметим, что местность по течению реки Зеленчук в тот год

³ Его фамилия зафиксирована в альбоме экспедиции Нарышкиных (ИИМК, Р-I, д. 315. Лл. 4, 8–9, 11–12, 15–16, 17–18, 20–24). Живший в Москве отставной поручик Александр Андрианович Астафьев занимался фотографией примерно с начала 1860-х годов, в 1868 г. открыл заведение «Славянская фотография» (Шипова, 2007. С. 110).

⁴ ИИМК, Р-I, оп. 1, д. 273. Лл. 25, 26. Впоследствии были перевезены в Исторический музей в Москве (Латышев, 1887. С. 44–47; Императорский Российский исторический музей, 1893. С. 419–421).

он не посещал; там он окажется только 20 с лишним лет спустя, в 1888 году.

За свои работы на Кавказе Струков получил от Императорского Археологического общества 100 рублей⁵.

Помимо уже упомянутых братьев Нарышкиных, их фотографа А. А. Астафьева и директора минеральных вод С. А. Смирнова, Струков во время своей поездки контактировал со следующими людьми, которые помогали ему в сборе информации и содействовали в его перемещениях:

- полковой священник Никита Богомолов (Пятигорск);
- Авежук Шапсегов (аул Наурузова);
- князь Наурузов (аул Наурузова);
- начальник Терского округа полковник Нурид (Нальчик);
- Хату-Анзоров (аул Хату-Анзорова);
- Заурбек Астемиров, родственник Хату-Анзорова (аул Жемонкуль);
- музыкант Абу Муталиб Таноков (аул Хату-Анзорова?);
- казацкий сотник Иван Степанович Андреев (Пятигорск);
- казацкий полковник кабардинец Соколов (Пятигорск);
- кабардинский князь Мурза-Бек (он же Бек-Мурзи Тамбиев?).

Кроме них, Струков упоминает и других людей, занимавшихся сбором этнографических материалов и древностей:

- военный врач Головинский (Владикавказ);
- Сафар Шодов (аул Аргуданский);
- кабаринский князь Атажук Атажуков (Нальчик);
- полковник Псекупского полка Иван Демидович Попко (станция Псекупская);
- Шулормов и Казильбек Карумов (аул на реке Малке).
- Среди разнообразной информации о древностях Северного Кавказа, содержащейся в отчете Струкова, особо отметим указание на две греческие рукописи. Одну из них вызывался достать князь Наурузов, и ничего определенного о ней сказать нельзя. Что касается рукописи, вернее, рукописей, которые принадлежали семье Шогеновых из аула Атажуко Атажукина, то с ними повезло больше: в нашем распоряжении имеются не только указания исследователей того времени, но и несколько листов, которые недавно введены в научный оборот (*Виноградов, Каиштанов, Понарядов, 2018. С. 310–322; Виноградов, Каиштанов, Понарядов, 2018. С. 418–421*).

* * *

Текст доклада издаем по рукописи РГБ, Струк. 863 (23.9). Лл. 1–8 об. по современной орфографии и без точного следования авторской пунктуации. Дополнения Струкова выделены курсивом, зачеркнутый

⁵ РГБ, Струк. 11 (1.11). Л. 2 об.

им текст также зачеркнут. Указываются окончания страниц и листов. Названия и имена даются как в источнике.

Перечни рисунков РГБ, Струк. 858 (23.4). Лл. 1–1 об. и РГБ, Струк. 891 (23.37). Лл. 1–3 издаем параллельно по аналогичным принципам.

В Приложении публикуем фрагмент отчета Николая Нарышкина в Императорское Археологическое общество (ИИМК, ф. 3, д. 536. Лл. 59–60), который позволяет уточнить обстоятельства пребывания Струкова на Кавказе в 1867 году.

* * *

В Императорское Археологическое общество.

художника Дмитрия Струкова

В начале весны сего года я назначен Обществом находиться при г.г. Нарышкиных во время путешествия их по Кавказу; в то время, когда они собрались из Москвы к отъезду, я не мог ехать вместе с ними, ибо не было еще получено формальное разрешение от начальства по месту моего служения; почему я снабдил гг. Нарышкиных книгами археологического содержания и наставлениями в случае обзора древних памятников, и они выехали из Москвы без меня в сопровождении фотографа, а я предполагал приехать к концу их занятий, дабы не обременять излишними расходами. Выехал я из Москвы я в конце июля месяца, на пути останавливался в Крыму для обзора древних памятников; рисунки древностей Крыма буду иметь честь вскоре предоставить благоусмотрению Общества.

|| (л. 1 об.) Из Крыма отправился в Пятигорск, куда приехал 28 сентября, осмотрел город, древние памятники, находящиеся в саду, труды г. Нарышкина (*) и его фотографа; причем предложил труды их пополнить рисунками: а). древних памятников, *находящихся* в Пятигорске, описанных г. Фирковичем; б). с находок в Зеленчукской церкви; в). монет, мною полученных для снимка от полкового священника Никиты Богомолова, собранных им в разных местностях Кавказа, и г). чертежем плана местностей, где производили они исследования; сам же я в это время рисовал памятники, не вошедшие в состав их снимков, а именно:

1. Две каменные статуи, см. рис. 1, находившиеся прежде в станице Есентуках, вероятно, те, о которых пишет г. Фиркович;

2. Крест, см. рис. 2, описанный Фирковичем, найденный есаулом Абуковым на Рим-горе в Бургустане (**). 3.

(*) В черновых рисунках были сняты некоторые изображения святых, *виденные* рисованные им в Зеленчукских церквях, которые, по просьбе, г. Нарышкина, мною исправлены.

(**) Г. Фиркович читает надпись так: «рабов Божиих Георгия и Иакова».

|| (л. 2) 3. Две каменные плиты с арабскими надписями, см. рис. 3, найденные в селе Покойном в доме казака Звездова, ныне находятся в гроте, называемом Лермонтов;

4. Две каменные плитки с изображением животных, см. рис. 4, найденные близ Боргустана.

Потом занялся рассмотрением двух древних памятников, ~~рисунки с-коих снял фотограф по моему указанию~~. При тщательном обзоре ~~двух древних памятников~~ их оказалось, что надписи почти совершенно выветрились от времени и свойства камня, тогда я обратился к господину директору минеральных вод Смирнову, горячо сочувствующему археологическим изысканиям, и при его содействии с помощью данных им из типографии людей пропитали камни маслом и потом типографическою масляною катушкою накатывали поверхность камня (буквы вырезаны внутрь), отчего очертание букв более или менее определилось⁶, после чего памятник, в форме большого креста, найденный в 1852 году в Малой Кабарде за Терским, близ Эльхотовского аула, я нарисовал с ~~лицевой~~ *трех* стороны, см. рис. 5, а с ~~другой~~ *четвертой стороны*, где ~~надпись, снят~~ *(испр. из сняли)* фотографический снимок ~~с надписью~~ *где и*. Самую же надпись, ~~которую~~ я сверял с имеющимся у меня прежним снимком, снятым в 1852 году⁷; при сличении оказалась неточность в очертании формы букв, и даже несколько слов пропущено, || (л. 2 об.) почему я с едва видных очертаний ~~букв~~ срисовал новый снимок и, не ручаясь за верность своего рисунка, ~~при сем оба снимка~~ прилагаю, см. рис.; с другого древнего памятника, известного под именем Дука Бек (*), найденного г. Фирковичем близ Этоцкого аула в 12 верстах от Пятигорска, ~~фотографу предложил сделать фотографический рисунок~~ ~~снял~~ *фотографический снимок*, а я отдельно нарисовал едва сохранившиеся буквы, см. рис. 6 *(испр. из 5)*. Способом примасливания камня, кажется, укреплено дальнейшее выветривание букв на камнях.

После чего я вместе с г. Нарышкиным отправился в Кабарду чрез Марьинскую станицу, близ коей находится курган высотой до 10 саж.; ~~рассказывал священник, что в нем находили клады, состоящие из металлических вещей серебряных вещей и оружия, но где находятся находки, неизвестно. откуда приехали~~ *Потом поехали* в аул Тамбиева, в 2 верстах от которого находятся земляные насыпи, называемые «город

⁶ Результат этого «примасливания» хорошо виден на photographиях из альбома Нарышкиных: ИИМК, Р-I, оп. 1, д. 315. Лл. 23, 24.

⁷ См.: ИИМК, ф. 3, д. 112. Лл. 65–66 об, 68 об. («Рисунки древних памятников, хранящихся в Пятигорске. 1852», с карандашными пометами: «Прил. к записке г. Савельева (?) 6 февра. 1853»; «От г. Зеленецкого»). Судя по заметке самого Струкова, он получил зарисовку надписи Дука-Бека от пятигорского священника о. Василия (ИИМК, Р-I, оп. 1, д. 273. Л. 25).

френков», *где говорили, что среди насыпей видны следы фундаментов и рассказывали что и где* иногда здесь находят металлические вещи. Откуда Из аула Тамбиева поехали на берег реки Боксан близ Коша (испр. из Каша), где недалеко от берега есть ста-

(*) Памятник этот описан в Зап. Арх. общ. 1850 г.

|| (л. 3) ринное кладбище, и я в сопровождении Авежука Шапсегова из аула Наурузова (испр. из Натрузова) осмотрел это место, которое, по словам спутника, считается древним поселением, нарисовал три памятника, см. рис. 7 (испр. из 6), таковых памятников очень много по всей Кабарде, говорят, некоторые есть с неарабскими надписями, но я не имел средств и возможности их видеть. На этом месте виделись с князем Наурузовым (испр. из Натрузовым), обещавшим доставить свою древнюю историческую родословную и какую-то *древн греческую книгу*.

С берега реки Боксен по просьбе г. Нарышкина ездил я за 25 верст в укрепление Нальчик к г. начальнику Терского округа полковнику Нуриду за получением открытого предписания для свободного занятия археологическими изысканиями и для свободного получения станичных лошадей во вверенном ему округе, а также открытое письмо к Атажук Атажукову, у которого имеется древнее греческое евангелие, что получено мною 9 октября и доставлено г. Нарышкину. На пути *обратно из Нальчика* в 2 верстах от укрепления Нальчик видел местность, чтимую в окрестных аулах, и называемую (испр. из называется) Три кургана, форму их я нарисовал, см. рис. 8 (испр. из 7). У подошвы большого кургана есть старинное кладбище с двумя памятниками, см. рис. 9 (испр. из 8).

|| (л. 3 об.) Кабардинец, указавший это место, сказал, что в народе курганы слывут «Мамаевыми».

По возвращении моем на берег р. Боксан (испр. из Боксен) поехали с г. Нарышкиным в аул Хату-Анзорова, где я пробыл двое суток в кунацком доме, наблюдая нравы едва известного мне народа, здесь я расспрашивал об известном во всей Кабарде Сафаре Шодове *известного под именем Курганника* из аула Аргуданского, занимавшегося по старости более 40 лет раскапыванием курганов, собиранием и изучением древностей, за что получил название «курганник», но мне сказали, что он умер, а где находятся его находки, неизвестно. Здесь в кунацкой хате гостеприимный и радушный хозяин приглашал Абу Муталиба Танокова играть на туземном инструменте, называемом пшинне, см. рис. 10 (испр. из 9), и петь песни, заунывные мотивы напоминали наши русские напевы в роде песни «выйду ль я на речиньку «ах Дунай ты мой Дунай» и другие того же тона; слова же переводил сам хозяин, из коих выходит смысл исторических былин, в одной песне герой сравнивается храбростью со св. Георгием, в другой песне восхваляется торжественное служение

и богатое облачение какого-то || (л. 4) святителя, в третьей песне воспевается благодетельный шоген (*) священник; тут же встретил родственника *Хату*-Анзорова — Заурбека Астемирова из аула Жемонкуль в 45 верстах от Анзорова аула, он рассказывал, что близ аула Жемонкуль есть место, называемое Огород френков, где находят древние вещи и камни с надписями неарабскими, *но мы туда не ездили*.

В двух верстах от аула Анзорова стоит памятник с арабскою надписью, см. рис. 11 (*испр. из 10*).

В пяти верстах место, называемое «город френков Керменчук», имеющий 1 версту в диаметре, я нарисовал на глаз план местности, см. рис. 12 (*испр. из 11*), посреди города течет река Чекер, в обрывистом берегу ее, см. рис. 13 (*испр. из 12*) ~~под буквою А~~, года три назад нашли огромный кофельный кувшин с узеньким горлом, мерою до 2 аршин, в нем монеты и разные серебряные вещи, но это все перелито, и находки видеть не удалось; на возвышенностях берегов по обе стороны реки стоят два памятника, рисунки их прилагаю, см. рис. 14 (*испр. из 13*); вдали на окраинах города видны остат-

(*) Существуют князья Шогеновы в настоящее время, происходящие от православных священников.

|| (л. 4 об.) ки каменных фундаментов и курганы, см. рис. 15 (*испр. из 14*).

В 7 верстах от аула Анзорова (*испр. из Анзорова*) в лесу по дороге к станице Александровской ~~увидал~~ *нашел* развалины, см. рис. 16 (*испр. из 15*), где пол внутренности здания раскопан, и плиты камней разбитых лежат около здания, на некоторых плитах видны следы букв греческих, а на одном обломке изображение как бы отколотого креста, птицу и рыбу, как бы символы древних христианских изображений, см. рис. 16 (*зачеркнуто 17, ранее испр. из 16*). Близ станицы Прышиб на кургане стоят два креста древней формы, см. рис. 17 (*испр. из 16*), к сожалению, не нашел туземцев спросить что-либо о сем месте.

Возвращаясь в Пятигорск, был в станице ~~Марьинской~~ *Горячеводской*, где на пороге избы казака Кудрявцева видел камень, см. рис. 17 (*испр. из 18*), заметно, что была надпись, но уничтожена острым орудием, *что можно встретить повсюду на древних христианских памятниках*. В Пятигорске ~~Нотом~~ был вторично у священника отца Никиты Богомолова, он показывал мне свой труд, над которым занимается более 19 лет. Труд его в моих глазах показался необыкновенным, и считаю обязанностию донести Обществу; это большого формата листы бумаги, разграфленной на несколько полос, где видны последовательные || (л. 5) изображения формы букв, начиная от египетских иероглифов, до русской азбуки, с кратким филологическим сравнительным словарем всех языков. ~~После чего~~ *Потом* по предложению господина директора минеральных

вод доктора Смирнова вместе с ним и его помощниками ездили за 60 верст осматривать местность, называемую Рим-гора Бургустан (*испр. из Бургустон*), что описана г. Фирковичем; путеводителем нашим был казакский сотник Иван Степанович Андреев. Подъезжая к Рим-горе, я нарисовал общий вид с западной стороны, см. рис. 19 (*испр. из 18*), а на гору входили с восточной стороны, откуда тоже нарисовал вид, см. рис. 20 (*испр. из 19*); я входил по бывшей некогда лестнице с юго-восточной стороны и нарисовал эту местность, см. рис. 21 (*испр. из 20*). Обойдя ~~по краю~~ вершины горы, видно (*испр. из видел*) ~~по краям~~ много цистерн различной меры и глубины, размещенных по краям ~~всей~~ горы, но они все завалены землею, мусором от строений и кафельными (*испр. из кофельными*) осколками, образцы чего при сем представляю; осмотрели площадь, где оказались признаки фундаментов зданий, а посредине ~~поверхности~~ горы к северо-восточной стороне сход по бывшим ступеням в пещеру, засыпанную землею более половины, см. рис. 22 (*испр. из 21*), где на восточной стороне стены изображен крест; судя по плану и сравнивая с древ- || (л. 5 об) ними крымскими храмами, можно предположить, что ~~это~~ ~~здесь~~ был храм. На южной стороне горы, спустясь до двух сажен на равнину шириною до 3 сажен, нашли две пещеры, из которых к одной ведет ~~лестница~~ от подошвы горы ~~едва заметная лестница~~, ~~совершенно~~ заросшая бурьяном; пещера выдолблена в скале, засыпана землею до половины; на восточной стороне изображение креста, а на западной стороне над входом внутри пещеры тоже кресты разной формы, что доказывает, по моему мнению, тоже был храм, см. рис. 23 (*испр. из 22*). Не в дальнем расстоянии от этого места ~~еще~~ ~~другая~~ пещера, засыпанная землею, см. рис. 24 (*испр. из 23*); хотя трудно определить, что тут было, но на стенах к востоку есть следы красок, более никаких изображения не видно. Посредине скалы к восточной стороне есть лестница широкая, правильнее можно ее назвать въездом, потому что ~~по всей горе с южной стороны~~ идет полоса, как бы дорога, удобная для въезда на крутизну горы. На той же стороне к северному углу есть еще лестница довольно широкая. Обойдя всю вершину горы, видно, что было тут большое население и есть местность, господствующая над всеми окружающими ее возвышенностями. Приблизительно || (л. 6) измерив шагами, нарисовал на глаз план этой местности, см. рис. 25 (*испр. из 24*).

По возвращении в Пятигорск был у семейства казацкого полковника Соколова, родом кабардинца, у них хранятся родовые старинные военные доспехи, кольчуги, мисюрка, наручи стальные, каких много есть в Оружейной палате, и лук с колчаном и стрелами очень хорошей работы, по моему мнению, XVII столетия, на луке орнаменты, наведенные золотом по дереву очень искусной работы, а на саадаке

(испр. из саадале) и налуче (испр. из на луче) серебряные бляхи, эти вещи нарисовал, см. рис. 26 (испр. из 25). После встретился с кабардинским князем Мурза-Бек, который сообщил мне свою родословную, при сем прилагаемую, см. рис 27 (испр. из 26).

Так как между кабардинцами грамотности нет, почему каждая фамилия имеет свой знак, употребляемый как надпись, как печать, как герб, называемый «товро». Собрав несколько таковых с известными фамилиями и без фамилий, я счел не лишним нарисовать и представить, см. рис. 28 (испр. из 27), предполагая, что эти знаки могут быть полезными при каких-либо исследованиях.

На обратном пути в Ставрополь нарисо-

Пред отъездом передал г. Нарышкину список собранных мною сведений о древностях в Закавказье.

|| (л. 6 об.) вал каменную статую, называемую баба, см. рис. 29 (испр. из 28), она находится близ рядов около собора, перенесенная с каменного ложа (испр. из лажа) в Воробовке. Также нарисовал кресты, см. рис. 30 (испр. из 29), на старом соборе, форма крестов доказывает древнее православное население.

В разных местах по пути и в Кабарде собраны (испр. из собрал) следующие сведения:

1). Во Владикавказе военный доктор господин Головинский несколько лет занимается собиранием песен разных кавказских, горских и закавказских народов, говорят, имеет большое собрание.

2). От Екатеринодара в 80 верстах в Псекупской станице живет полковник Псекупского полка Иван Демидович Попко, говорят, занимается несколько лет археологическим изучением и собиранием древностей в местностях, находящихся от Екатеринодара до Черного моря.

3). У кабаринского князя Атажук Атажукова есть книги на пергамене, писанные по-гречески, говорят, Евангелие. Эту книгу кабардинцы чтут святою и в спорах делах целуют слова, как бы присягают.

4). В Джиналке образовался года два провал, в || (л. 7) склепе найдена серебряная цепь, отправленная в какой-то ученый комитет, говорили Шулормов и Казильбек Карумов из аула на реке Малке.

5). Близ селения Параскевы на реке Куле (*sic!*) место называется Карбалла, по-армянски св. Крест, и остатки города Бунжур Маджары, будто бы основанного Александром Македонским, там находят ежегодно различные древние вещи и, говорят, есть следы христианских храмов. Замечательно в последнее время распространена молва между кабардинцами, что Маджары название неправильное, а настоящее наименование Мадъяры, и что мадъяры народ френков есть настоящие законные обладатели этого места, изгнанные разными врагами из своего

отечества, и что мадьяры вновь будут скоро владеть своим достоянием, чего кабардинцы очень боятся.

6). В ауле Хулам (*испр. из Хулом*) в верховье реки Черек (*испр. из Чегем*), говорят, есть уцелевшие храмы с живописью.

7). Близ Владикавказа в Дарьяльском ущелье есть пещеры, где находят восковые свечи и кресты. || (л. 7 об.).

8). К востоку от местечка Безопасное место Рогули, где находят древние фундаменты зданий и склепы.

9). На реке Ардан в Осетии Коссерское ущелье Нузал, есть церковь с живописью и надписями, говорил (*испр. из говорят*) из аула Батыр-Бек Магомет Тегополоков.

10). Между Пятигорска и г. Георгиевска Лысая гора, где, говорят, есть развалины древних зданий.

11). На берегу реки Нальчик (*испр. из Нольчик*) против аула Месостова есть камни с надписями арабскими и неарабскими.

12). Рим-гора, также называемая Бургустан (*испр. из Бургустон*), г. Смирнов производит последнее название от итальянского borgo omo stamo (*испр. из stomo*).

Объехав часть Кабарды, я заметил, что повсюду исчезают следы национальных ~~древних памятников древностей~~, как оружия, так и одежды, почему для сохранения древних памятников полезно было бы основать музей местных древностей и этнографии Кавказа в Пятигорске, где всегда найдутся люди, обра- || (л. 8) зованные для поддержания его своею любовью к науке.

Впечатление, произведенное на меня гостеприимством и радушием кабардинцев, их любознательностию к узнанию нас, русских, и готовностью содействия в деле науки, внушают с моей стороны благодарность, особенно оказали внимание Бек-Мурзи Тамбиев и Хату-Анзоровы (*испр. из Хоту-Анзоров*).

Особенное содействие.

Более других я обязан горячо сочувствующему делу археологии доктору Смирнову.

* * *

РГБ, Струк. 858 (23.4). Лл. 1–1 об. (чернила)	РГБ, Струк. 891 (23.37). Лл. 1–3 (карандаш)
Опись рисунков предметов, находящихся в Пятигорском саду близ Елисаветинских ванн.	Рисунки
1. Две каменные статуи, взятые из станицы Есентуков.	1. В Пятигорском (<i>испр. из Пятигорск</i>) в саду 2 статуи, взятые из станицы Есентуковской, бывшие на дворах казаков.

2. Каменный крест с Рим-горы, открытый в 1824 году есаулом Абуковым.	2. –"– В Елисаветенском саду каменный крест, открытый 1824 году на горе Рум-гора есаулом Абуковым.
3. Две каменные плиты с арабскими надписями, найденные в селе Покойном в доме поселянина Звездова.	3. –"– Две каменные плиты, помещенные в гроте называемом Лермонтовым, находившиеся прежде в селе Покойном в доме поселянина Звездова.
4. Два камня с изображениями животных, найденные (<i>испр. из найденных</i>) на кургане близ Боргустана.	4. –"– В гроте близ Елизаветинской (<i>sic!</i>) галлерей. Две каменные плиты, найденные в 60 верстах от Пятигорска на кургане близ Боргустанской станицы.
5. Рисунок памятника и надписи найденного в Малой Кабарде за р. Терекон близ Эльхотского аула.	5. –"– В саду Елисаветенском. Каменный памятник, найденный в Малой Кабарде за р. Терекон близ Эльхотского аула, и копии с надписей. (л. 1 об.).
6. Рисунок надписи с камня, найденного в 12 верстах от Пятигорска.	6. Пятигорск. В Елисаветенском саду. Надпись на памятнике, называемом кабардинцами Дука бек. С памятника снят рисунок фотографический. Рисунок и описание статуи напечатано в III т. Запис. Археологич. общ. Перечень заседаний 1850.
7. Рисунок кабардинских памятники (<i>испр. из памятников</i>) на р. Баксан (<i>испр. из Баксон</i>).	7. Кабарда. Близ реки Баксан. Каменные памятники на старинном кладбище.
8. Вид курганов близ укрепления Нальчик (<i>испр. из Нольчик</i>).	8. –"– Близ укрепления Нальчик три кургана, называемые «Мамаевыми», и старинное кладбище.
9. Рисунок памятник (<i>испр. из памятника</i>) на кладбище близ курганов.	9. –"– Близ укрепления Нальчик у подошвы Мамаева кургана. Каменный памятник.
10. Рисунок музыкального инструмента назыв. пшинне.	
11. Два памятника, находящиеся между аула Хату Анзорова и города френков Керменчук.	10. –"– Между аула Хоту-Анзорова и города Керменчук два каменные памятника. (л. 2)
12. План местности города френков Керменчук.	11. Кабарда. В пяти верстах от аула Хату Анзорова (?). Наглядный план местности, называемой город френков Керменчук.
13. Вид местности бывшего города Керменчук.	12. –"– В 5 верстах от аула Хоту Анзорова. Вид места называемого «город френков Керменчук».

14. Рисунок памятник (испр. из памятника) в г. Керменчук.	13. —" В 5 верстах от аула Хоту Анзорова. В городе френков Керменчук памятник.	
15. Вид курганов на окраине города Керменчук. (л. 1 об.).	14. —" В 5 верст от аула Хоту Анзорова. Курганы на окраине места называемом «город френков Керменчук».	
16. Вид и план развалин в 7 верстах от Александровской станицы.	15. —" В 7 верстах от Александровской станице (sic!). Каменная плита в середине развалин вид и план развалин.	
17. Рисунки каменных крестов близ станицы Пришиб.	16. —" Близ станицы Прииб (sic!) на кургане каменные кресты. (л. 2 об.)	
18. Вид Рим-горы (испр. из гора) / Бургустан/ с западной стороны.	17. Кабарда. В 17 верстах от станицы Кисловдской (sic!). Вид Рим-горы (Бургустан) с западной стороны.	
19. Вид Рим-горы /Бургустан/ с восточной стороны.		
20. Вид Рим-горы /Бургустан/ части вершины скалы.	19 (испр. из 18). —" В 17 верстах от станицы Кисловодской. Вид угла скалы с юго-восточной стороны Рим-горы (Бургустан).	
21. План и разрез пещеры.	} В Рим горе	20 (испр. из 19). —" В 17 верстах —"—. План и разрез пещеры.
22. План и разрез пещеры.		21 (испр. из 20). —" План и разрез пещеры.
23. План и разрез пещеры.		22 (испр. из 21). —" План и разрез пещеры.
24. Наглядный рисунок плана вершины Рим-горы.	23 (испр. из 22). —" Наглядный приблизительно нарисованный план.	
25. Памятник в Горячеводской станице.	24 (испр. из 23). —" В станице Горячеводской. Каменная плита.	
26. Лук, стрелы, налучь (испр. из на лучь) и саадак кабардинские, хранящиеся в роде Соколовых.	25 (испр. из 24). Пятигорск. В-Пятигорске. У казацкого кабардинские лук и его принадлежности (л. 3) Хранящиеся в роде князей Соколовых.	
27. Родословная кабардинского князя Бек-Мурзы.	26 (испр. из 25). Кабарда. Родословная кабардинского князя Мурза Бек.	
28. Тавро кабардинских фамилий.	27 (испр. из 26). —" Тавро кабардинских фамилий.	

29. Каменная статуя в Ставрополе.	28 (<i>испр. из 27</i>). Ставрополь. Каменная статуя, находящаяся близ лавок гостиного двора под соборною горою.
30. Кресты на соборе в Ставрополе.	29 (<i>испр. из 28</i>). Ставрополь. Кресты на главах теплого собора.

* * *

Приложение. Отчет Нарышкина (ИИМК, ф. 3, д. 536. Лл. 59–60).

(л. 59) 1го октября я был уже в Пятигорске, где решился посвятить целый месяц отдыху, приведению в порядок своих заметок и отпечатыванию негативов, собранных мною в течение августа и сентября.

К удивлению своему, я по приезде в Пятигорск застал там художника г. Струкова, которого увидеть на Кавказе вовсе не ожидал, узнав от || (л. 59 об.) него, что он заехал в Пятигорск /по дороге из Крыма/ для того, чтобы осведомиться о ходе нашего предприятия. Я сообщил ему вкратце про результат своих занятий, показал некоторые рисунки, но вместе с тем сказал, что до ноября не могу возобновить археологических изысканий. Так как он имел желание сам от себя наполнить свой альбом рисунками, то я пригласил его сопутствовать мне в Кабарду, куда в 10х числах октября должен был отправиться по своим делам.

— — —
Пред отъездом своим из Москвы в половине мая я и брат имели честь письменно сообщить Обществу чрез посредство секретаря оно́го, что предположенная командировка гна Струкова не состоялась не по нашей вине.

|| (л. 60). По возвращении оттуда в конце октября г. Струков уехал в Москву. Между тем, я начал собираться вновь для посещения весьма интересно (*sic!*) в археологическом отношении местности бывшего города Маджар...

Литература

- Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е издание, исправленное. М.: ИВ РАН, 2021. 440 с.
- Виноградов А. Ю., Каишанов Д. В., Понарядов В. В. Греческий текст и греческое письмо в Кабарде XVI–XIX вв. // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2018. С. 310–322.
- Виноградов А. Ю., Каишанов Д. В., Понарядов В. В. Рукопись Шогенова – уникальный памятник письменности Северного Кавказа // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 418–421.

Императорский Российский исторический музей. Указатель к первым десяти залам. М.: Синодальная типография, 1893. 133 с.

Каштанов Д. В. Еще раз об источниках реконструкции Зеленчукской надписи, или нужно ли утверждать множество без необходимости // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный: ЧГУ, 2016. С. 224–225.

Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве // Записки Императорского Русского археологического общества. Том 2 (новая серия). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. С. 44–47.

Перфильева Л. А. Альбом рисунков художника и археолога Д. М. Струкова как исторический источник для изучения христианских древностей Северного Кавказа. Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы V Международных Свято-Игнатьевских чтений. Ставрополь: СтПДС, 2013. С. 82–99.

Шинова Т. «Славянская фотография» // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. № 7–8 (49). М., 2007. С. 110.

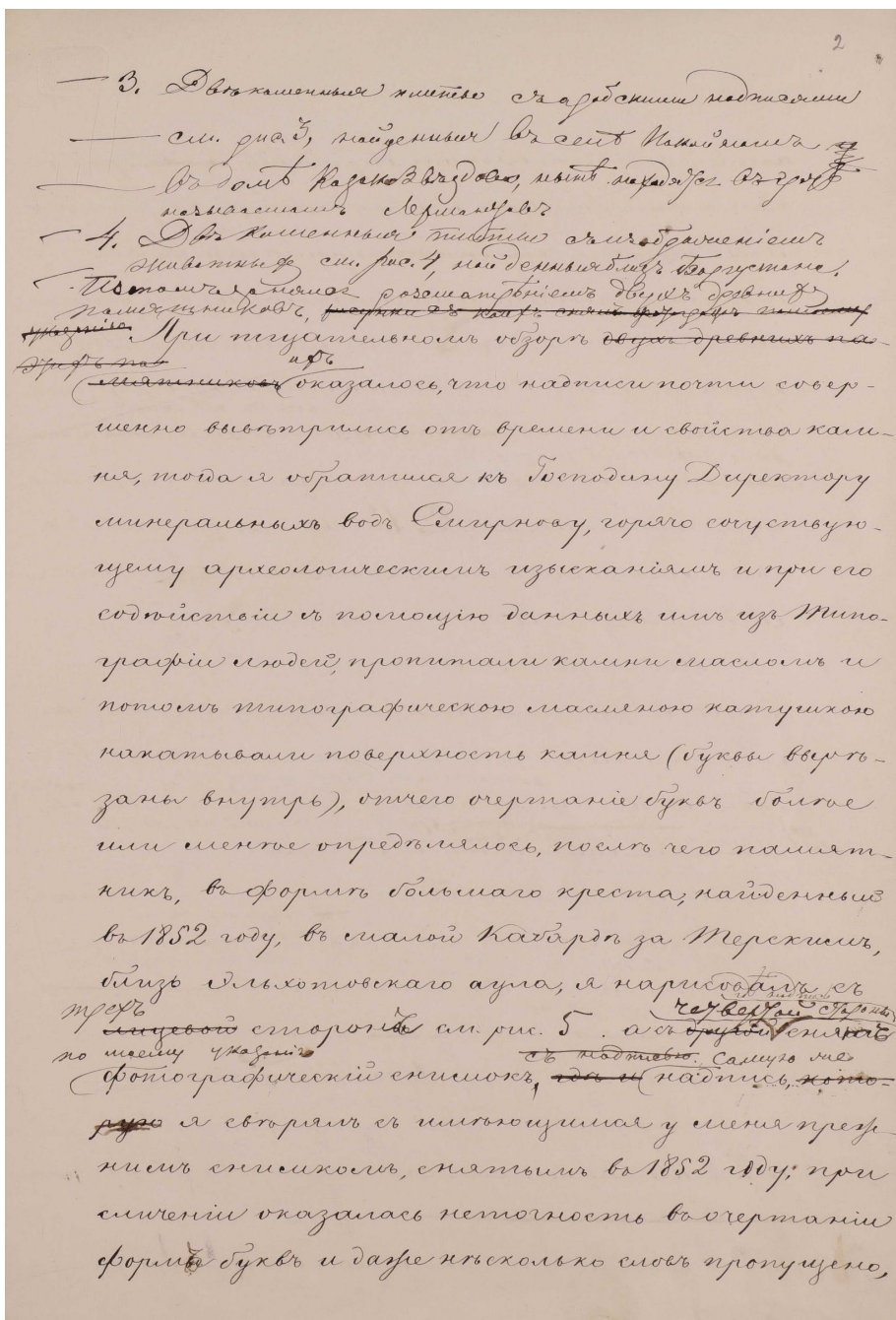

Рис. 1. РГБ, ф. 293, д. 863 (23.9). Л. 2. Писарская копия доклада с правкой Д. М. Струкова.

Выходит все это дело, и
~~Восточные~~ намерения Общества на ходятся
~~и~~ при п.с. Нарышкиных, во время путеше-
 ствия из ~~на~~ Кавказ; в это время, когда
 они собирались из Москвы в Константинополь, и
 тогда вместе с ними, но не было еще куплено
 фирменное разделение от Нарышкина капиталу
 мой супруги, посылу и выдачу п.с. Нарышкиных
 книжки официального содержания, и изданных
 в свет обзора древней и новейшей, и они
 выехали из Москвы ~~и~~ без меня в со-
 провождении фотографа, а изредка и хри-
 стьян к концу их поездки, дабы не обременять
 изданным расходом. Выехали из Москвы
 и в конце июля встав, по пути осмат-
 ривая в Крым для обзора древней и новой
 архитектуры Крыма буду иметь честь вас
 предупредить благоусмотрением Общества

Рис. 2. РГБ, ф. 293, д. 856 (23.2). Л. 3. Черновой вариант доклада.

До Императорского Археологического
 общества
~~Д. М. Струков~~
 В начале весны сего года я назна-
 чен Общества находится при Г.
 Карышкиных во время путеше-
 ствия их на Кавказ; в то время, когда
 они собрались из Москвы на отъезд,
 я не имел тогда времени прийти,
 ибо не было еще принятой формальной
 расписки от Канцелярии по моему
 слову ~~судебному~~, почему я спешил
 Г. Карышкиных кнута архео-
 логическим содержанием и наставле-
 ниями во время обзора древних
 памятников, и они выехали из
 Москвы без меня в сопровождении
 фотоправа, а я предназначал при-
 ехать к концу их записей, дабы
 не обременить их лишним рабо-

Рис. 3. РГБ, ф. 293, д. 892 (23.38). Л. 1. Писарская копия доклада с правкой Д. М. Струкова.

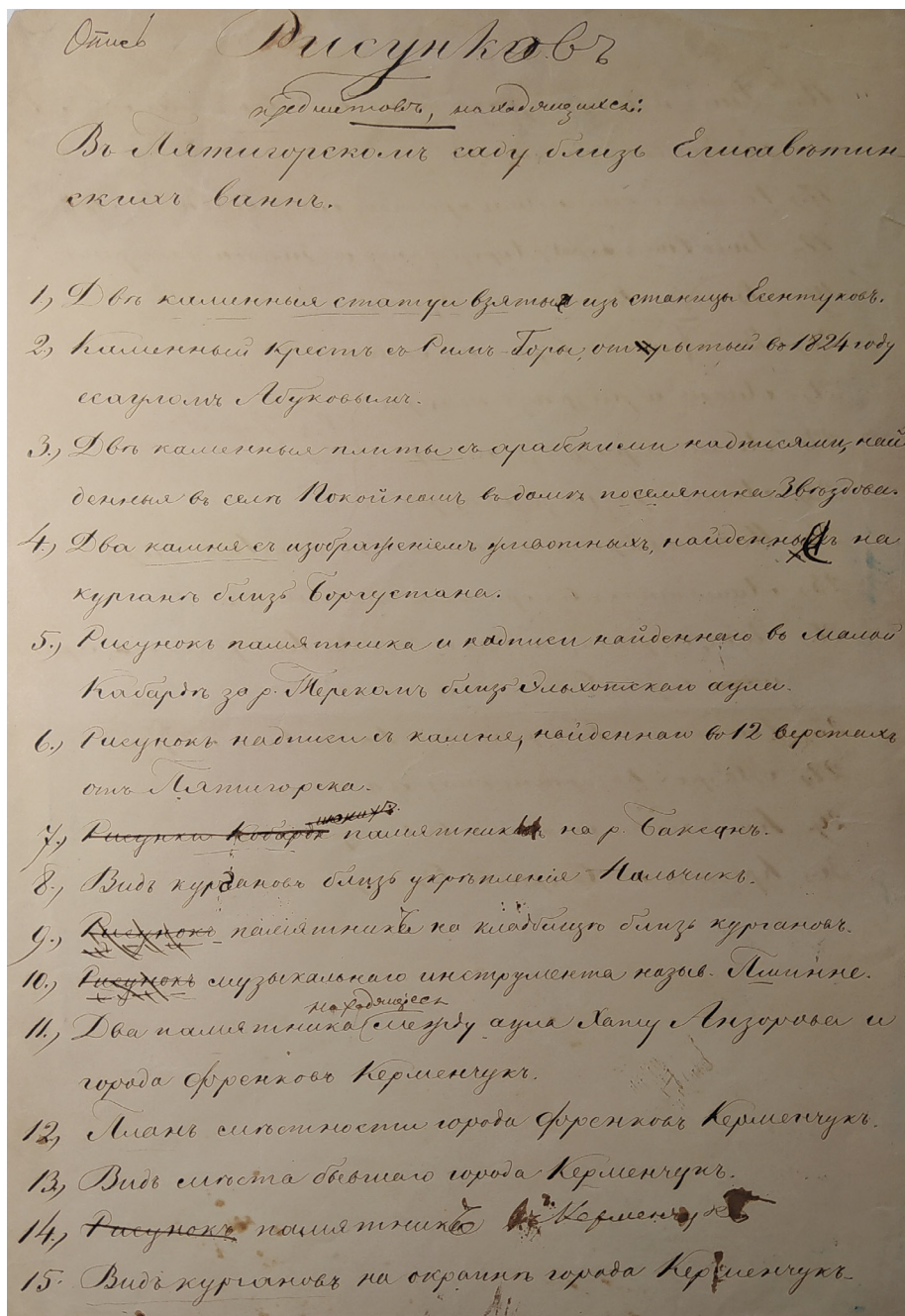

Рис. 4. РГБ, ф. 293, д. 858 (23.4). Л. 1. Опись рисунков.

D. V. Kashtanov

**MATERIALS FOR THE HISTORY OF THE FIRST CAUCASIAN
STUDIES IN RUSSIA. THE JOURNEY OF DMITRIJ STRUKOV
TO THE CAUCASUS IN 1867**

Abstract: a complex of archival materials from the collection of Dmitrij Strukov (Department of Manuscripts of the Russian State Library, Moscow) is published. They contain previously unknown information about Strukov's journey to the Caucasus in 1867, which also resulted in a series of sketches preserved in the archives of the Institute of the History of Material Culture (St. Petersburg). Various sets of notes dedicated to the journey have been identified and reconstructed. Their comparison allows us to speak about several stages of Strukov's work on his report. The circumstances and chronology of the journey, as well as Strukov's contacts with other persons, have been clarified. The published materials contain valuable information on the history of Caucasian studies in Imperial Russia.

Keywords: Caucasus, North Caucasus, Dmitrij Mikhajlovich Strukov, Imperial Archaeological Society, travel notes, archival materials

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВИЧА СКАКОВА (1971–2023)

Не стало Александра Юрьевича Скакова, российского историка, археолога и политолога, заместителя директора Института востоковедения РАН, научного сотрудника Института археологии РАН, заслуженного деятеля науки Республики Абхазия, члена Научного общества кавказоведов России. Отечественная археологическая наука понесла тяжелую утрату, для целого направления – изучения древней кобани – эта утрата стала невозполнимой. В археологическом изучении Абхазии с уходом А. Ю. Скакова прервался яркий, насыщенный открытиями этап интенсивной плодотворной научной работы. А мы потеряли своего коллегу и друга, талантливого, разностороннего человека, ученого с энциклопедическими знаниями, тонкого ценителя искусства, неутомимого путешественника и романтика с поистине «гумилевской страстью» к поэзии, книгам, Новому и Незнвестанному.

А. Ю. Скаков родился 28 ноября 1971 г. в Москве. После окончания кафедры археологии истфака МГУ он поступил в аспирантуру Института археологии РАН. В 1998 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему:

«Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник» (руководитель – д.и.н. В. И. Марковин). Своими Учителями Скаков называл выдающихся отечественных ученых – Ирину Владимировну Яценко (1921–2014), Владимира Ивановича Марковина (1922–2008), Валентину Ивановну Козенкову (1931–2021) и Александра Пинкусовича Мошинского (1954–2022).

Археологическое крещение Шарль, как называли Скакова все его друзья, получил в экспедиции А. П. Мошинского (Государственный исторический музей), в которой он проработал несколько сезонов. К слову, дальнейшее сотрудничество этого замечательного тандема – Мошинского и Скакова – составят особую страницу в изучении раннего железного века Кавказа. Экспедиция ГИМ проводила многолетние стационарные раскопки поселения кобанской культуры Сауар в Северной Осетии. В том числе был исследован, по образному выражению начальника экспедиции, «город мастеров» или «город колдунов» – квартал гончарных печей и металлургических горнов с несколькими культовыми комплексами. Увы, уникальный материал из раскопок поселения Сауар, вопреки планам А. П. Мошинского и А. Ю. Скакова о его совместном монографическом издании, еще не скоро будет введен в мировую науку.

В этой экспедиции Саша приобрел знания и опыт полевого археолога, а еще ее традиции, став при этом не только преданным носителем экспедиционного фольклора, но и его частью, одним из его героев. В словаре Садикобяз (М. – Догуй Хунта, 2002) – особого «современного археологического диалекта дигоро-кобанского языка», немало слов и фразеологических оборотов, за которыми – истории из полевой, а вернее, горной экспедиционной жизни, шутки, улыбки – и за которыми так и слышится неповторимый голос Шарля: *«ныхасить»*, *«баунти»*, *«макумба»*, *«фандараст»*!

Саша проводил раскопки археологических памятников в разных регионах Кавказа, но Имя Скакова как археолога неизбежно связано с Абхазией. С 2002 г. он был организатором и руководителем Гудаутской затем Ткуарчалской и Очамчирской археологической экспедиции.

Результаты его полевых работ на земле древней Колхиды не просто умножили фонд источников, упрочили существующие научные представления, но позволили существенно расширить датировку исследуемых им археологических объектов, открыли новые для культур и территорий типы памятников – как бытовые, так и погребальные. Результаты работ А. Ю. Скакова существенно детализировали, и во многом, изменили представления о древностях этого региона.

Вместе с Аркадием Ивановичем Джопуа из Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа многие годы Скаков

исследовал могильник Джантух конца II тыс. до н. э. – II в. до н.э., расположенный в горной части Восточной Абхазии, севернее г. Ткуарчал. Уникальность Джантухского могильника, в первую очередь, заключается в наличии здесь погребальных комплексов более чем тысячелетнего хронологического интервала. Работы на могильнике Джантух привели к открытию двух ранее неизвестных особенностей колхидского погребального обряда, представленных, на сегодняшний день, только на этом памятнике. Первая особенность – это погребально-поминальные вымостки, когда останки погребенных и некоторые предметы помещались не в могильную яму, а непосредственно среди камней или под камнями вымостки, а вторая – это своего рода «тайники» – тщательно замаскированные (замазанные по поверхности материковой глиной) ямы небольшого размера округлой или неправильной формы, забитые пережженными и практически спекшимися в одну массу многочисленными бронзовыми и железными предметами V–IV вв. до н.э., прежде всего, оружием.

Исследование Джантухского могильника позволило А. Ю. Скакову прийти к выводу о доживании в этом регионе Причерноморья одной из колхидских культур с традицией коллективных погребальных ям, вторичного обряда захоронения и кремации вплоть до II в. до н.э., а также проследить еще одну своеобразную особенность культуры местного населения – устойчивую архаизацию их вещевого комплекса, когда типы предметов, вышедшие из использования на Северном Кавказе или в приморских районах Колхиды, оставались здесь в употреблении спустя несколько столетий, что подтверждает многочисленный античный керамический импорт.

Наряду с могильником несколько лет Ткуарчалская экспедиция исследовала и синхронное ему поселение Джантух, в том числе, производственный квартал VIII–VII – II–I вв. до н. э., на территории которого были выявлены восемь металлургических, преимущественно бронзолитейных горнов различной степени сохранности.

Исследованный комплекс памятников предоставил огромный материал, содержащий значительный объем новой информации по генезису колхидских культур, погребальному обряду, связям древнего населения Северо-Западного Закавказья и Северного Кавказа, контактам местного населения с историческими киммерийцами, скифами, античными полисами Восточного Причерноморья. А Джантухский могильник благодаря этим работам занял место эталонного памятника локального варианта ингуро-рионской колхидской культуры в системе древностей Колхиды.

Начиная с 2019 г. во главе теперь уже совместной Очамчирской экспедиции Института востоковедения РАН, Института археологии РАН

и Абхазского государственного музея, Абхазского института гуманитарных исследований АН Абхазии (руководитель экспедиции с абхазской стороны – к.и.н. А. И. Джопуа), были возобновлены исследования городища античного и раннесредневекового Гиеноса (Гюэноса) в районе г. Очамчыра, на берегу Черного моря. На сегодняшний день это единственный точно локализованный античный полис эпохи Великой греческой колонизации на территории Абхазии, возникший не позднее начала VI в. до н. э., существовавший также и в ранневизантийский период.

Главным объектом исследований экспедиции стал храм ранневизантийского времени. В результате этих работ была уточнена планировка храма, техника его строения, пополнена коллекция знаков и рисунков на плинфе, особенно важным открытием стало обнаружение рядом с юго-западным углом наоса храма святилища V – первой половины IV вв. до н.э.

В 2021 г. в нартексе храма, ниже уровня фундамента, в слое подсыпки, был обнаружен хорошо сохранившийся свинцовый саркофаг. Это уникальная находка не только для Абхазии (единственный относительно близкий аналог – медный саркофаг VI–VII вв. из имени Краевичей в Цебельде, находка 1911 г.), но и для всего региона Северного и Восточного Причерноморья. На двух участках стенки саркофага выявлены декоративные элементы: крест, геометрический знак, округлые знаки. Внутри саркофага находился скелет 50-летнего мужчины, по всей видимости, священнослужителя, а также обломки стеклянного сосуда.

Следует подчеркнуть ответственное отношение Саши к раскопанному материалу, к слову, очень многочисленному – А. Ю. Скаков ежегодно перевозил коробки с находками, в том числе с антропологией, через границы в Москву и обратно, находил средства на качественную реставрацию и зарисовку предметов, превращая груды раскопанного материала в полноценный высококачественный источник.

В целом, можно с полной уверенностью сегодня говорить о том, что работы А. Ю. Скакова в Абхазии представляют собой особый самостоятельный этап в истории археологического изучения древностей этой земли.

А. Ю. Скаков внес значительный вклад и в изучение кобанской археологической культуры. В этом он во многом оспорил выводы своего любимого учителя – Валентины Ивановны Козенковой. Концепция переходной «протокобанской группы» или «протокобанского периода» была выдвинута В. И. Козенковой в 1980-х гг., в дальнейшем обоснована ею с участием А. П. Мошинского (1995 г.). Период был датирован в рамках третьей четверти II тыс. до н.э. Позже, в начале 2000-х годов в своих многочисленных работах А. П. Мошинский, опираясь на материалы

могильника Кари Цагат, значительно удревнил протокобанские древности, считая более оправданным говорить о предкобанской эпохе, в рамках которой выделяется несколько хронологических периодов и культур. К аналогичным выводам тогда же пришел и А. Ю. Скаков. В дальнейшем тенденция к удревнению «протокобани» была подкреплена целым рядом исследований и стала доминирующей.

Во-вторых, А. Ю. Скаков совместно с А. П. Мошинским поставил вопрос о существовании не кобанской культуры с локальными вариантами, развивающейся обособленно от колхидской культуры, а кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяются кобанская и колхидская культурно-исторической области, каждая из которых, в свою очередь, состоит из нескольких культур.

К важным выводам относительно кобано-колхидских контактов и взаимовлияния этих культур А. Ю. Скаков пришел по результатам изучения материалов погребальных памятников. Ранее В. И. Козенкова, исследовавшая знаменитый памятник западнокобанской культуры – могильник Терезе – предполагала проникновение обряда коллективных захоронений с кремацией из района Рутхи (Дигория) в соседнюю Рачу, а оттуда – в районы Колхиды. Скаков показал синхронное появление обряда кремации у протокобанских племен Северного Кавказа (дигорская культура) и у населения Северо-Западного Закавказья. В свою очередь, позднекобанский пласт кремационных погребений на территории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии он связал с культурным импульсом с юга, с территории современной Абхазии, подтвердив тем самым предположение, высказанное еще в 80-х гг. прошлого столетия Е. П. Алексеевой.

Помимо трудов по кобано-колхидской тематике, перу А. Ю. Скакова принадлежит фундаментальный очерк о племенах восточного побережья Черного моря в эпоху античности (гениохах, кораксах, ахейцах, керкетах, торетах и др.), большие проблемные работы, посвященные изучению Фасиса, мифологии древнего населения Кавказа и другие. А. Ю. Скаков являлся неизменным автором Большой российской энциклопедии, подготовив для этого издания десятки статей.

Он так и не успел написать свою главную книгу, но он оставил после себя лучшую в мире частную библиотеку по Кавказу. Это уникальное собрание из многих тысяч томов Саша завещал Институту востоковедения Российской академии наук. И это – его бесценный дар отечественной науке и фундаментальный вклад Александра Юрьевича Скакова в ее развитие.

Друзья

Список сокращений

- АДСВ – Античная древность и средние века
АО – Археологические открытия
ВВ – Византийский временник
ИАА – Историко-археологический альманах
ИИАИАНД – Историко-археологические исследования
 в Азове и на Нижнем Дону
ИАК – История и археология Крыма
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории
 материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории
 материальной культуры
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии
 Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАСК – Материалы и исследования по археологии
 Северного Кавказа
ПА – Поволжская археология
СА – Советская археология
SBS – Studies of Byzantine Sigullography

Сведения об авторах

Бердник Елена Сергеевна. Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, Россия.

Berdnik Elena S. Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia. e-mail: bes89@mail.ru

Быстрицкий Николай Игоревич. Институт востоковедения РАН. Москва. Россия.

Bystritsky Nikolay I. Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: nbystritskiy@yandex.ru

Виноградов Андрей Юрьевич. Доктор филологических наук, кандидат исторических наук. Институт востоковедения РАН. Москва. Россия.

Vinogradov Andrey Yu. Doctor of Philology, PhD in History. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russia. e-mail: ampelios@gmail.com

Дружинина Инга Александровна. Кандидат исторических наук. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Druzhinina Inga A. PhD in History. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: inga_druzh@mail.ru

Дрыга Данила Олегович. Кандидат технических наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Москва, Россия.

Dryga Danila O. PhD in Technical. Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba. Moscow, Russia. e-mail: hoppkuh@gmail.com

Евдокимова Александра Алексеевна. Кандидат филологических наук. Институт языкознания РАН. Москва, Россия.

Evdokimova Alexandra A. PhD of Philology. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: kat345@yandex.ru

Ендольцева Екатерина Юрьевна. Доктор искусствоведения. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Endoltseva Ekaterina Yu. Doctor of Art History. Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: ekaterina.endoltseva@gmail.com

Кабардов Инал Бесланович. Аспирант. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Kabardov Inal B. Graduate Student. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: inal-kabart@mail.ru

Казеннова Любовь Константиновна. Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Kazenнова Lyubov K. Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. e-mail: kazennova.lyubov@mail.ru

Карнаушенко Александр Дмитриевич. Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Karnaushenko Alexander D. Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. e-mail: scad.luncher@gmail.com

Карнаушенко Элла Николаевна. Независимый исследователь. Севастополь, Россия.

Karnaushenko Ella N. Independent researcher. Sevastopol, Russia. e-mail: yellika@gmail.com

Каштанов Денис Викторович. Независимый исследователь. Стамбул, Турция.

Kashtanov Denis N. Independent researcher. Istanbul, Turkey. e-mail: kastanon@gmail.com

Косоуров Дмитрий Алексеевич. Магистр истории, аспирант. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

Kosourov Dmitry A. Master in History, Postgraduate Student. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, Russia. e-mail: kosourovdm@gmail.com

Нарожный Евгений Иванович. Доктор исторических наук, профессор. Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева. Карачаевск, Карачаево-Черкесская республика, Россия.

Narozhny Evgeny I. Doctor of History, Professor. Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev. Karachayevsk, Russia. e-mail zai_ein@mail.ru

Флёров Валерий Сергеевич. Кандидат исторических наук. Институт археологии РАН. Москва, Россия.

Flyorov Valerij S. PhD in History. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: valerij-flyorov@yandex.ru

Цымбал Марк Леонидович. Студент магистратуры. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

Tymbal Mark L. Master’s student. National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, Russia. e-mail: marostis@yandex.ru

Чхаидзе Виктор Николаевич. Кандидат исторических наук. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Chkhaidze Victor N. PhD in History. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Научное издание

ByzantinoCaucasica **Выпуск 3**

Верстка *Л. А. Преображенский*

Корректор *И. А. Дружинина*

Дизайн обложки *И. Н. Чхаидзе, И. А. Дружинина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034–2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано к печати 25.12.2023. Формат 70×100/16.

Усл.печ. л. 22,25. Уч.-изд.л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ №3966

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56

E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>